

В Е С Ь Р О Л Л И Н С

Р Д Ж Е Й М С
Р О Л Л И Н С

К Р Е Б Е К К А
К А Н Т Р Е Л Л

К р о в а в о е Е в а н г е л и е

Весь Роллинс

Джеймс Роллинс
Кровавое Евангелие

«ЭКСМО»

2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

Роллинс Д.

Кровавое Евангелие / Д. Роллинс — «Эксмо», 2013 — (Весь Роллинс)

ISBN 978-5-699-74295-0

Сильное землетрясение в районе древней израильской крепости Масада обнажило неизвестное захоронение, сокрытое в недрах горы. На осмотр находки прибыли трое специалистов – сержант спецназа США Джордан Стоун, священник из Ватикана Рун Корца и археолог Эрин Грейнджер. Захоронение оказалось частью подземного храма с таинственным саркофагом. Сохранившиеся знаки свидетельствовали о том, что некогда здесь была спрятана священная книга. По легенде, Иисус Христос начертал ее собственной кровью, заключив в ней тайну своей божественности...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-74295-0

© Роллинс Д., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Благодарности	6
Пролог	7
Часть 1	13
Глава 1	13
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	42
Глава 6	54
Глава 7	57
Глава 8	68
Глава 9	74
Глава 10	78
Глава 11	86
Глава 12	88
Часть II	93
Глава 13	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Джеймс Роллинс, Ребекка Кантрелл

Кровавое Евангелие

© Вейсберг Ю.И., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

От Джеймса:

Энн Райс

За то, что показала нам красоту в монстрах

И монстров в окружении прекрасного

От Ребекки:

Моим мужу и сыну за то,

что они защищали меня от монстров

*И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную
внутри и отвне, запечатанную семью печатями.*

*И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом:
кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати с нее?*

*И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землею, раскрыть
сию книгу, ни посмотреть в нее... И говорят: достоин Ты взять книгу и
снять с нее печати: ибо Ты был заклан и кровию Своею искупил нас Богу.*

Откр. 5:1–3, 5:9

Я – Лазарь. Я воскрес из мертвых.

Вам все открыть вернулся; все открою.

Т. Элиот

«Песнь Любви Дж. Альфреда Пруфрока»

(перевод О. А. Гераськина)

Благодарности

На этой книге можно найти множество отпечатков пальцев в дополнение к тем, что оставили на ней два автора, имена которых обозначены на обложке. Прежде всего позвольте мне поблагодарить группу моих критиков: Салли Барнс, Криса Кроу, Ли Гаррета, Джейн О'Рива, Денни Грейсона, Леонарда Литтла, Скотта Смита, Пенни Хилл, Джуди Прей, Дейва Мюррея, Уилла Мюррея, Кэролайн Уильямс, Джона Киза, Кристиана Райли, Эмми Роджерс и в особенности Каролин МакКрей, которая помогала сдвигать это повествование с мертвой точки своими возражениями и сомнениями. И конечно же, Дэвида Сильвиана, который был моей правой рукой на всех этапах работы и после. Я не могу не выразить громкой благодарности Джо Конрату за все его усилия, направленные на то, чтобы это повествование получилось как можно лучше. А напоследок, конечно же, особый поклон четырем людям, играющим важные роли в моей карьере: моему редактору Лисе Кёш и ее коллеге Аманде Бержерон; моим агентам Руссу Галену и Дэнни Барору. И как всегда, я должен подчеркнуть, что ответственность за любые, да и вообще за все ошибки и неточности в фактах и деталях ложится всецело на мои плечи.

Теперь Ребекка. Я хочу поблагодарить всех, кто работал изо всех сил, помогая вытащить эту книгу, да и меня саму на свет Божий, в том числе моих превосходных агентов Элизабет Эванс, Мэри Элис Кейр, Энн Коттл и Лису Кёш из издательства «Харпер». Этот роман и другие мои романы стали значительно интереснее благодаря великолепной редакторской группе Конны Инк, состоявшей из Кэтрин Уодсворт, Джудит Хит, Карен Холингер и Дэвида Деардорфа. Это было трудное путешествие, и я не смогла бы осилить его без постоянной и твердой поддержки моего надежного супруга и замечательного сына, экспертов по оружию для защиты семьи. Благодарю также и Джеймса за то, что пригласил меня принять участие в этой работе.

Пролог

73 год н. э., весна

Масада, Израиль

Мертвые продолжали петь.

В трехстах футах над головой Елеазара звучал хор девятисот иудейских повстанцев, словно назло римскому легиону, стоящему перед воротами крепости. Защитники поклялись, что лишат себя жизни, но не сдадутся. Эти заключительные молитвы, звучащие с высоты и обращенные к Небесам, эхом раскатывались по туннелям, прорытым внизу вокруг центральной части горы Масада.

Мысленно простившись со стоящими под горьким палящим солнцем обреченными людьми, Елеазар усилием воли оторвал свой пристальный взгляд от крыши коридора, пробитого в известняковой скале. Как он хотел сейчас стоять позади них и петь с ними, с теми, кто должен будет отдать свою жизнь в последнем бою. Но судьба предредила ему другое место.

Иной путь.

Он держал в руках этот драгоценный предмет; нагретый солнцем камень, размером с новорожденного ребенка, лежал у него на руке между ладонью и локтем. Бережно прижимая камень к груди, он протиснулся в грубо прорубленный проход, ведущий к центру горы. Камнотесы заложили зев прохода камнями. Никто из живых не мог последовать за ним.

Семь сопровождающих его воинов с факелами в руках выстроились в цепь впереди него. Мысленно они все еще наверняка были со своими братьями, с теми девятью сотнями воинов, оставшихся наверху, на залитом солнцем плато. Крепость пребывала в осаде уже не один месяц. Десять тысяч римских легионеров, расположившихся вокруг и разбив немыслимое число лагерей, окружили эту гору с расположенным на вершине городом-крепостью столь плотным кольцом, что ни один человек не мог ни войти, ни выйти из него. Закончив песнопение, восставшие поклялись лишиться жизни и самих себя, и членов своих семей еще до того, как римляне преодолеют крепостные стены. Они молились, готовя себя к тому, чтобы убить невинных.

Мое место среди них.

Миссия Елеазара была столь же тяжелой, как камень в его руках. Его мысли постоянно возвращались к тому, что ожидало их внизу. Подземный храм. Он провел много часов в молитве в этом храме, стоя на коленях на каменных плитах, пригнанных настолько плотно друг к другу, что и муравей не смог бы проползти между ними. Он досконально изучил гладкие стены храма и его высокий сводчатый потолок. Его восхищала превосходная ручная работа мастеров, трудом своим сотворивших это святое место.

Но даже и тогда не осмелился он смотреть на саркофаг, стоящий в этом храме.

Та нечестивая, порочная надпись передавала самое святое слово Всевышнего.

Он плотнее прижал камень к груди.

Прошу тебя, Всевышний, освободи меня от этого бремени.

Эта последняя молитва, как и тысячи предыдущих, осталась без ответа. Жертвы восставших, оставшихся наверху, должны быть прославлены. Источник их ужасающей решимости и воли должен служить более возвышенной цели.

Дойдя до сводчатого входа в храм, Елеазар не мог решиться сделать шаг внутрь. Воины из его свиты, теснясь и толкая друг друга, занимали привычные места. Прижавшись лбом к холодной стене, он молил Всевышнего смягчить его страдания.

Никто не вышел из храма.

Его пристальный взгляд метался из стороны в сторону, пытаясь увидеть то, что происходит внутри. Мерцающий свет факелов, дрожащие тени на каменных блоках, из которых была

сложена арочная крыша... Струи дыма, завиваясь, поднимались вверх, ища выход, но выхода не было.

Выхода не было не только для дыма, но и ни для кого из них.

Наконец его глаза остановились на той самой девочке, которую держали воины, на ее коленках. При взгляде на нее у Елеазара от жалости защемило сердце, но при этом он ни на секунду не забыл о возложенной на него миссии. Он надеялся, что она закроет глаза и ему не придется смотреть в них, когда наступит ее конец.

Вода в глазах...

Вот так его давно умершая сестра описывала эти невинные глаза, глаза своей дочери, своей маленькой Азувы.

И вот сейчас Елеазар пристально смотрел в глаза своей племянницы.

Все еще детские глаза – но на него смотрели отнюдь не глаза ребенка. Она уже успела повидать такое, чего ребенок видеть не должен. А скоро она уже ничего не сможет увидеть.

Прости меня, Азува.

Шепча последнюю молитву, он подошел к освещенному факелами саркофагу. Слабеющий огонь факелов отражался от беспокойных глаз одного из семи воинов, ожидающих его. Много дней сражались они с римлянами, зная, что для них концом битвы явится их собственная смерть, но такой конец их не радовал. Он кивнул им и человеку в мантии, стоявшему среди них. Девять взрослых мужчин собрались для того, чтобы принести в жертву ребенка.

Стоявшие рядом с девочкой мужчины поклонились Елеазару, словно святому. Но не знали они правды: не знали, насколько нечистым он был. Только он да еще тот, кому он служил, знали это.

У всех мужчин были кровавые раны; некоторым их нанесли римляне, другие получили свои раны от девушки, которую они пленили.

Пурпурное одеяние, которое на нее надели против ее воли, было слишком велико для нее, и она казалась в нем еще меньше, чем была на самом деле. Ее грязные руки сжимали разорванную куклу, сшитую из смуглой кожи, цвет которой был таким, какой бывает после загара в Иудейской пустыне; одна пуговица, пришитая вместо глаза, была оторвана.

Сколько же лет назад он подарил ей эту куклу? Елеазар помнит, каким восторгом вспыхнуло ее худенькое личико, когда он, опустившись на колени, протянул ей ее. Вспомнил, как раздумывал над тем, сколько солнца могло попасть в это маленькое тело, чтобы лицо девочки излучало такой свет, так ярко сияло оно радостью и весельем при виде такого скромного подарка, сшитого из кожи и материи.

И вот он искал ее лицо сейчас, искал тот самый солнечный свет.

Но видел лишь смотрящую на него темноту.

Она, оскалив зубы, зашипела.

– Азува, – обратился он к ней.

Глаза, когда-то спокойные и прелестные, как глаза лани, посмотрели на него с дикой ненавистью. Она глубоко вдохнула и плюнула горячей кровью ему в лицо.

Елеазар пошатнулся, с изумлением почувствовав что-то мягкое, шелковистое на лице и ощутив железный запах крови. Дрожащей рукой он обтер лицо. Опустившись перед ней на колени, кусочком ткани стер кровь с ее подбородка и сразу отбросил от себя запачканную кровью тряпочку.

А потом он услышал это.

И она тоже.

Елеазар и Азува одновременно вскинули головы. Из всех, кто был в храме, только они слышали пронзительные крики, донесшиеся сверху, с плато на вершине горы. Только они узнали, что римляне пробивались сквозь ряды защитников крепости.

Резня наверху началась.

Человек в мантии, заметив их движение, сразу понял, что произошло.

– У нас нет больше времени.

Елеазар посмотрел на человека в пыльной коричневой мантии, старшего среди них, того, который требовал, чтобы этого ребенка крестили, несмотря на весь царивший кругом ужас. Годы избороздили морщинами бородастое лицо старшего. Мрачные, непроницаемые глаза были закрыты. Губы беззвучно произносили молитву. Лицо выражало твердость человека, уверенного в своей непогрешимости.

Наконец эти святые глаза снова раскрылись и нашли лицо Елеазара; они смотрели так, словно хотели проникнуть в его душу. И это вызвало в его памяти другой взгляд другого человека, и было это много лет назад.

Дабы скрыть стыд, Елеазар отвернулся.

Воины обступили раскрытый каменный саркофаг в центре храма. Вырубленный в цельной глыбе известняка, он мог вместить в себя трех взрослых мужчин. Но вскоре он станет местом заточения лишь для одной этой маленькой девочки.

Во всех углах тлели погребальные костры из мирты и ладана. В их благовонном аромате Елеазар ощущал и другие запахи, вызывающие тревогу: запахи горьких солей и едких пряностей, подобранных и смешанных так, как предписывалось в древних наставлениях ессеев¹.

Все было готово к свершению ужасного действия.

Елеазар в последний раз склонил голову, моля Всевышнего направить их по иному пути.

Возьми меня, но не ее.

Но каждому из них в соответствии с ритуалом предназначалось исполнить назначенную ему роль.

Девушки, лишенной невинности.

Рыцаря Христова.

Воителя.

Одетый в мантию старший заговорил. Его замогильный голос ни разу не дрогнул.

– На то, что мы должны совершить, есть воля Всевышнего. Ради сохранения ее души. И душ остальных. Так берите же ее!

Но не все пришли сюда по доброй воле.

Азува вырвалась из державших ее рук и бросилась к выходу, проворная, как молодая косуля. Лишь один Елеазар смог опередить и поймать ее. Он ухватил девушку за запястье. Она отбивалась, стараясь разжать его руку, но он был сильнее. Мужчины обступили их. Азува, прижав к груди куклу, бросилась на колени. Она выглядела такой несчастной и маленькой.

Старший подал знак стоящему рядом воину.

– Да свершится.

Шагнув вперед, воин ухватил руку Азувы, вырвал из нее куклу и отшвырнул ее прочь.

– Нет! – с плачем выкрикнула она; это было первое слово, вылетевшее из ее слабого горла, произнесенное жалким, детским голосом.

Азува снова вырвалась и с неистовой силой бросилась вперед. Она прыгнула на ненавистного ей война, обхватила ногами его талию и, свалив его на каменный пол, вцепилась зубами и ногтями ему в лицо.

Два других воина бросились ему на помощь. Оттащив взбешенную девочку, они прижали ее к полу.

– Тащите ее в усыпальницу! – приказал старший.

Двое державших ее мужчин застыли в нерешительности, попросту опасаясь сделать хоть какое-то движение. Ребенок, казалось, подчинил их своей воле.

¹ *Ессеи* – название иудейской секты, существовавшей, по предположениям, в период земной жизни Христа, но не упомянутой в Библии.

Елеазар видел, что ее озлобление вызывают не воины, прижавшие ее к полу. Ее взгляд был прикован к тому, чего она только что лишилась.

Он поднял разорванную куклу и положил ее перед окровавленным лицом девочки. Когда она была младше, именно это часто успокаивало ее. Игрушка как живая дрожала в его руке. Порывшись в ворохе воспоминаний, роившихся в его голове, Елеазар увидел ее вместе со смеющимися сестрами, играющими под ясным солнцем этой самой куклой.

При виде куклы ее взгляд смягчился, стал менее суровым. Азува перестала биться и, высвободив одну руку из сжимавшей ее мужской руки, протянула ее к кукле.

Когда ее пальцы коснулись игрушки, ее тело обмякло, словно она покорилась судьбе, поняв, что избежать ее невозможно. Как это бывало с нею в раннем детстве, она обрела свое единственное утешение – свою подругу-куклу. Азува не хотела идти во тьму одна. Поднеся игрушку к лицу, она прижала крохотный куклин носик к своему носу – так она в детстве успокаивала себя.

Елеазар жестом руки приказал мужчинам отойти и поднял успокоившуюся девочку. Он бережно прижал ее холодное тело к своей груди, и она, как это бывало в прежние времена, прильнула к нему. Он молился, прося Всевышнего дать ему силы на то, чтобы исполнить это праведное действие. Камень, который он прижимал к телу свободной рукой, напомнил ему о клятве, которую он дал.

Старший, стоящий в стороне, затянул молитвы, связывая воедино жертву, принесенную наверху, и эту жертву в подземном храме, используя старинные магические заклинания, священные слова, подбрасывая при этом щепотки ладана в маленькие погребальные костры. А в это время на плоской вершине горы восставшие лишали жизни своих соплеменников, спасая их от римлян, пробившихся через ворота.

Эта трагическая расплата кровью создавала долг, покрыть который надо было здесь.

Держа в руке камень, Елеазар вместе с девочкой приблизился на несколько шагов к саркофагу, который к этому времени почти наполнился до самых краев, жидкость в нем чуть шумела, и ее поверхность поблескивала в свете факелов. Сейчас это была *миква* — ритуальная ванна, в которую погружаются желающие совершить очистительное омовение.

Но не благословенная вода, а *вино* наполнило ванну. Повсюду на полу стояли пустые глиняные кувшины.

Подойдя к усыпальнице, Елеазар заглянул в ее черную глубину. При свете факелов вино казалось кровью. Азува уткнулась лицом ему в грудь. А его самого переполняла горькая печаль.

– Давай, – приказал старший.

Прижав в последний раз маленькое тело девочки к себе, он услышал, как она всхлипнула. Елеазар посмотрел в темный дверной проем. Он мог бы еще спасти ее тело, но только в том случае, если обречет ее душу на вечные муки, а также и свою. Намеченное ужасное действие было единственным праведным путем ее спасения.

Воин самого высокого ранга, приняв девочку из рук Елеазара, держал ее над раскрытой усыпальницей. А она прижимала к груди куклу, в ее глазах застыл ужас, когда он наклонил ее над поверхностью вина. И остановился. Она отыскала глазами глаза Елеазара. Он протянул к ней руку, но почти сразу отдернул ее назад.

– Да будет благословен господин наш Всевышний, пребывающий на Небесах, – речитативом произнес старший.

А над ними вдруг смолкли все песнопения. Азува склонила голову, как будто тоже услышала это. Елеазар представил себе кровь, впитывающуюся в песок и проникающую вниз, в глубь горы. Все должно быть сделано немедленно. Многие смерти наверху дали сигнал к тому, чтобы закрыть усыпальницу – то будет финал этого мрачного действия.

– Елеазар, – промолвил старший. – Пора.

Елеазар держал в руках бесценный камень, священный секрет которого заключался в том, что подвинуть его вперед можно было, только приложив к нему большое усилие. Держа камень в руках, Елеазар почти не чувствовал его веса – сердце заставляло его глубоко и часто дышать.

– Этому суждено свершиться, – сказал человек в мантии, и сейчас его голос звучал мягче, чем прежде.

Елеазар не поверил этому голосу, а потому и не ответил. Он подвинул девочку ближе.

Старший опустил ее в вино. Она, барахтаясь в темной жидкости, хваталась маленькими пальчиками за каменные стенки своего гроба. Красная жидкость, перехлестывая через края, растекалась по полу. Ее глаза с мольбой смотрели на Елеазара, когда он клал камень, который до этого держал в руках, ей на грудь – а потом нажал на него. Под действием веса камня и усилия его дрожащей руки ребенок глубоко погрузился в винную ванну.

Азува больше не сопротивлялась и лишь плотнее прижимала куклу к груди. Она лежала так спокойно, словно уже была мертвой. Ее губы двигались, произнося слова, которые были не слышны, потому что ее маленькое лицо было под слоем вина.

Какими же были эти последние слова?

Елеазар знал, что этот вопрос будет тревожить его до конца дней.

– Прости меня, – задыхаясь, произнес он. – И прости ее.

Вино, пропитавшее рукава его сутаны, казалось, жгло ему кожу. Все время, пока старший не закончил молитвы, он смотрел на ее недвижимое тело.

И время это показалось ему вечностью.

Наконец молитва закончилась и можно было встать. Утопленная Азува осталась на дне, навеки придавленная весом священного камня, ставшего ее вечным стражем. Елеазар сотворил молитву о том, чтобы это действие очистило ее душу, о вечном раскаянии за порчу, которую она несла в себе.

Моя маленькая Азува...

Он рухнул на саркофаг.

– Закрывать его, – приказал старший.

Известняковая плита, поддерживаемая веревками, опустилась на свое прежнее место. Мужчины замазали стыки плиты и саркофага жидкой смесью золы и извести, чтобы связать камни между собой.

Елеазар провел ладонями по стенам ее темницы, словно это прикосновение успокаивало ее. Но ей уже не нужно было успокоения.

Он приник лбом к суровому бездушному камню. Это был единственно возможный путь. Все было сделано во имя высшего блага. Но все эти правдивые доводы не облегчают боли. Ни его боли, ни ее.

– Ну, пошли, – сказал старший. – Мы сделали то, что должно было быть сделано.

Елеазар с шумом наполнил легкие грязным зловонным воздухом. Воины, кашляя, направились к выходу, шаркая по каменному полу. А он стоял один вместе с ней, покоящейся в сырой усыпальнице.

– Ты не можешь дольше оставаться здесь, – обратился к нему старший, стоя в дверном проеме. – Ты должен идти другим путем.

Елеазар, спотыкаясь, пошел на голос; слезы, застилавшие глаза, почти ослепили его.

Как только они уйдут, усыпальница будет скрыта, проход к ней исчезнет. Ни одно живое существо не запомнит места, где он находится. Любой, кто осмелится пройти к нему, лишится жизни.

Елеазар почувствовал на себе пристальный взгляд старшего.

– Ты сожалеешь о том, что дал клятву? – спросил он. В его голосе слышались жалость и сочувствие, но также и неколебимая твердость.

Эта твердость и явилась причиной того, что Христос называл их старшего «Петрус», что значит «Камень». Он был апостолом, которому суждено было стать основателем новой Церкви.

Елеазар встретил этот пристальный каменный взгляд.

– Нет, Петр, я не сожалею.

Часть 1

*Призывает на землю, и она трясется;
прикасается к горам, и дымится.*
Псал. 103:32

Глава 1

*26 октября, 10 часов 33 минуты по местному времени
Кесария, Израиль*

Доктор Эрин Грейнджер осторожно обмахивала мягкой кисточкой древний череп. По мере того как с него слетала пыль, она своими глазами ученого внимательно рассматривала тонкие линии стыков костей, открытый родничок. Ее внимательный взгляд оценивал степень оmozолелости, судя по которой этот череп мог принадлежать новорожденному и, судя по форме тазовой кости, мальчику.

Ему было всего несколько дней от роду, когда он умер.

Она продолжала освобождать скелет ребенка от земли и песка, при этом со стороны сама казалась женщиной, рисующей лежащего на боку младенца, колени которого были прижаты к груди, а пальчики тонких ручек сжаты в кулачки. Считали ли его родители удары его сердечка, целовали ли его невероятно нежное теплое тельце; поняли ли они, что биение этого маленького сердечка остановилось?

Как это произошло с ее новорожденной сестрой.

Эрин закрыла глаза, ее рука, держащая кисть, замерла в воздухе.

Ну, всё.

Открыв глаза, она, прежде чем снова заняться скелетом, поправила непокорную прядь белых волос, выбившуюся из зачесанного назад «конского хвоста». Она выяснит, что произошло здесь много сотен лет назад. Ведь смерть этого младенца, так же как и смерть ее сестры, не была случайной. Но этот мальчик умер в результате насильственных действий, а не по неосторожности.

Она продолжала работать, рассматривая положение, в котором находились конечности ребенка. Прежде чем придать тело земле, кто-то изрядно потрудился, восстанавливая его прежнее состояние, но усилия этого человека не смогли скрыть поломанные и недостающие кости, что свидетельствовало о проявленной к ребенку жестокости. Даже прошедшие две тысячи лет не смогли скрыть следы преступления.

Отложив в сторону кисть, Эрин сделала еще одно фото. Время окрасило кости в тот же самый светло-коричневый цвет, почти неотличимый от цвета этой суровой земли, в которой они покоились, но она с такой осторожностью откапывала скелет, что сохранила формы костей. Однако потребуется еще много часов напряженного труда на то, чтобы откопать из земли остальные кости.

Эрин опустилась с одного колена, допекающего ее ноющей болью, на другое. В свои тридцать два года она вряд ли могла считаться старой, но сейчас она чувствовала себя именно такой. Грейнджер провела в котловане не больше часа, но колени уже дали знать о себе. В детстве она слишком много времени проводила в молитвах, стоя на коленях на твердом земляном полу церкви. Тогда Эрин, не чувствуя никакой боли в коленях, могла простоять на них и полдня, если этого требовал ее отец, — однако после стольких лет, в течение которых она пыталась забыть свое прошлое, возможно, она и не сохранила в памяти столь малозначащего факта, как боль в коленях.

Морщась от боли, Эрин поднялась и потянулась, вскинув голову и оглядываясь вокруг, стоя в котловане, глубина которого была ей по пояс. Прохладный морской бриз приятно обдувал ее горячее лицо, унося прочь воспоминания. Слева стояли лагерные палатки, ветер раздувал их полои, рассеивая песок по площадке, предназначенной для последующих раскопок.

Попавшая в глаз песчинка ослепила ее, и только после дюжины морганий она смогла смотреть на белый свет. Песок был здесь повсюду. Каждый день ее волосы из белокурых превращались в коричнево-рыжие – такой был цвет израильской пустыни. Ее носки, поверх которых она надевала кеды, были похожи на наждачную шкурку, под ногтями у нее постоянно был песок, даже во рту постоянно ощущался вкус песка.

Тем не менее, глядя на пластиковую желтую ленту, окружающую зону ее археологических раскопок, Эрин не могла сдержать сияющую улыбку радости от того, что под ее кедами покоится сейчас древняя история. Пятно ее раскопок находилось в центре древнего ипподрома, скакового круга колесниц. Перед ним простиралось вечное Средиземное море. Солнечные лучи придавали воде цвета индиго какой-то нереальный металлический оттенок. Тянувшиеся за ее спиной длинные ряды древних каменных сидений, разделенные на ярусы, смотрелись как свидетельство деяний умершего две тысячи лет назад царя, архитектора города Кесария: бесславного царя Ирода, отвратительного убийцы невинных младенцев.

Конское ржание, плывущее над скаковым кругом, звучало в ее ушах, но не как эхо прошлого – оно доносилось из временной конюшни, наспех построенной на дальнем конце ипподрома. Местная группа готовилась к пробным скачкам. Скоро ипподром возродится, снова вернется к жизни, но, возможно, всего на несколько дней.

Она не могла этого дожидаться.

Но до этого и ей, и ее студентам предстояло довести до конца еще много дел.

Положив ладони на бедра, Эрин пристально смотрела на череп убитого младенца. Возможно, уже сегодня во второй половине дня она сможет покрыть этот крошечный скелет гипсом и приступить к трудоемкому процессу выемки его из земли. Ей очень хотелось поскорее доставить его в лабораторию, где и провести подробное исследование. Там кости расскажут ей намного больше того, что она могла бы узнать непосредственно на месте раскопок.

Эрин опустилась на колени рядом с младенцем. Ее озадачило то, что она увидела на его бедре. На нем по всей длине виднелась какая-то вмятина в форме зубчатой каймы. Она наклонилась, чтобы получше рассмотреть бедро, и ее спине, которую обдувал прохладный ветерок, вновь стало жарко.

Может быть, это следы чьих-то зубов?

– Профессор? – громкий с техасским акцентом голос Нейта Хайсмита, нарушив тишину, прервал ее задумчивость.

Она, проворно поднявшись с колен, оперлась локтями о деревянные распорки, защищающие котлован от всепроникающего песка.

– Прошу прощения, – обратился к ней ее аспирант, склонив голову.

Накануне Эрин обратилась ко всем со строгим указанием не беспокоить ее в это утро, и вот на тебе – он все-таки потревожил ее. Удерживая себя от того, чтобы не накричать на него, она достала флягу в потрепанном чехле и сделала долгий глоток чуть теплой воды. После нее во рту остался такой привкус, как будто она долго держала в нем ложку из нержавеющей стали.

– Ладно, невелика беда, – сухо произнесла Эрин.

Она приложила ко лбу сложенные козырьком пальцы свободной руки и, сощурилась, посмотрела на него. Он стоял на краю котлована, а за его спиной безжалостно светило солнце. На нем была низко надвинутая стетсоновская соломенная шляпа, потертые джинсы и полинявшая клетчатая рубашка, закатанные рукава которой демонстрировали его хорошо развитые бицепсы. Эрин подозревала, что он специально закатал рукава, дабы поразить ее. Но это, конечно же, не сработает. В последние несколько лет, полностью посвятив себя работе, Эрин

внушила себе, что единственный мужчина, которого она нашла бы достойным внимания, ушел из жизни уже несколько веков назад.

Она внимательно осмотрела площадку, покрытую песком и усеянную камнями. Возле выданной ее группе радарной установки для подземных исследований не было ни одного человека, и она больше походила на пескоструйный агрегат или на газонокосилку, чем на высокотехнологичный прибор, позволяющий заглянуть под землю и под камни.

– Почему вы не занимаетесь порученным вам картографированием этого квадранта?

– Я занимался этим, профессор.

Его голос сделался более тонким, что бывало всегда, когда он волновался. В такие минуты у него также начинала дергаться бровь.

Нейт что-то нашел.

– В чем дело?

– Вы не поверите, если услышите то, что я вам скажу.

Нейт подпрыгивал на месте, готовый броситься показывать ей свою находку.

Эрин улыбнулась, потому что он был *прав*. Что бы это ни было, она не поверит ему, пока не увидит это собственными глазами. Это была своего рода мантра², которую она вколачивала в головы своим студентам. *Предмет не существует до тех пор, пока вы не выкопаете его из земли и не возьмете его в ваши собственные руки.*

Для того чтобы защитить свое рабочее место и из уважения к костям ребенка, Эрин осторожно накрыла скелет куском брезента. После этого Нейт наклонился и помог ей выбраться из глубокого котлована. Как обычно, он задержал ее руку в своей на секунду дольше, чем это было необходимо.

Стараясь не хмуриться, она высвободила свою руку из его руки и стряхнула пыль с колен своих джинсов. Нейт, сделав шаг назад, отвел глаза в сторону, видимо понимая, что и на этот раз он переступил черту дозволенного. Эрин не бранила его. Да и какая в этом польза? Замечая внимание, которое оказывали ей мужчины, она редко поощряла их в этом, но никогда не выходила за рамки пристойности. На раскопках Эрин, как и остальные женщины, таскала землю, не пользовалась косметикой и избегала романтических контактов. Хотя она и была среднего роста, но о ней говорили, что она держится так, будто как минимум на фут выше. Именно такого поведения требовала от нее профессия, к тому же она была еще и молодой женщиной.

Там, дома, у нее были отношения, но Эрин так и не привязалась и не прикипела ни к кому. В конце концов, большинство мужчин решили, что она внушает страх, а это, отпугнув от нее многих, сделало ее привлекательной для других.

Таких, как Нейт.

К тому же он хорошо проявил себя на работах в поле и обладал большими знаниями в области геофизики. Этому способствовал его интерес к ней, и их отношения упрощались сами собой.

– Ну, показывайте.

Эрин повернулась в сторону палатки цвета хаки, где хранилось оборудование. Если показывать будет нечего, то можно будет хоть на короткое время укрыться от этого нестерпимо палящего солнца.

– У Эмми вся информация в ноутбуке. – Нейт пошел через площадку. – Это просто джекпот, профессор. Мы взяли хороший *честный* джекпот.

Эрин подавила улыбку, удивляясь его энтузиазму, и ускорила шаги, чтобы не отставать от своего длинноногого спутника. Ее восхищала его страстность, но, подобно жизни, в археологии не удастся ухватить джекпот в результате работы, занявшей лишь одно утро. Иногда впустую проходят многие десятилетия...

² *Мантра* – священный текст, заклинание, молитва.

Эрин, поднырнув под полог палатки, придержала его открытым, давая пройти Нейту, который, войдя в нее, тут же снял шляпу. Солнечные лучи не падали прямо на палатку, и от этого внутри было на несколько градусов прохладнее, чем снаружи.

Жужжащий электрический генератор питал ноутбук и допотопный, дышащий на ладан металлический вентилятор, который направлял струю воздуха прямо на Эмми, двадцатитрехлетнюю студентку-преддипломницу из Колумбии. Эта темноволосая женщина больше времени проводила в палатке, чем снаружи. Банка с диетической кока-колой, стоявшая перед ней на столе, была покрыта каплями воды. Слегка располневшая и утратившая форму, Эмми не проводила многие годы под палящим солнцем, ради того чтобы закалить себя и подготовиться к малоподвижной археологической работе в поле, но она обладала тонким технологическим чутьем. Щелкая пальцами одной руки по клавиатуре, Эмми другой рукой дала знак Эрин и ее спутнику подойти поближе.

– Профессор Грейнджер, вы не поверите своим глазам.

– Это я уже неоднократно слышала, пока шла сюда.

В палатке находился еще и третий ее студент. Похоже, все *единогласно* решили прекратить работу, для того чтобы исследовать находку Нейта. Хайнрих навис над плечом Эмми. Флегматичный двадцатичетырехлетний студент из Сводного университета в Берлине, которого трудно было заставить в чем-либо усомниться. Для него оставить на время свою работу означало признать, что находка поистине значительная.

Карие глаза Эмми словно прилипли к экрану.

– Программа все еще работает над увеличением изображения и улучшением его качества, но я думаю, вы не прочь посмотреть на него уже сейчас.

Эрин отстегнула тряпицу, пристегнутую к поясу, и вытерла пот с лица.

– Эмми, пока я не забыла, этот скелет младенца, который я откопала... Я увидела необычные отметины и прошу тебя их сфотографировать.

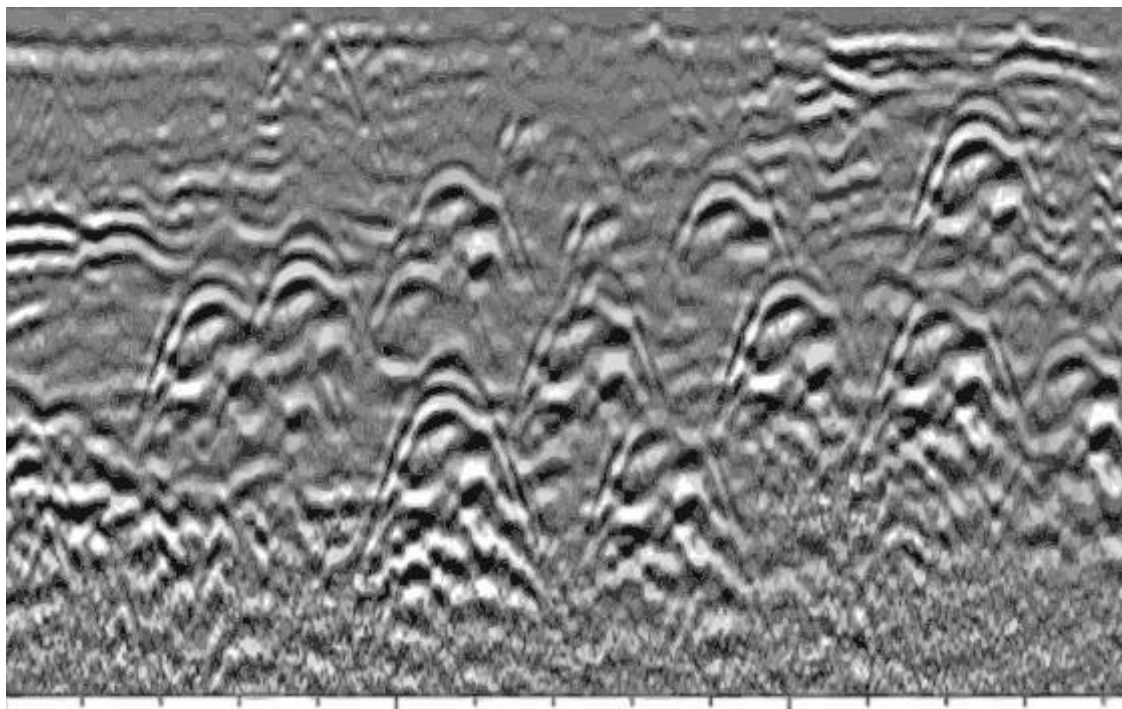
Эмми согласно кивнула, но Эрин подозревала, что она не услышала ни единого слова, сказанного ей.

Нейт нервно вертел в пальцах свою шляпу.

Так что же они нашли?

Эрин подошла ближе и встала рядом с Хайнрихом. Эмми откинулась на спинку своего металлического стула так, чтобы начальнице был лучше виден экран.

На экране ноутбука появилось горизонтальное сечение изображений, отсканированных Нейтом нынешним утром и представленных в системе трехмерной сейсмики. Каждое изображение представляло картину горизонтального сечения почвы на различной глубине в восьмом квадранте. Изображения представляли собой квадратные срезы серой почвы с нанесенными на них черными линиями в форме парабол – казалось, что этот рельеф образовался вследствие ряби, созданной осушающим ветром на поверхности жидкой почвы. Но черные линии представляли твердую субстанцию.

Сердце Эрин забилося так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из горла. Не веря своим глазам, она еще ниже наклонилась над экраном.

На этой грязевой луже было великое множество волн. За десять лет, в течение которых она выезжала на раскопки, ей не доводилось видеть ничего подобного. Да и не только ей – вообще никому.

Этого не может быть.

Не обращая внимания на недовольно сжатые губы Эмми, она провела пальцем по контуру параболы на экране. Эмми буквально тряслась от злости, когда кто-либо касался руками экрана ее ноутбука, но Эрин должна была убедиться в том, что это правда, – то есть *потрогать* это собственноручно.

Придя в себя, она с трудом заговорила, однако в ее голосе слышалась надежда:

– Нейт, какого размера площадь вы отсканировали?

Тот ответил сразу и без колебаний:

– Десять квадратных метров.

Она искоса посмотрела на него.

– Всего десять метров? Вы уверены?

– Вы же сами обучали меня использовать РОН³, помните? – Он с гордым видом откинул голову. – Причем очень старательно и дотошно.

Эмми рассмеялась.

Эрин, не замечая ничего, продолжала расспросы:

– Это результат с учетом поправки?

– Да, профессор, – со вздохом ответил он. – С учетом всех поправок.

Эрин почувствовала, что этими вопросами, касающимися его умения и квалификации, она уязвила его самолюбие, но достоверность для нее была превыше всего. Она доверяла приборам, но людям, работающим с ними, она доверяла не всегда.

³ РОН – регистр общего назначения; регистр центрального процессора, в котором, кроме операций пересылок данных, можно выполнять логические и арифметические команды.

– Я сделал все, – сказал Нейт, склонившись к ней. – И, предвосхищая ваш вопрос, скажу, что сигнатура⁴ в точности такая же, как и у скелета, который вы только что откопали.

В точности такая же? Так, значит, возраст этого слоя земли две тысячи лет. Эрин снова посмотрела на картинку, будоражившую ее воображение. Если эти данные верны... она, конечно, должна в этом убедиться, но если все окажется именно так, то каждая парабола – это человеческий череп.

– Я сделал предварительный расчет, – перебил ее размышления Нейт. – Их более пятисот. И ни один из них не превышает в диаметре четырех дюймов.

Четырех дюймов...

Это не просто черепа – это черепа *младенцев*.

Сотен младенцев.

Эрин прочитала про себя отрывок из Евангелия от Матфея: «Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов»⁵.

То самое избиение младенцев. Как утверждается, Ирод приказал сотворить это, дабы быть абсолютно уверенным, что он убьет того самого младенца, которого опасался, поскольку придет день, когда этот младенец займет его трон и станет вместо него царем иудеев. Но его замысел тем не менее потерпел крах. Этот младенец скрылся в Египте, а когда вырос, то стал мужем, известным под именем Иисуса Христа.

Так неужели ее группа нашла трагическое подтверждение деяниям Ирода?

⁴ *Сигнатура* – специфическое содержимое памяти, характеризующее объект.

⁵ Мф. 2:16.

Глава 2

26 октября, 13 часов 03 минуты по местному времени

Масада, Израиль

Пот разъедал глаза Томми. Брови уже не сдерживали его.

Благодаря снова химиотерапии.

Он ступил на другой голыш цвета верблюжьей шерсти. Все камни на этом крутом подъеме были одного цвета, и каждый из них слишком горяч, чтобы сесть на него. Он сдвинул ниже свою ветровку, так, чтобы та, закрыв ноги, послужила подстилкой между его брюками и обжигающей поверхностью камня. Как обычно, Томми задерживал всю группу. И как обычно, он оказался слишком слабым, чтобы преодолеть подъем без перерывов на отдых.

Он старался отдышаться и перевести дух. Палящий воздух был редким и сухим. Да и достаточно ли в нем кислорода? У его спутников-скалолазов, казалось, не было никаких затруднений с дыханием. Все выглядело так, словно он, дедушка, катался по американским горкам в компании четырнадцатилетних парней. Сейчас ему даже были не слышны их голоса.

Этот каменистый подъем – названный Змеиной тропой – извивался, ползя вверх по почти вертикальным откосам бесславной горы Масада. Всего несколько ярдов было до ее вершины, на которой еще стояли руины древней иудейской крепости. Со своего места на ведущей наверх тропе Томми видел лежащую внизу Иорданскую долину и ее сухую, выгоревшую землю.

Томми отер пот с глаз. Живший в округе Ориндж⁶, он считал себя привычным к жаре. Но то, что было здесь, походило на ползание внутри раскаленной печи.

Его голова качнулась вперед. Снова захотелось спать. Как ему хотелось положить щеку на прохладную простыню в отеле и хорошенько подремать в прохладном кондиционированном воздухе! А потом, если он почувствует себя лучше, с удовольствием поиграл бы в видеоигры...

Томми судорожным движением стряхнул с себя дремоту. Это было совсем неподходящее время для дневного сна. Но ведь он так устал, а в пустыне было так тихо... В отличие от людей, животные и жуки обладали достаточной ловкостью и смекалкой для того, чтобы спрятаться от дневной жары. Сейчас вокруг царило непроницаемое безмолвие. А после смерти будет так же?

– Ты в порядке, дорогой мой? – спросила его мать.

Томми вздрогнул. Почему он не слышал, как она подошла? Неужели снова заснул?

– В полном порядке, – ответил он сиплым голосом.

Мать закусила губу. Они все знали, что дело его плохо. Томми приподнял манжету над новым кофейно-коричневого цвета пятном, обезобразившим его левое запястье.

– Мы можем ждать тебя столько, сколько тебе будет нужно. – Она тяжело опустилась на камень рядом с ним. – Интересно, почему они назвали этот подъем Змеиной тропой? Лично я не видела ни одной змеи.

Говоря с ним, мать смотрела на его подбородок. Его родители теперь очень редко встречались с ним глазами, а когда такое все-таки случалось, они плакали. И это продолжалось в течение двух последних лет, отданных хирургии, химиотерапии, радиационному облучению, – и вот теперь повторение всего этого по причине рецидива.

Возможно, в последний раз они посмотрят на его лицо, когда он ляжет в гроб.

– Сейчас слишком жарко для змей.

Из-за частого и хриплого дыхания ему был ненавистен его собственный голос.

– Да, они превратились бы в змеиные стойки. – Мать сделала долгий глоток из бутылки с водой. – Обжаренные под солнцем и готовые к употреблению. Да и мы такие же.

⁶ *Ориндж* – один из крупнейших округов в США, расположен в Южной Калифорнии между побережьем Тихого океана и Национальным Кливлендским лесным заповедником.

Торопливой походкой подошел его отец.

– У вас все в порядке?

– Я просто решила сделать короткий привал, – соврала мать, скрывая немощь сына. Она намочила свой носовой платок и протянула его Томми. – Я устала.

Томми хотел поправить ее, сказать отцу правду, но был сейчас слишком слаб. Он провел мокрым платком по лицу.

Отец торопливо заговорил, что бывало с ним всегда, когда он нервничал:

– Мы уже совсем рядом. Всего несколько ярдов, и мы увидим крепость. Настоящую крепость Масада. Попробуй представить ее себе.

В знак согласия Томми закрыл глаза, но представил себе плавательный бассейн. Голубой, с прохладной водой, пахнувшей хлором.

– Десять тысяч римских воинов расположились в шатрах лагерем вокруг нее. Воины с мечами и щитами ждали под солнцем. Они перекрыли все возможные пути отхода, пытаясь уморить голодом девятьсот мужчин, женщин и детей, оставшихся на плато. – Отец, помолчав секунду, заговорил быстрее, речь его стала еще более взволнованной и эмоциональной: – Но восставшие стояли насмерть до самого конца. И даже после него. Они так и не сдались.

Томми натянул шляпу, которой была прикрыта его голая голова, почти до самых глаз и, сощурившись, посмотрел на отца.

– В конце концов, папа, они ведь убили себя.

– Нет, – со страстью в голосе возразил отец. – Иудеи предпочли умереть свободными людьми, но не сдаваться на милость римлян. Но они не убили себя после капитуляции. Они выбрали свою судьбу. Выбор такого рода определяет то, каким человеком ты являешься.

Томми поднял с земли горячий камень и сбросил его с тропы вниз. Камень покатился, а потом исчез за краем обрыва. Что сделает отец, если он сам выберет свою судьбу? Если он покончит с собой, вместо того чтобы быть рабом рака? Наверное, его отец не будет сильно гордиться этим.

Томми внимательно всматривался в лицо отца. Люди часто говорили, что они похожи: такие же густые черные волосы, такая же мягкая, немного застенчивая улыбка. После того как химиотерапия лишила его волос, никто больше не говорил ничего подобного. Интересно, подумал Томми, стал бы он выглядеть как отец, достигнув взрослого возраста.

– Ну, вы готовы идти дальше?

Отец подтянул повыше рюкзак на плечах. Мать метнула на него злобный взгляд.

– Мы можем еще немного подождать.

– Я же не сказал, что мы должны идти, – попытался оправдаться отец, – я просто спросил...

– Конечно, готовы, – сказал Томми и встал, он старался удержать родителей от ссоры.

Не отрывая глаз от тропы, он с трудом побрел вперед. Один желто-коричневый ботинок – вперед, затем – вперед другой, такой же. Скоро он дойдет до верха, и его родители наконец-то дождутся того, что окажутся вместе с ним в форте. Именно ради этого момента Томми и согласился на эту поездку, на это долгое восхождение – потому что это оставит им что-то на память. Они явно не готовы согласиться с этим, но он-то знает, что воспоминаний о нем у них останется немного. Поэтому он хотел оставить им одно хорошее воспоминание.

Томми считал шаги. Таким способом вы обычно преодолеваете трудности. Вы считаете. Если вы сказали «один», то знаете, что скоро скажете «два», а после этого – «три». Томми сосчитал до двадцати восьми, после чего тропа выровнялась.

Он достиг вершины. Он чувствовал, что его легкие превратились в два горящих бумажных мешка, но был рад, что совершил задуманное.

На вершине стоял деревянный павильон – хотя слово «павильон», мягко говоря, не совсем подходило к этому сооружению, построенному из четырех тонких деревянных стволов,

покрытых сверху четырьмя еще более тонкими стволами, положенными наискось и создающими в «павильоне» небольшие затененные пространства. Но все-таки здесь было лучше, чем под открытым солнцем.

За краем скалы перед ним расстилалась пустыня. Она была высохшей и безлюдной, но все равно по-своему красивой. Повсюду, насколько хватало глаз, стояли коричневые, побелевшие в некоторых местах дюны. Ветер швырялся песком в скалы. Ветряная эрозия за тысячи лет незаметно съела прежде стоявшие здесь утесы. Ни людей, ни животных. Видели ли защитники крепости все это, прежде чем сюда пришли римляне?

Опустошенность, убивающая все.

Томми повернулся и обвел глазами плато, которым заканчивалась вершина. Плато, на котором две тысячи лет назад произошло это страшное кровопролитие. Перед ним была большая плоская площадка, примерно пять футбольных полей в длину и, возможно, три таких поля в ширину. На ней стояло примерно полдюжины развалившихся каменных построек.

Так вот для чего я карабкался сюда?

Мать смотрела вокруг таким же разочарованным взглядом. Она откинула с глаз прядь своих выющихся каштановых волос, лицо ее было розовым от солнечного жара или от напряжения.

– Это больше похоже на тюрьму, чем на крепость.

– Это и была тюрьма, – сказал отец. – Тюрьма, состоящая из камер смертников. Никто не вышел отсюда живым.

– Отсюда никто никогда не выйдет живым.

Едва произнеся эти слова, Томми сразу же пожалел об этом, в особенности после того, как его мать, отвернувшись, просунула палец под солнцезащитные очки, вытирая выступившие слезы. Но все-таки он был рад, что она почувствовала что-то настоящее на фоне постоянного вынужденного вранья.

Сгладить внезапно возникшую напряженность помогла поднявшаяся к ним девушка-гид. Ее ноги были голыми – она носила короткие шорты цвета хаки, – а длинные черные волосы во время долгого восхождения ветер привел в полный беспорядок.

– Я рада, друзья мои, что вы справились с подъемом!

Она говорила еще и с сексуальным израильским акцентом.

Томми ответил ей улыбкой, благодаря за то, что она дала ему возможность подумать о чем-либо другом.

– Спасибо.

– Я только что говорила всем остальным участникам восхождения, что слово «Масада» происходит от слова *мецада*, что значит «крепость», и вы можете понять почему. – Вытянув длинную загорелую руку, она обвела ею вокруг плато. – Стены этих казематов, защищающих крепость, – это фактически две стены: одна внутри другой. Между ними располагались основные жилые кварталы обитателей Масады. Над нами Западный дворец – самое большое строение Масады.

Томми оторвал взгляд от ее губ, чтобы посмотреть туда, куда указывала ее рука. Это громадное здание совершенно не выглядело дворцом. Это была руина. В старой каменной стене зияла огромная брешь, перед которой стояли вполне современные строительные леса. Это выглядело так, словно кто-то прервал на середине подготовительные работы к съемкам очередной серии о приключениях Индианы Джонса.

Под этими строительными лесами, должно быть, залегала древнейшая история, но Томми этого не чувствовал. Однако хотел. История много значила для его отца, а следовательно, она должна была много значить и для него. Но эта ужасная болезнь поставила его вне времени, вне истории. В его голове уже не было места для трагедий других людей, особенно тех, кто ушел из жизни тысячи лет назад.

– Следующее здание, как мы полагаем, было частной баней, – сказала гид, показывая на строение слева. – Внутри было обнаружено три скелета; черепа были отделены от тел.

Томми поднял голову. *Наконец-то что-то интересное.*

– Они были обезглавлены? – спросил он, подходя ближе. – Они покончили жизнь самоубийством, отрубив собственные головы?

Ее губы слегка искривились в усмешке.

– На самом деле воины тянули жребий, чтобы определить, кто должен будет убить остальных. И только последнему из оставшихся в живых пришлось кончать жизнь самоубийством.

Томми окинул руины хмурым взглядом. Так, значит, они убивали своих детей, когда дело шло к концу... Он вдруг почувствовал внезапное чувство зависти. Мгновенная смерть от рук тех, кто любит тебя, намного лучше, чем медленное и безжалостное разложение от рака. Устыдившись этих мыслей, он посмотрел на родителей. Его мать, обмахиваясь путеводителем, улыбнулась ему, а отец был занят фотографированием.

Нет, он никогда не попросит их об этом.

Приняв это решение, Томми вновь перевел взгляд на здание бани.

– А эти скелеты... они все еще там? – Он сделал шаг вперед, намереваясь заглянуть за металлическое ограждение.

Девушка-гид преградила Томми путь, выставив перед ним свою пышную грудь.

– Сожалею, молодой человек, но внутрь входить запрещено.

Он, стараясь не смотреть на ее грудь, чувствовал горечь от этого запрета.

Перед тем как двинуться дальше, мать спросила:

– Ну, как ты, Томми?

Может, она видела, как он смотрел на девушку-гида? Он залился краской.

– Я в порядке.

– Ты не хочешь попить? Может, выпьешь водички?

Она протянула ему пластиковую бутылку.

– Нет, мама, я не хочу.

– Я прикрою еще немного твое лицо от солнца.

Мать раскрыла сумочку. Обычно Томми покорялся такой опеке, но сейчас девушка-гид улыбнулась ему, и он вдруг решил не показывать ей, что к нему относятся, как к ребенку.

– Мам, да я в порядке, – оборвал он ее, причем более резко, чем хотел.

Мать, вздрогнув, закрыла сумочку. Девушка-гид отошла.

– Прости, – обратился он к матери. – Я не хотел.

– Все нормально, – успокоила его мать. – Я пойду к отцу. А ты побудь здесь.

С тягостным чувством Томми смотрел вслед матери.

Все еще злясь на себя, он подошел к зданию бани и, опершись на металлическое ограждение, заглянул внутрь. Дверца прохода со скрежетом раскрылась под действием его веса. Он чуть не упал и быстро попятился, но перед тем как шагнуть назад, что-то лежащее в углу этого помещения привлекло его взгляд.

Что-то мягкое, трепещущее и мерцающее, похожее на смятый листок бумаги.

Чувствуя какое-то необъяснимое любопытство, он огляделся вокруг. В его сторону никто не смотрел. А кстати, какой штраф может быть за вхождение в запретную зону? Чем, на худой конец, это может кончиться? Симпатичная девушка-гид, возможно, просто прогонит его оттуда и отругает?

Это не столь серьезное наказание, можно и стерпеть, решил Томми.

Он снова заглянул за ограду, пытаясь определить, что вызывает дрожание и мерцание этого предмета.

Маленький белый голубь с трудом передвигался по мозаичному полу; его висящее левое крыло волочилось по плиткам. Кончики его перьев выводили на слое пыли, покрывающей пол, какие-то таинственные знаки.

Несчастное существо...

Он должен забрать эту птицу отсюда. Она умрет здесь от жажды, или ее кто-нибудь съест. Их гид наверняка знает, куда можно отнести раненую птицу, чтобы ее спасти. Его мать работала волонтером в подобном приюте в Калифорнии до того времени, пока его рак не погубил жизнь всей их семьи.

Томми проскользнул через проход. Внутри комната оказалась маленькой, даже меньше кладовой, в которой отец хранил инструменты. Четыре гладких каменных стены и пол, покрытый мельчайшими выцветшими мозаичными плитками. Мозаичный узор, с трудом различимый под слоем пыли, представлял собой восемь сердечек, расположенных по кругу и образующих цветок; ряды сине-белых плиток казались волнами, а окаймление из белых треугольничков на фоне терракота казалось ему похожим на зубы. Он попытался представить себе древних мастеров, укладывавших этот напоминающий пилу узор, но эти раздумья утомили его.

Переступив порог, за которым была тень, Томми облегченно вздохнул – хоть на некоторое время он укроется от беспощадных лучей солнца. Сколько же людей нашли здесь свою смерть? Холодок прошел по его спине, когда он представил себе, как это могло быть. Должно быть, они встали на колени – Томми был уверен в том, что они встали на колени. Мужчина в грязной холщовой сутане стоял над ними, держа меч в поднятой руке. Он начал с самого молодого, а к тому времени, когда все было кончено, у него едва хватало сил на то, чтобы поднять руку, но он ее поднял. В конце и он сам опустился на колени и стал ждать быстрой смерти от меча своего товарища. После этого все было кончено. Их кровь текла по крошечным мозаичным плиткам, заполняла зазоры между ними, растекалась лужами на полу...

Томми потряс головой, изгоняя из памяти это видение, и огляделся вокруг.

Никаких скелетов.

Наверное, их поместили в музей, а может быть, предали земле в каком-то месте.

Птица, прервав свое путешествие по плиточному полу, подняла голову и уставилась на Томми сперва одним глазом, потом другим, вероятно определяя его размеры. Ее глаза, похожие по цвету на малахит, были зелеными с бриллиантовым блеском. До этого Томми никогда не видел птиц с зелеными глазами.

Он встал на колени и зашептал; шепот его был не громче дыхания:

– Ну же, подойди сюда, малыш. Ну подойди, тебе нечего бояться.

Птица снова внимательно посмотрела на него сперва одним глазом, потом другим – а затем, хромя, запрыгала к нему.

Радуюсь доверчивости птицы, Томми протянул руку и осторожно взял раненое существо. Как только он поднялся, держа теплое тельце в своих ладонях, как в колыбельке, земля ушла у него из-под ног. Он изо всех сил старался сохранить равновесие. Может быть, после долгого восхождения у него закружилась голова? Между ног на мозаичном полу вдруг появилась тонкая черная линия, подобная какому-то живому существу.

Змея, было первым, что пришло ему в голову.

Его сердце учащенно забилося от страха.

Но черная линия расширилась, а это было уже кое-что похуже. Не змея, а *трещина*. Струйка темного оранжевого дыма, завиваясь, поднялась в воздух из одного конца трещины, как будто кто-то бросил туда непотушенную сигарету.

Птица, вдруг забившись в его ладонях, вспорхнула в воздух и полетела сквозь дым, тянувшийся через дверной проем наружу. Очевидно, рана у нее не была столь серьезной. Ее крылья рассекли струйку дыма, словно указывая Томми дорогу. У дыма был на удивление сладкий запах – почти такой же, как ладан, но с малой примесью горьких пряностей.

Томми, наморщив брови, нагнулся вперед и подставил ладонь под струйку дыма. Тот прошел между его пальцами и, к его удивлению, оказался не теплым, а холодным, словно струился из холодных земных глубин.

Томми нагнулся, чтобы рассмотреть место, откуда выходил дым, – но тут мозаичный пол под его ботинками треснул, как стекло. Плитки посыпались в провал – голубые, желто-коричневые и красные. Провал, расширяясь, поглотил узор.

Томми попятился к двери. Струи дыма, ставшего красновато-оранжевым, поднимались из щелей в разбитом мозаичном полу. Глухой скрежет доносился из сердцевины горы, вся комната сотрясалась.

Землетрясение.

Томми выскочил из дверного проема здания бани и сразу упал на спину. Прямо перед собой он увидел, как здание сильно качнулось, словно какой-то разгневанный бог кинул в него что тяжелое, – а затем рухнуло в глубокую расселину, разверзшуюся позади него.

Края расселины осыпались, делая ее шире. До места, где лежал Томми, оставалось не больше фута. Он стремглав бросился назад. Расселина словно гналась за ним. Он заставлял свои ноги бежать, но вершина горы затряслась, и он снова свалился на землю.

Опираясь о землю локтями и коленями, Томми отполз прочь. Камни врезались в ладони. А вокруг него здания и колонны обрушивались на землю.

Молю тебя, о Боже, помоги мне!

Из-за дыма и пыли уже в нескольких футах ничего нельзя было рассмотреть. Когда он полз, то видел, как какого-то человека накрыл упавший на него кусок стены. Две женщины с пронзительным криком бросились бежать, когда земля под ними начала раздвигаться.

ТОММИ!

Он пополз туда, откуда донесся голос матери, и наконец выбрался из дымового облака.

– Я здесь! – хрипло закричал он и зашелся в кашле.

Отец бросился к нему и поднял его на ноги. Мать ухватила за его локоть. Они потащили его к Змеиной тропе, подальше от разрушений.

Томми посмотрел назад. Трещина расширилась, расколов вершину горы. Глыбы горной породы откололись и скатились вниз, в пустыню. Черный дым поднимался к поблекшему голубому небу, как будто переносил весь творящийся на земле ужас к пылающему солнцу.

Они втроем, спотыкаясь, добрались до края скалы.

Землетрясение кончилось так же внезапно, как и началось.

Его родители оцепенели, как будто боясь, что от любого их движения подземные толчки могут возобновиться снова. Отец обхватил их обеими руками. С плато на вершине горы доносились пронзительные крики, крики боли.

– Томми? – Голос матери дрожал. – Ты в крови.

– Да пустяки, – ответил он. – Немного ободрал руки.

Отец убрал руки с их плеч. Он потерял шляпу и порезал щеку. Его обычный глубокий голос сейчас стал тонким и высоким.

– А вы не думаете, что это террористы?

– Я не слышала взрыва бомбы, – сказала мать, глядя Томми по плечам, как маленького ребенка.

Обычно он возражал против этого, но сейчас – нет.

Облако черновато-красного дыма наплывало на них, словно хотело унести их с утеса.

Отец принял решение и, указав рукой на крутую, ведущую вниз тропу, сказал:

– Пошли. Этот дым может быть токсичным.

– Я вдыхал его, – успокоил их Томми, оставаясь на месте. – И ничего.

Какая-то женщина выскочила из облака дыма, держась за горло. Она не видела, куда бежит: ее веки вспухли и кровоточили. Сделав несколько шагов, она наклонилась вперед и застыла в этой позе.

– Пошли! – пронзительно закричал отец, толкая Томми перед собой. – Пошли же!

Они бросились бежать, но убежать от дымового облака не могли.

Оно настигло их. Мать закашляла – влажный, неистовый, неестественный звук. Томми бросился к ней, не зная, что делать.

Родители остановились, опустились на колени.

Ну, вот и всё.

– Томми, – задыхаясь, произнес отец. – Иди...

Не послушав отца, Томми сел на землю рядом с ними.

Если мне все равно предстоит умереть, так пусть это произойдет так, как я хочу. Вместе с семьей.

Почувствовав, что это конец, Томми успокоился.

– Все нормально, папа.

Он стиснул руку матери, затем нащупал руку отца и тоже стиснул ее. Слезы потекли из его глаз при мысли о том, что он, уходя, не оставляет после себя никого.

– Я очень люблю вас.

Родители смотрели на него – прямо в глаза. Несмотря на весь ужас момента, Томми чувствовал себя очень хорошо.

Он крепко обнял обоих родителей и не размыкал объятий даже после того, когда их тела обмякли; он не желал выпускать их из рук, хотя они уже перешли в руки смерти. Когда силы покинули Томми, он опустился на колени рядом с их телами и стал ждать того момента, когда и сам испустит последний вздох.

Но минуты шли за минутами, а последний вздох все не наступал.

Томми провел рукой по залитому слезами лицу и с трудом поднялся на ноги, стараясь не смотреть на скрюченные тела родителей, их распухшие глаза и окровавленные лица. Если бы он на них не смотрел, то, может быть, они бы и не умерли? Может быть, это всего лишь сон?

Он медленно обошел вокруг их тел. Отвратительного дыма уже не было. Земля была усеяна мертвыми телами. Насколько хватало глаз, всюду лежали мертвые.

Это был не сон.

Почему я единственный остался в живых? Ведь умереть должен был я. Но не мать и не отец.

Опустив голову вниз, Томми снова посмотрел на их тела. Его печаль не выплакать в слезах. Она глубже и тяжелее всех тех дум, которые он передумал, размышляя о собственной смерти.

Какая чудовищная ошибка. Ведь он был больным, он был неполноценным человеком. Он уже давно знал, что смерть вот-вот придет за ним. А его родителям суждено было хранить память о нем, запечатленном в четырнадцатилетнем возрасте на тысяче фотографий... Ведь это им была суждена печаль.

Томми упал на колени и зарыдал, простирая руки к солнцу, расправляя ладони, моля и одновременно проклиная Бога.

Но Бог пока не решил, что с ним делать.

Когда Томми простирает руки к небу, один рукав опустился, обнажив запястье – бледное и чистое.

Он, опустив руки, смотрел на свою кожу, не веря глазам своим.

Его меланомы исчезла.

Глава 3

26 октября, 14 часов 15 минут по местному времени

Кесария, Израиль

Стоя на коленях в котловане, доктор Эрин Грейнджер, сокрушенно вздыхая, рассматривала разрушения, вызванные землетрясением. Согласно первоначальным сообщениям, эпицентр его находился на расстоянии многих миль от места раскопок, но колебания земли ощущались на всем пространстве, ограниченном израильской береговой линией, в том числе и здесь.

Песок сыпался через проломы в досках, крепивших откосы ее котлована, и вновь медленно погребал под собой ее недавнее открытие, словно им так никогда и не было суждено появиться из земли.

Но даже это было не самым худшим из того, что сотворило землетрясение. Осыпавшийся песок можно удалить снова, но что делать с обломком толстой доски, лежащей на том самом черепе младенца, который она со всей осторожностью старалась извлечь из земли? Эрин не позволяла себе даже и думать о том, что может оказаться под этим злополучным куском дерева.

Ради всего святого, пусть он окажется неповрежденным...

Три ее студента, взволнованные и нетерпеливые, стояли возле котлована, почти у самого его края.

Стараясь не дышать, Эрин взялась за кусок раздробленной доски, подняла его и, не поворачиваясь, подала Нейту, а затем приподняла кусок парусины, которым раньше накрыла скелет.

На том месте, где раньше покоился целый череп младенца, теперь лежало множество мелких его обломков. Тело спокойно пролежало в земле две тысячи лет до того, как она откопала его – чтобы подвергнуть разрушению...

У нее пересохло в горле.

Сев на дно котлована, Эрин, едва касаясь кончиками пальцев обломков черепа, считала их. Слишком много. Она опустила голову. Свидетельства причины смерти младенца были утрачены по ее недосмотру. Она должна была завершить откапывание скелета и только после этого идти за Нейтом в палатку, чтобы посмотреть результаты, полученные на РОН.

– Доктор Грейнджер? – обратился к ней Хайнрих, стоявший на краю котлована.

Эрин быстро повернулась к нему, чтобы он, не дай бог, не подумал, что она молилась. Этот студент-археолог из Германии отличался чрезмерной религиозностью, и Эрин не хотела давать ему повод думать, что и она столь же привержена религии.

– Хайнрих, надо поместить в гипс остальную часть этого экспоната, – сказала она, решив предохранить оставшуюся часть скелета от возможных последующих толчков и негативных последствий землетрясения.

А ведь для сохранения этого крошечного черепа надо было сделать так мало. Но сейчас уже так поздно...

– Будет сделано.

Хайнрих пригладил пятерней свои отросшие светлые волосы и поспешил к палатке с приборами и принадлежностями, благополучно пережившей землетрясение. Убыток от этого стихийного бедствия потерпела только Эмми – разлилась ее банка с диетической кока-колой.

Джулия, сильфидоподобная⁷ подружка Хайнриха, поспешила за ним. Она не должна была находиться в зоне раскопок, но Эрин не возражала против того, что она проводила здесь уик-энды.

– Я проверю наши приборы.

⁷ Сильфидоподобная – в данном случае грациозная; сильф – существо, дух, обитающий в воздухе.

Взволнованный голос Эмми сразу навел Эрин на мысль о том, насколько все они еще молоды. Даже в их возрасте она не была такой молодой. Или была?

Эрин жестом руки обвела вокруг ипподрома. Все здесь было в руинах еще до их прихода сюда.

– Этому месту пришлось испытать многое, – сказала она, а потом, придав своему голосу показную бодрость, добавила: – Давайте поработаем и приведем его в нормальное состояние.

– Мы же можем отстроить его заново. У нас есть технологии. Он будет лучше, чем прежде, – поддержал ее Нейт, до этого гудевший себе под нос музыкальный пассаж из «Человека на шесть миллионов долларов»⁸.

Эмми, перед тем как направиться к своей палатке, посмотрела на него с кокетливой улыбкой.

– Вы можете принести мне новую доску? – спросила Эрин Нейта.

– Да не вопрос, профессор.

Нейт ушел, а мелодия, которую он напевал, продолжала звучать в ее голове. А что, если они и вправду смогут возродить его заново? Не пятно раскопок, а все это место...

Эрин пристально рассматривала руины, представляя себе, как изначально могло выглядеть это место. Мысленно она разместила на нем ту половину строений, которые теперь были разрушены до основания. Она представила себе ликующие толпы, грохот колесниц, топот копыт. А затем вспомнила, что произошло здесь до того, как был построен этот ипподром: избиение младенцев. Представила себе панический ужас беспомощных матерей, у которых воины вырывали из рук младенцев. Матерей заставляли смотреть, как удары меча прерывали плач их детей.

Сколько загубленных жизней...

Если обнаруженное ею окажется именно тем, что она предполагает, то уже сейчас Эрин может высказать догадку, почему Ирод построил свой ипподром именно на этом месте. Не испытывал ли он приливов какого-то мрачного веселья оттого, что топот копыт и потоки крови еще больше осквернят могилы тех, кого он лишил жизни?

Пронзительное ржание вывело ее из состояния задумчивости. Она встала и посмотрела в сторону конюшни, рядом с которой конюх прогуливал игривого белого жеребца. В лошадях Эрин разбиралась. В детстве она по многу часов проводила в стойлах и знала, причем не понаслышке, как ненавистны лошадям землетрясения. Какое сильное волнение и беспокойство проявляли эти крупные, чуткие животные перед первым толчком и как трудно было успокоить их после землетрясения. Она надеялась, что этим лошадям обеспечен надлежащий уход.

Вернулись Хайнрих и Нейт. В руках у Нейта была целая доска, а Хайнрих принес коробку с гипсом, кувшин с водой и ведро. В университете он посещал класс искусства и дизайна, и него были хорошие руки – как раз то, что было необходимо для того, чтобы помочь Эрин собрать воедино куски черепа.

Нейт протянул ей доску. На Эрин пахнуло свежим лесным запахом сосны, что было так необычно здесь, в жаркой пустыне. Осторожно, стараясь не повредить оставшейся части скелета, он спустился к ней. Они вдвоем установили доску на место сломанной, придвинули ее плотно к стенке котлована и в этом положении закрепили ее скобами. Она надеялась, что новая доска не сломается и не сделает ее несчастной, как это произошло с прежней.

Нейт ушел проверять свои приборы, а они с Хайнрихом принялись раскапывать песок. Доска повредила череп и левое предплечье. Эрин вспомнила крохотный родничок, вспомнила шейный отросток плечевой кости. Она была уверена в том, что это были свидетельства, улики. Теперь они утрачены навсегда.

⁸ «Человек на шесть миллионов долларов» (*Six Million Dollar Man*) – американский фантастически-приключенческий фильм режиссера Ричарда Ирвинга (1973 год).

Перед тем как сохранить хотя бы то, что осталось, она подняла камеру и сфокусировала ее на разбросанных по песку обломках черепа. Затем сфотографировала сломанную плечевую кость, ее отломанный радиусный отросток. Щелкая затвором, она чувствовала, будто ее предплечье посылает в мозг импульсы сочувствия. Эрин сама в четырехлетнем возрасте повредила свое предплечье, и с тех пор оно нередко напоминало ей об этом.

Кладя камеру на место и все еще глядя на эту сломанную кость, Эрин, проведя пальцами по левой плечевой кости, словно вновь перенеслась в тот момент в прошлом, когда впервые почувствовала боль в предплечье.

Ее мать потащила Эрин к отцу, заставляя показать ему ангела, которого она только что нарисовала цветными карандашами. Гордая, надеясь на похвалу, девочка протянула ему картину, которую он взял в свою огромную мозолистую руку. Отец был таким высоким, что ее макушка была ниже его колена. Он, взяв картину, лишь мельком взглянул на нее.

Внезапно отец сел и притянул ее к себе, поставив у своих колен. Ее начала бить дрожь. Ей было всего четыре года, но она уже знала, что самое опасное в мире место как раз и находится возле отцовских колен.

– Какой рукой ты рисовала этого ангела? – Его трубный голос заполнил ее уши, как мощный поток воды, внезапно хлынувший на землю.

Еще не научившись врать, она подняла свою левую руку.

– Левая рука творит мошеннические проделки, расплатой за которые являются вечные муки, – объявил он. – Ты больше никогда не будешь писать или рисовать этой рукой. Тебе понятно?

Смертельно напуганная, она утвердительно кивнула.

– Я не допущу, чтобы зло исходило от моего ребенка.

Отец снова посмотрел на нее, словно ожидая чего-то. А она не понимала, чего он хочет.

– Да, сэр.

Тогда он приподнял свое колено и положив на него ее левую руку, хлопнул по ней, как будто это был кусок дерева.

Эрин тщательно осмотрела место, где были разбросаны осколки, все еще чувствуя боль в руке. Она, надавив на руку, почувствовала тот заживший шейный отросток. Отец не позволил вести ее к доктору. Если молитва не исцелит рану или не спасет жизнь ребенка, значит, Бог не пожелал этого, а они всегда должны подчиняться воле Господа.

Когда Эрин бегством спаслась от отцовской тирании, то целый год посвятила тому, чтобы выучиться писать левой рукой так же свободно, как правой, при этом она, казалось, вкладывала всю свою злость и решимость в каждую строчку, выходящую из-под ее пера. Она не позволила отцу принять какого-либо участия в своей судьбе. И пока что зло, как кажется, не проникло в нее, хотя рука ее болела в дождливую погоду.

– Так, значит, то, что сказано в Библии, верно, – голос Хайнриха вывел ее из состояния задумчивости. Он ухватил пригоршню песка с ног младенца и высыпал его за край котлована. – Бойня все-таки была. И произошла она здесь.

– Нет. – Эрин внимательно рассматривала разбросанные обломки костей, решая, с чего начать. – Вы слишком спешите с выводами. У нас есть весьма убедительные свидетельства того, что массовое убийство произошло здесь, но я сомневаюсь в том, что оно как-либо связано с рождением Христа. Исторический факт и религиозные предания часто связывают воедино. Помните, занимаясь археологией, мы должны всегда относиться к Библии, как... – Она старательно подыскивала нейтральное, не подстрекающее к ссоре слово, но не сумела его подобрать. – Как к религиозно-возвышенной интерпретации событий, записанных кем-то склон-

ным видеть эти события и факты так, что они вписываются в их идеологию. Кем-то, кто ставит перед собой цели укрепления религии.

– Вместо целей академических? – немецкий акцент Хайнриха звучал более явственно, а это значило, что он вышел из состояния душевного равновесия.

– Вместо объективного подхода. Наша единственная цель – как людей науки – состоит в том, чтобы найти вещественные доказательства прошлых событий, вместо того чтобы опираться на древние предания. Мы должны выяснить все.

Хайнрих тщательно смахивал щеткой песок с маленькой бедренной кости.

– Выходит, вы не верите в Бога? Или в Христа?

Эрин внимательно всматривалась в неровную поверхность кости. Нет, новых повреждений на ней не было.

– Я верю в то, что Христос был человеком. Что он увлек за собой миллионы. Верю ли я в то, что он превращал воду в вино? Для этого мне нужны доказательства.

Она мысленно вернулась к своему первому причастию, когда еще верила в чудеса; верила, что и вправду пьет кровь Христа. Ей казалось, что с тех пор прошло уже много столетий.

– Ну а сейчас вы здесь, – Хайнрих обвел рукой вокруг места, на котором они стояли. – Исследуете библейское сказание.

– Я исследую историческое событие, – поправила его Эрин. – И я здесь, в *Кесарии*, а не в *Вифлееме*, как описывает это Библия, потому что я нашла свидетельства, которые привели меня сюда. Я здесь из-за фактов. Но не из-за веры.

К этому моменту Хайнрих уже очистил нижнюю часть скелета. Они оба работали сейчас быстрее, чем обычно, боясь, что последующие земные толчки могут произойти в любую минуту.

– Повествование, написанное на глиняном горшке, изготовленном в первом веке, привело нас сюда, – сказала она. – Но не Библия.

После многих месяцев копания в глиняных черепках в Рокфеллеровском музее в Иерусалиме Эрин обнаружила непонятно кем подписанный разбитый кувшин, на котором упоминалось массовое захоронение детей в Кесарии. Этого было достаточно для получения гранта, благодаря которому они все оказались здесь.

– Так, значит, вы пытаетесь... разоблачить Библию? – В его голосе ясно слышалось разочарование.

– Я пытаюсь выяснить, что произошло здесь. А это, что весьма вероятно, никак не связано с тем, о чем повествует Библия.

– Значит, вы не верите, что Библия святая? – Прекратив работу, Хайнрих пристально уставился на нее.

– Склонность к обожествлению и Библия – это не одно и то же. И это, первое, присутствует в каждом мужчине, женщине и ребенке. И возникает оно не в церкви, не вылетает из рта преподобного отца.

– Но...

– Мне нужны щетки.

Эрин выбралась из котлована, подавляя закипающий в ней гнев, который она хотела скрыть от своего студента.

Она не прошла еще половины пути до палатки с инструментами и материалами, как услышала звук мотора вертолета. Подняв голову и приложив ладонь ребром ко лбу, Эрин стала искать вертолет в небе.

Большая винтокрылая машина, выкрашенная в цвет хаки, летела с большой скоростью и на малой высоте; на хвосте был выведен номер S-92. Что ему здесь надо? Эрин пристально

наблюдала за вертолетом. Поднятый винтами вихрь наверняка снова наметет песок на откопанный скелет.

Она повернулась назад, чтобы попросить Хайнриха накрыть кости.

Прежде чем Эрин открыла рот, оставленный без присмотра жеребец арабской породы, необъезженный и белоснежный, как сказочный конь, выбежав из стойла, стрелой понесся по полю. На всем скаку он не увидел бы котлована. Понимая, что ей не успеть отогнать коня от Хайнриха, Эрин все-таки бросилась к нему.

Хайнрих, должно быть, услышал или почувствовал топот копыт. Он выпрямил спину и встал как раз в тот момент, когда жеребец был уже у края котлована, и этим еще больше напугал встревоженное животное. Конь, встав на дыбы, ударил Хайнриха в лоб копытом.

Вертолет за ее спиной, опустившись на землю, выключал двигатель.

Жеребец, пятась от шума, приблизился к краю котлована.

Эрин обошла вокруг коня.

– Ну, успокойся, мальчик, – ее голос звучал спокойно и ласково. – Никто не собирается тебя обижать.

Жеребец уставился на нее огромным черным глазом. Его грудная клетка часто раздувалась и опадала, дрожащий торс лоснился от пота, с губ свисала пена. Ей надо было успокоить его и отвести подальше от котлована, в котором лежал недвижный Хайнрих.

Не прекращая успокаивать жеребца ласковыми словами, она встала между ним и краем котлована. После этого, вытянув руку, погладила его по крутой шее. Жеребец вздрогнул, но остался стоять на месте. Эрин чувствовала знакомый запах лошади. Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Лошадь сделала то же самое.

Надеясь, что конь последует за нею, она отошла в сторону, подальше от Хайнриха. Ей надо отвести его в какое-то более спокойное место, чтобы он снова не напугался.

Жеребец, ноги которого тряслись, сделал шаг.

К ней подбегал Нейт, а за ним – Эмми и Джулия.

Эрин взмахом руки велела им остановиться.

– Нейт, – произнесла она нараспев. – Не разрешайте никому приближаться, пока я не уведу жеребца подальше от Хайнриха.

Нейт застыл на месте. Его спутницы сделали то же самое.

Конь тяжело дышал, вскидывая мокрую от пота холку. Эрин, запустив пальцы в серую гриву, отвела жеребца на несколько шагов от котлована. После этого она кивнула Нейту.

Внезапно ее внимание отвлек крик, раздавшийся за ее плечом: какой-то маленький человек в балахоне стремительно неся к ним по песку. Этот человек – без сомнения, конюх, – запыхавшись, приблизился к ним, набросил поводок на шею коня и забормотал что-то непонятное, показывая рукой туда, где стоял приземлившийся вертолет. Эрин все поняла. Конь не любил вертолеты. Она и сама их не жаловала. Женщина потрепала его по холке, как бы прощаясь с ним. Конюх повел жеребца к стойлу.

Эмми и Джулия уже спустились в котлован и стояли возле Хайнриха. Джулия положила руку ему на лоб. Половина лица юноши была в крови. Джулия что-то тихонько говорила Хайнриху по-немецки, но он не отвечал. Эрин облегченно вздохнула: по крайней мере, раненый дышал.

Спустившись в котлован, Эрин встала рядом с девушками, осторожно отвела руку Джулии и ощупала его голову. Большая потеря крови, но череп, кажется, цел. Она оторвала кусок от своей банданы и приложила его к ране. Конечно, такой тампон был отнюдь не стерильным, но ничем другим она не располагала. Ее ладонь почувствовала теплую кровь.

Хайнрих застонал и приоткрыл свои серые глаза.

– Это жертвоприношение. На месте, где покоятся расколотые черепа.

Эрин в ответ чуть заметно улыбнулась. Уже два черепа раскололись в этот период ее выезда на раскопки...

– Как вы себя чувствуете? – спросила она.

Хайнрих что-то невнятно пробормотал по-немецки, с трудом шевеля побелевшими губами. Его глаза, не в силах смотреть на что-либо, закатились. Она должна показать его врачу.

– Доктор Грейнджер? – произнес за ее спиной голос с заметным израильским акцентом. – Прошу вас, немедленно встаньте.

Она положила дрожащую ладонь Джулии на самодельный тампон и с усилием выпрямилась, чуть расставив руки и помахивая ладонями в воздухе. По ее опыту, люди говорят таким тоном только в тех случаях, когда они вооружены. Эрин повернулась, но очень медленно. Кровь Хайнриха уже высохла на ее ладонях.

Солдаты. Много солдат. Они полукругом стояли вокруг котлована, одетые в форму под цвет песка пустыни, с пистолетами на поясе и с автоматами на плечах. Всего их было восемь, и все были в состоянии боевой готовности. На головах у всех серые береты, и только на одном берет был зеленый – он, по всей вероятности, командир этой группы. Оружие было направлено на нее.

Так сразу?

Она опустила руки.

– Доктор Грейнджер. – Сейчас это звучало не как вопрос, а как призыв. Он говорил с ней таким тоном, как будто вообще никогда не задавал вопросов.

– Что вам здесь надо? – спросила она, стараясь, несмотря на страх, говорить спокойно и с достоинством. – Наши разрешительные документы в порядке.

Он изучающе разглядывал ее своими черными, как маслины, глазами.

– Вы должны лететь с нами, доктор Грейнджер.

В первую очередь она должна была позаботиться о Хайнрихе.

– Я занята. Мой студент ранен и...

– Я лейтенант Перельман. Из АМАНа. У меня приказ доставить вас.

Словно подчеркивая значимость его слов, солдаты чуть выше, не больше чем на четверть дюйма, приподняли свои автоматы.

АМАН – разведывательная служба израильской армии, и встреча с ней не предвещала ничего хорошего. В груди у Эрин все кипело от злости. Они заявили сюда, чтобы забрать ее с собой, их вертолет напугал лошадь, которая травмировала Хайнриха... Эрин старалась говорить спокойно и не выдавать голосом своих эмоций:

– Доставить меня куда?

– Об этом я не уполномочен говорить вам.

По поведению лейтенанта было ясно, что он не отступит от сказанного, но применять строгие меры также не входит в его намерения. Впрочем, вряд ли ей удалось бы воспользоваться последним.

– Ваш вертолет напугал лошадь, и она травмировала моего студента, – сказала она, уперев в бока сжатые в кулаки руки. – Причем серьезно.

Лейтенант посмотрел на Хайнриха, затем чуть заметным кивком подал знак одному из солдат. Тот, вытащив санпакет, спустился в котлован. По всей вероятности, медик. Ну, это уже что-то. Эрин разжала кулаки и провела ладонями, выпачканными кровью, по своим джинсам.

– Я хочу, чтобы вы доставили его по воздуху в больницу, – сказала она. – А потом, возможно, мы сможем поговорить о прочих вещах.

Лейтенант посмотрел на сидевшего в котловане медика. Тот кивнул, его лицо выглядело встревоженным. По всей видимости, ничего хорошего.

– Хорошо, – сказал Перельман.

Он сделал жест рукой, на который его солдаты мгновенно отреагировали. Двое помогли поднять Хайнриха из котлована; двое других принесли носилки. Уложив на них раненого, они понесли его к вертолету. Джулия поспешила за ними, прижимаясь к боку лежащего на них Хайнриха.

Эрин с облегчением вздохнула. Доставка в больницу на вертолете – это было для Хайнриха сейчас самым лучшим.

Она приняла протянутую лейтенантом Перельманом руку, когда выбиралась наверх из котлована. Не сказав ни слова, он повернулся и быстро пошел к вертолету. Оставшиеся солдаты встали позади нее, показывая этим, что она должна следовать за лейтенантом. Эрин пошла вслед за Перельманом. Ее под угрозой оружия силой уводили с места раскопок.

Она не победила их в споре, однако сможет получить от них всю возможную информацию.

– Все это как-то связано с произошедшим землетрясением? – спросила она Перельмана.

Лейтенант, оглянувшись назад, оставил ее вопрос без ответа, однако она смогла увидеть ответ на его лице. Многое прояснилось. Землетрясения разрушают вещи, но они и снимают с них прикрытия.

Среди прочих вопросов возник и еще один.

В Израиле работает множество археологов. Так по какой причине именно ее они сдержали с места, где она вела раскопки? Эрин не обнаружила никаких древних сокровищ, которые могли бы послужить причиной такой спешки. Археологов не перевозят с места на место военными вертолетами... Тут явно какая-то нелепая ошибка.

– Почему именно меня? – не унималась Эрин.

Наконец Перельман ответил:

– Я могу лишь сказать, что возникла весьма деликатная ситуация и потребовалась ваша экспертиза.

– Потребовалась кому?

– Этого сказать я не могу.

– А если я откажусь?

Перельман буквально сверлил ее своим взглядом.

– Вы являетесь гостем нашей страны. Если вы откажетесь следовать за нами, вы больше не будете считаться гостем нашей страны. И ваш товарищ *не будет* доставлен в больницу на вертолете.

– Я думаю, наше посольство не одобрит такого отношения, – с угрозой в голосе сказала она.

Его губы скривились в насмешливой улыбке.

– Именно член делегации от посольства Соединенных Штатов и рекомендовал обратиться к вам.

Эрин едва справилась с тем, чтобы не выразить открыто своего удивления. Насколько ей было известно, никто в посольстве никогда даже и не слышал о ней. Либо Перельман лгал, либо он знал намного больше, чем знала она. Как бы то ни было, никакого толку от дальнейших разговоров не было. А вот доставить Хайнриха в больницу было необходимо.

Ей не оставалось ничего другого, как только продолжать идти к вертолету. Солдаты окружили ее, как будто она, подобно жеребцу, могла вдруг внезапно взбунтоваться.

Нейт и Эмми поспешно шли следом. Нейт выглядел озлобленно-воинственным, на лице Эмми была тревога.

Эрин повернулась и, сделав несколько шагов назад, дала указания:

– Нейт, вы до моего возвращения остаетесь за старшего. Что надо делать, вам известно.

Нейт, выглядывая из-за плеча солдата, растерянно произнес:

– Но, профессор...

– Скрепите воедино кости скелета. А Эмми пусть тщательно изучит левую бедренную кость, прежде чем вы загипсуете ее.

Нейт показал рукой на вертолет:

– Вы уверены, что полет с ними будет безопасным?

Эрин пожала плечами.

– Как только мы поднимемся, свяжитесь с консульством. Узнайте, действительно ли они рекомендовали меня. Если они скажут, что нет, сразу обращайтесь к силам быстрого реагирования.

Солдаты шли не сбиваясь с ноги, их ничего не выражающие взгляды были устремлены вперед. Либо они не понимали по-английски, либо ее угроза их совершенно не беспокоила. Это могло быть либо очень хорошо, либо очень плохо.

– Не летите с ними! – закричал Нейт.

– Не думаю, что у меня есть выбор, – ответила Эрин. – Да и у Хайнриха тоже.

Она дождалась, пока парень осознает сказанное ею, после чего простилась с ним кивком.

Лейтенант Перельман, стоя на пороге кабины, помахал ей рукой.

– Прошу вас, доктор Грейнджер.

Когда она проходила под вращавшимися лопастями вертолета, те закрутились быстрее, мотор взревел.

Поднявшись внутрь, Эрин села на единственное свободное кресло и пристегнулась ремнями. Носилки, на которых лежал Хайнрих, стояли в другой половине салона; Джулия сидела на кресле рядом с ним. При виде Эрин на ее лице появилась жалкая улыбка, а Грейнджер показала ей сжатый кулак с поднятым большим пальцем. Интересно, подумала она, используют ли они этот жест в Германии?

Когда вертолет набирал высоту, Эрин повернулась к сидящему рядом с ней солдату и в удивлении отпрянула. Рядом с ней сидел не солдат. Священник... На нем были черные брюки и сутана с капюшоном, доходившая ему до лодыжек, на руках были черные перчатки, глаза прикрывали темные солнцезащитные очки, знакомый ей белый воротничок – отличительный знак римско-католического духовенства.

Она отодвинулась от него. Преподобный тоже изогнулся вбок, чтобы быть подальше от нее, и, подняв одну руку, поправил капюшон.

За то время, что Эрин занималась археологическими раскопками, у нее было бесчисленное количество споров и мелких столкновений с католическими священниками. Но сейчас его присутствие рядом с ней вселило в нее надежду на то, что причина ее вызова действительно может быть связана с местом проведения раскопок, с каким-то обстоятельством, связанным с религией, в особенности с христианской. Но, с другой стороны, существовало и опасение, что этот падре, возможно, предъявил свои права на ее находки еще до того, как она увидела их. Если так, то ей придется покинуть место проведения раскопок, а ее студент пролил свою кровь зря.

Нет, такого быть не должно.

14 часов 57 минут

Женщина, сидящая рядом, благоухала лавандой, конским потом и кровью. Запахи более чем неуместные на современном историческом этапе, да еще и рядом с падре Руном Корцой.

Она протянула ему руку. Корца уже очень долгое время намеренно не касался женщины. Даже то, что ее ладонь была покрыта засохшей кровью, не облегчало его положения, но выбора у него не было, к счастью, на руках у него были перчатки. Он, сделав над собой усилие, пожал протянутую руку. Ее теплая рука оказалась сильной и подвижной, но он ощутил ее дрожь. Так, значит, он внушал ей страх.

Это хорошо.

Отпустив ее руку, Корца отодвинулся, стараясь увеличить расстояние между ними. У него не было желания вновь прикоснуться к ней. По правде говоря, ему бы хотелось, чтобы она вышла из вертолета и снова вернулась на место своих раскопок. Ради нее самой, да и ради него самого.

До получения этих вызовов падре пребывал в одиночестве и в состоянии глубокой медитации, будучи готовым покинуть этот суетный мир ради красоты и уединения в Клойстере⁹, на что он имел полное право. Но кардинал Бернард не позволил ему оставаться там. Он вытащил Руна из его кельи, в которой тот медитировал, и направил его в эту поездку в суетный мир, чтобы пригласить какого-либо археолога и, возможно, разыскать какие-либо артефакты. Рун ожидал, что археологом, которого он должен будет привезти, окажется *мужчиной*, но Бернард выбрал *женщину*, да еще к тому же и красивую.

Что это значило, Корца мог только догадываться.

Он сжал в ладони крест, свисающий у него с шеи. Теплота металла чувствовалась через перчатку.

Над его головой лопасти винта пульсировали, словно огромное механическое сердце, бьющееся так быстро, что, казалось, оно вот-вот разорвется.

Падре перевел взгляд на вторую женщину. Она была немкой – он понял это по шепоту, с которым она обращалась к лежащему на носилках мужчине. Ее белое платье было запачкано кровью. Она держала за руку раненого, ни на секунду не отрывая взгляда от его лица. Железный запах крови распространился по всему салону воздушного судна.

Рун закрыл глаза, нащупал четки, висевшие у него на поясе, и начал читать про себя «Отче наш». Вибрация от винтов машины мешала читать молитву. Он бы с большим удовольствием путешествовал на муле с живым, бьющимся сердцем.

Но грохот и свист лопастей заглушили более тревожные звуки – глухие шлепки о пол капель крови, текущей из разбитого черепа, частое дыхание женщины, сидевшей возле него, отдаленное ржание напуганного жеребца.

Когда вертолет выполнял вираж, салон наполнялся запахом авиационного керосина. От этого прежде незнакомого запаха Корца щипало ноздри, но и при этом он все равно был лучше, чем запах крови. Он давал ему силы смотреть на раненого мужчину на носилках, на кровь, стекающую тонкими струйками на металлический пол и капающую на камни, лежащие внизу на земле.

Сейчас, поздней осенью, солнце садилось рано, по крайней мере на два часа раньше. Рун опасался, что помощь этому раненому скоро может уже не потребоваться. Слишком много свалилось на его плечи.

Уголок глаза Корца внимательно смотрел на женщину, сидевшую рядом. На ней были потрепанные джинсы и запыленная белая рубашка. Ее умные карие глаза блуждали по салону и, казалось, оценивали каждого из сидящих в нем мужчин. Взгляд этих глаз пробежал мимо, не останавливаясь на нем, словно его здесь и не было. Испытывала ли она страх к нему как к мужчине, или как к священнику, или по какой-либо другой причине?

Положив ладони в перчатках на колени, Корца стал погружаться в медитацию. Он должен выбросить из головы мысли о ней. Все его святые устремления нужны ему для выполнения поставленной перед ним задачи. Возможно, выполнив ее, он сможет снова вернуться в святыню в Клойстере, где никто не потревожит его отдохновения.

Внезапно женщина коснулась его локтем. Рун напрягся, но не сдвинулся с места. Медитация уже ввела его в состояние покоя. Женщина наклонилась, чтобы посмотреть, как чувствует себя ее коллега; ее тонкие брови тревожно взметнулись вверх. Мужчина уже не придет

⁹ Клойстер – город в округе Берген, штат Нью-Джерси.

в себя, но Рун не мог сказать ей этого. Она бы ни за что ему не поверила. Ну что может знать о ранах и кровотечениях простой пастырь?

Намного больше, чем она может себе представить.

15 часов 03 минуты

В кармане Эрин запищал мобильный телефон. Вытащив, она положила его рядом на сиденье по другую сторону с намерением скрыть аппарат от лейтенанта Перельмана. Эрин опасалась, что он не разрешит ей общаться с кем-либо, пока она в воздухе.

Эсэмэска была от Эмми: «Привет, профессор. Вы можете говорить?»

Лейтенант, казалось, смотрел в другую сторону.

Эрин набрала ответ: «Пиши».

Сообщение от Эмми пришло так быстро, как будто она печатала его, пока Эрин думала. «Осмотрела бедренную кость скелета».

«И?»

«На ней следы зубов».

Это подтверждало прежнее предположение Эрин. Она еще тогда приняла эти отметины на кости за следы зубов. Вертолет сильно качало, и она с трудом напечатала ответ: «*Неудивительно... Здесь, в пустыне, немало хищников*».

Ответ от Эмми пришел не скоро – он был длинным и печатать его пришлось долго. «Но эти укусы такие же, какие я видела на наших раскопках в Новой Гвинее. Такое же расположение зубов. Такая же картина вгрызания».

Сердце Эрин забилося быстрее; она помнила, что нашла Эмми во время последней раскопки: охотники за головами в Новой Гвинее. Это могло означать только одно...

Неужто каннибализм? Здесь?

Если это так, то причина возникновения этого массового захоронения детей может оказаться еще страшнее предания об избиении младенцев царем Иродом. Количество скелетов новорожденных было весьма большим, что явно не свидетельствовало о недоедании или о нехватке продуктов и не могло служить признаком того, что младенцы стали жертвой голода.

«Какие еще свидетельства?» – напечатала она.

«*4 передних зуба. Непрерывная дуга. Кости этого новорожденного обгрызали люди*».

Палец Эрин застыл над клавиатурой – шок не давал ей продолжить переписку. И тут лейтенант Перельман внезапным движением выхватил у нее телефон. Она, пристегнутая к сиденью, рванулась, чтобы отобрать его. Лейтенант выключил телефон.

– Никаких контактов из вертолета! – закричал он.

Эрин задохнулась от гнева, но промолчала и, подчиняясь ему, скрестила руки на груди. Нет никакого смысла доводить этот эпизод до скандала.

Пока.

Лейтенант опустил телефон в карман рубашки. Телефона она лишилась.

Эрин облегченно вздохнула, когда вертолет опустился на площадку перед медицинским центром Гилель в Яффе. Она слышала, что здесь существует хорошее травматологическое отделение, и ее порадовало то, что пострадавшего доставили сюда так быстро. Она попыталась расстегнуть ремни, удерживающие ее на сиденье, но Перельман накрыл ее руку своей.

– Не сейчас, – предупредил он.

Его парни тем временем выбрались из вертолета и вытащили носилки. И Джулия уже стояла рядом с ними на площадке, по-прежнему сжимая в руке пальцы Хайнриха. Она подняла другую руку и помахала на прощание Эрин. Грудная клетка раненого поднималась и опускалась, когда его везли на носилках. Он дышал. Эрин надеялась, что и вправду скоро увидит его снова.

Как только солдаты снова поднялись в вертолет, тот быстро и резко поднялся в воздух.

Грейнджер отвела взгляд от больничных корпусов и посмотрела на раскинувшуюся за Кесарией пустыню, а беспокойные мысли о положении Хайнриха сменились другими тревожными размышлениями, об обгрызенной бедренной кости.

Но все-таки куда же они меня везут?

Глава 4

26 октября, 15 часов 12 минут по местному времени

Тель-Авив, Израиль

Батория Дарабонт стояла в ожидании в тени на лестничной площадке третьего этажа над отелем. Она смотрела вниз на выложенный плитками фонтан, занимавший большую часть вестибюля отеля; вода стекала по стене в полукруглую чашу из непривычного зеленого мрамора. Ей казалось, что глубина воды в фонтанной чаше два, а то и три фута. Она поглаживала красивые бронзовые перила, прикидывая высоту площадки, на которой стояла.

Двадцать пять футов¹⁰. Падение с такой высоты не смертельно. Действительно захватывающее действо.

Мужчина, стоявший рядом с ней, постукивал по перилам. С копной черных выющихся волос, огромными карими глазами и прямым носом, он выглядел так, как будто только что сошел с фрески, изображающей Александра Великого. Разумеется, он – принц из какой-то далекой страны – отлично сознавал, что был красивым и богатым, и осознание этого выработало у него привычку делать все так, как ему хочется.

Ее это беспокоило.

Ему страстно хотелось уговорить ее снять свое шелковое, от известного модельера платье и лечь с ним в постель. Она в общем-то не очень противилась этому, но ее больше интересовало то, что будет между ними, чем то, что этому предшествует.

Легким взмахом белой руки Батория откинула назад свои рыжие волосы, доходившие ей до талии, поймав его взгляд, устремленный на темную ладонь, вытатуированную у нее на горле. Необычный знак, и более опасный, чем кажется с виду.

– Как насчет пари, Фарид?

Его взгляд снова устремился в ее светлые глаза с серебристым отливом. У него действительно были на редкость длинные и густые ресницы.

– Пари?

– Давай на то, что тот, кто прыгнет в фонтан, – она показала своим длинным пальцем вниз на атриум, – то есть победитель, получает все.

– А ставки? – спросил он с безукоризненной улыбкой. По его виду можно было понять, что игра ему нравится.

Батория тоже улыбнулась, поднимая свое тонкое изящное запястье.

– Если ты выиграешь, я отдаю тебе свой браслет.

Этот бриллиантовый браслет стоил пятьдесят тысяч долларов, но расставаться с ним она не намеревалась. Она никогда не проигрывала в спорах.

Фарид рассмеялся.

– Мне не нужен этот браслет.

– Но я отдаю его тебе в *твоем* номере.

Фарид заглянул за перила и замолчал. Молчаливым он ей нравился больше.

– Если выиграю я... – Она подошла к нему настолько близко, что пола ее шелкового платья касалась его горячей ноги. – Я получаю твои часы – ты отдаешь их мне в *моем* номере.

Часы «Ролекс»; по ее прикидке, они стоили столько же, сколько ее браслет. И они тоже были ей не нужны. Но прыжок сократит затянувшийся флирт и, возможно, приведет к более вдохновенному и страстному сексуальному наслаждению по сравнению с тем, на что Фарид, вероятно, был способен.

– А в каком же случае я окажусь в проигрыше? – спросил он.

¹⁰ Около 7,5 м.

Батория подарила ему долгий и томный поцелуй. Он ответил на него, как и положено настоящему мужчине. Она опустила свой мобильный телефон в его карман, нащупав пальцами стальное лезвие ножа. Фарид был вовсе не таким безоружным, как можно было предположить. Она припомнила слова своей матери:

Даже белая лилия и та отбрасывает черную тень.

Когда она отошла назад, Фарид провел обеими руками по ее покрытой шелком спине.

– А что, если мы обойдемся без прыжка?

Батория рассмеялась.

– Никогда в жизни.

Ухватившись обеими руками за холодные перила, она перепрыгнула через них. Приняла стойку, готовясь прыгнуть в воду ласточкой, – руки при падении разведены в стороны, спина выгнута. Платье плотно облегалo ноги. В какой-то момент ей показалось, что она ошиблась, определяя глубину, и что падение будет для нее смертельным, но именно в этот момент Батория почувствовала облегчение, которое было сильнее страха. Она упала в воду всей плоскостью тела, распределив таким образом его вес.

Удар о воду был настолько сильным, что у нее остановилось дыхание.

Примерно секунду Батория плавала лицом вниз в холодной голубизне, чувствуя покалывание в груди и в области живота, но потом ее бурлившая кровь постепенно успокоилась. Она перевернулась вверх лицом; ее ставший прозрачным корсаж показался из воды, в то время как вода, стекавшая с головы, изменила цвет ее волос, превратив их из рыжих в почти черные. Женщина весело рассмеялась.

Когда она встала на ноги во весь рост, все, кто был в вестибюле, уставились на нее. Несколько зрителей даже заплодировали, словно то, что она проделала, было частью некоего шоу.

Наверху в растерянности стоял Фарид.

Батория выбралась из фонтана. Вода, стекая с ее тела, впитывалась в дорогой шерстяной ковер. Она поклонилась Фариду, и тот ответил на ее поклон легким кивком, за которым последовало драматическое расстегивание браслета его «Ролкса» и вздергивание бровей – признание того, что она выиграла пари.

Спустя несколько минут они уже стояли перед дверью ее номера. Батория чуть заметно дрожала в своем мокром платье в охлаждаемом кондиционерами воздухе коридора. Фарид своей ладонью, мягкой как шелк и горячей как уголь, гладил ее по спине, просунув руку под тонкое платье, – это тоже вызывало дрожь, но совсем иного рода. Она вздохнула и посмотрела на него мрачным взглядом, желая поскорее согреться именно жаром его тела, а не каким-либо иным способом, которые были у него в арсенале.

Когда Батория доставала карточку для открывания дверного замка, «Ролкс» болтался на ее запястье.

Открыв замок, она толчком распахнула дверь, и тут зазвонил ее мобильник. Но звонок доносился из брюк Фариды. Батория повернулась к нему, сунула руку в его карман и вытащила мобильник.

– Как он там оказался? – с изумлением спросил Фарид.

– Я сунула его туда, когда мы целовались. – Она смотрела на него с улыбкой. – Поэтому он и не промок. Я знала, что ты никогда не прыгнешь.

Морщина – признак уязвленной гордости – прочертила его великолепный лоб.

Остановившись в дверях, Батория проверила, что на телефоне. Это была эсэмэска, причем важная; в сообщении было указано имя отправителя. Она вся похолодела; охватившую ее дрожь уже невозможно было унять никаким теплом, никаким горячим прикосновением.

Времени для игры уже нет.

– Кто такой Аргентум? – спросил Фарид, глядя на дисплей телефона из-за ее плеча.

Ой, Фарид... ну какой женщине не хочется иметь свои тайны.

Именно поэтому Батория путешествовала под таким множеством фальшивых имен; под одним из них она и забронировала этот номер.

– Оказывается, мне необходимо срочно посетить одно место, – сказала она, войдя в номер и повернувшись к нему. – Здесь мы должны с тобой проститься.

Выражение мрачного разочарования появилось на его лице, глаза сверкнули гневом.

Фарид грубо втолкнул ее в комнату. Заключив ее в крепкие объятия и прижав к стене, он пинком ноги закрыл дверь.

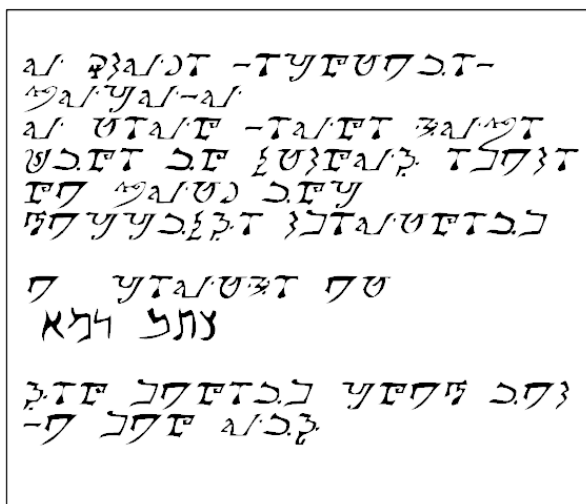
– Я прощаюсь с тобой, когда мы закончим, – хрипло сказал он.

Батория подняла бровь. Оказывается, в Фариде *пылал* скрытый огонь.

Улыбаясь ему и бросив телефон на кровать, она притянула его к себе еще ближе, их губы почти соприкасались. Она повернула его так, что его спина оказалась прижатой к стене, и потянулась рукой к его брюкам, отчего его мрачная улыбка стала шире. Но Фарид не понял, что она ищет. А Батория вынула из кармана спрятанный там нож, одной рукой раскрыла его – и тут же вонзила лезвие ему в глазницу. Провернув лезвие, вытащила нож. Высвободилась из его объятий, прижав тело плотнее к стене, чувствуя через свою мокрую одежду тепло его тела и понимая, что это тепло, а вместе с ним и жизнь, скоро покинут это тело. Она наслаждалась этим остывающим теплом, крепче прижимаясь к нему и чувствуя, как билось в предсмертных судорогах его тело.

Когда Фарид затих, она наконец могла уйти. Его тело ожидала земля, его жизнь закончилась.

Оставив его там, где он лежал, Батория подошла к кровати и села на нее, скрестив ноги. Снова взяла телефон и открыла прикрепленный к письму посланный ей файл. На экране появилось единственное фото куска бумаги со странной надписью. Это рукописное послание пришло словно из другого времени, когда писали на пергаменте заточенным кусочком кости. Текст больше походил на код, чем на язык, он был написан на древнем варианте иврита.

Одним из направлений ее учебы в Оксфорде было изучение древних языков, и теперь Батория читала на латыни, на древнегреческом и на иврите так же свободно, как на своем родном венгерском. Она внимательно расшифровала письмо, будучи полностью уверена, что не допустила ошибок. Работая над текстом, она даже чаще дышала.

Землетрясение разрушило Масаду,
причинило множество смертей,

достаточно сильное, чтобы указать,
как Ее возможно откопать.

Батория прикрыла рукой свое белое горло, кончики пальцев ощупывали знак, черневший на ее коже. Она думала о той ночи, когда этот знак появился на ее горле и навсегда связал ее. Ее горячая кровь все еще бурлила в жилах.

Она продолжила чтение.

Иди. Найди.

אני אתך

Один из рыцарей направлен туда для того,
чтобы разыскать ее.
Не останавливайся ни перед чем.
Ты должна довести все до конца.

Батория пристально вглядывалась в эти фразы, написанные на арамейском языке эпохи царя Ирода. Велиал¹¹ долго ждал этого послания. Ее губы беззвучно шевелились, произнося эти страшные слова. Произнести их вслух она не осмелилась.

אני אתך

Книга крови

Судорога какого-то ранее незнакомого страха свела ей пальцы.

Тот, на кого она работала, уже давно подозревал, что эта иудейская горная твердыня, возможно, хранит в своих недрах эту бесценную книгу. Однако он подозревал, что книга может храниться не только в этой крепости, но еще и в целом ряде других мест. В этом и заключалась одна из причин, по которым Батория тайно находилась здесь, в центре Святой земли. Отсюда она всего за несколько часов могла добраться по меньшей мере до дюжины мест, в которых могло бы быть устроено древнее хранилище.

Но был ли он прав? Могла ли Масада считаться надежным местом хранения Книги крови? Ведь если она и ее команда засветят свое присутствие здесь, то снова скрыться они уже не смогут. Было ли у него достаточно оснований, чтобы пойти на такой риск?

И лишь на последний вопрос она знала ответ.

Да.

Если эта Книга действительно извлечена из места ее хранения, то это единственная возможность, единственный шанс покончить со старым миром и создать новый мир, мир Его имени. Батория хотя и обучалась своему делу с юных лет, но все-таки никогда не верила, что такой день настанет.

Необходимо тщательно подготовиться.

Она нажала на вторую клавишу быстрого набора номеров, и на дисплее возник мощный мускулистый мужчина, который ответил после первого же звонка. Это был Тарек, ее заместитель.

– Какие будут указания?

¹¹ Велиал (Велиар) – одно из имен сатаны в Библии.

В его низком басовитом голосе все еще чувствовался тунисский акцент, хотя он практически на протяжении всей своей жизни не общался ни с одним из соотечественников.

– Поднимай остальных, – приказала Батория. – Охота наконец-то начинается.

Глава 5

26 октября, 15 часов 38 минут по местному времени

Борт вертолета в небе над Израилем

Эрин нестерпимо хотелось поскорее оказаться на земле, где не было этой жары, шума и пыли – и где не было бы этого священника. Ей нестерпимо жарко, но падре наверняка еще хуже в его сутане, да еще и с капюшоном. Эрин пыталась вспомнить, когда католические священники перестали носить капюшоны. Еще до ее рождения. Капюшон на голове сидящего рядом преподобного и его солнцезащитные очки оставляли открытым только подбородок, квадратный с вертикальной складкой посередине. Подбородок кинозвезды... Но, сидя рядом с ним, Эрин испытывала беспокойство. Она могла с уверенностью сказать, что в течение получаса он даже не пошевелился. Вертолет, попав в воздушную яму, опустился на несколько футов, но ее желудок так и остался в воздухе на прежней высоте. Она с трудом сглотнула слюну. Как жаль, что она не взяла с собой воду. Да и у солдат, как ей казалось, тоже не было с собой воды, но они, похоже, отлично обходились без нее. Так же как и падре.

Монотонный, выжженный жарой пейзаж проплывал внизу. Вертолет, поднявшись в воздух с площадки возле больницы, взял курс на северо-восток в сторону Галилейского моря. После каждой минуты полета в голове возникали новые предположения относительно конечной точки их полета, но Эрин скоро потеряла интерес к попыткам угадать, в каком именно месте они могут приземлиться.

Они приблизились к знакомой горе с плоской вершиной; отвесные склоны возвышались посреди пустыни. Эрин рассмотрела белый палец, указывающий на платформу, возведенную римлянами, – с нее они в конце концов сокрушили стены крепости.

Масада.

Это место Эрин даже не рассматривала в качестве конечной точки их полета. Подробные раскопки в Масаде были проведены еще в шестидесятых годах. И ничего нового не было обнаружено здесь в течение прошедших десятилетий. Туристы исходили здесь все вдоль и поперек.

Возможно, после землетрясения что-то новое вблизи крепости стало доступным для глаза. Какой-нибудь римский лагерь? Или останки, пролежавшие в земле девятьсот лет... Ведь всего здесь было обнаружено тридцать или сорок тел. Они были перезахоронены со всеми воинскими почестями в 1969 году.

Эрин нагнула шею, чтобы обеспечить себе лучшую видимость. Повсюду лишь непотроженные пески, никаких признаков деловой активности вокруг подножия горы. Но на вершине она заметила большой вертолет. Возможно, туда и лежит их путь... Эрин выпрямилась на своем сиденье, готовясь к тому, чтобы выяснить, чего ради она так спешно понадобилась здесь.

Падре тоже сделал еле заметное движение: его красивый подбородок чуть повернулся. Значит, он, по крайней мере, еще живой. Она как-то не учла его присутствия в вертолете, когда задумывалась над конечной точкой их маршрута. Масада, хотя и являлась в первую очередь иудейской исторической достопримечательностью, хранила внутри себя руины византийской церкви, построенной примерно в 500 году н. э. Землетрясение, возможно, сделало видимыми какие-либо христианские мощи или реликвии. Но если израильтяне хотят передать находки этому священнику, то какая необходимость в ее присутствии здесь? Концы с концами что-то не сходятся...

Вертолет стал приближаться к вершине; в открытую дверь залетал песок, поднимаемый с земли винтами. Эрин сощурилась и прикрыла глаза ладонями, защищаясь от горячих песчинок. Надо было позаботиться о защитных очках. И о воде. И об обеде. И о запасном мобильнике.

Жаль, что Перельман отобрал у нее телефон. Наверняка ее студенты уже не раз звонили ей, чтобы рассказать о состоянии Хайнриха... Да пошло все куда подальше: она не желала думать о том, что будет сейчас. Эрин хотела быть на месте своих раскопок, там, где сейчас ее студенты. Ведь, что бы ни случилось, она несет за них всю полноту ответственности.

Эрин поднесла большой и указательный пальцы к уху, как бы говоря Перельману, что ей нужен телефон.

Вынув ее аппарат из кармана, лейтенант закричал, перекрикивая шум:

– Только не включайте его!

– Слушаюсь, сэр.

В таком страшном шуме он не мог расслышать сарказма, которым она щедро приправила свою реплику.

Эрин сунула телефон в задний карман джинсов. Но в ту же секунду, когда лейтенант отвернулся от нее, она включила мобильник и проверила, есть ли на нем сообщения.

Внезапно в поле зрения возникла вершина.

Оглушенная грохотом, Эрин, нагнув голову, напряженно смотрела вниз. В тот момент, когда ей стало понятным, что она видит внизу, ее словно громом поразило.

Масада... *пропала*.

Стены, строения, водохранилища – все превратилось в кучи камней. Стены с бойницами, окружавшие крепость в течение тысячелетий, были полностью разрушены. Вместо колумбария и синагоги она увидела груды бутового камня. Гора практически была рассечена напополам. Такого разрушения ей никогда до этого не доводилось видеть.

Пилот сбавил обороты винта, и они зависли над покатою площадкой, поскольку плоская вершина горы была сплошь усеяна каменными обломками. Вертолет стал садиться.

Эрин силилась рассмотреть хоть что-то сквозь окутавшее их облако пыли. Возле края плато были выложены черные прямоугольники. Они имели слишком правильную форму, а потому их нельзя было отнести к творениям природы. Два человека принесли и бросили новый мешок рядом с остальными.

Мешки для трупов. И причем не пустые.

Масада была одним из наиболее притягательных для туристов местом в Израиле. Возможно, в момент землетрясения там было множество туристов. Сколько еще жизней поглотила проклятая гора? Живот Эрин вновь свели спазмы, но на этот раз не из-за вертолета.

Холодная рука легла ей на плечо, отчего она в страхе отпрянула. Падре. Он тоже, должно быть, заметил мертвых. Может быть, она была несправедливой к нему. Возможно, он здесь для того, чтобы исполнить прощальные обряды или проследить за тем, чтобы с мертвыми обходились так, как этого требует церковь.

Ей сразу стало не по себе от одной мысли о том, как сильно она испугалась за несколько минут до этого. Это ведь не было местом раскопок. То, что она видела, было последствием стихийного бедствия. Как ей хотелось снова оказаться в Кесарии!..

Лейтенант Перельман, выпрыгнув из вертолета, лающим голосом скомандовал что-то на иврите. Его люди покинули вертолет через оба выхода и направились к трупным мешкам. Должно быть, им было поручено собрать тела. Неудивительно, что офицер хранил в таком строгом секрете порученное ему задание. Лично она такому заданию не позавидовала бы.

Священник выпрыгнул из вертолета грациозно, как кот. Струи воздуха от крутящихся лопастей раздували полы его сутаны. Поглубже надвинув на голову капюшон, он стал вертеть головой из стороны в сторону, словно ища что-то.

Эрин старалась нащупать своей мокрой от пота рукой зажимы ремней безопасности. Пол под ее ногами казался накренившимся. Стараясь успокоиться, она откинулась на спинку сиденья и сделала несколько глубоких вдохов. У израильтян была причина на то, чтобы привезти ее сюда, а значит, ей надо успокоиться и выяснить, что это за причина.

Падре повернулся и протянул ей свою повернутую на старый манер, ладонью вверх, руку в перчатке, чтобы помочь выбраться из вертолета, – вполне куртуазный жест, явно не имевший ничего общего с тем, как лейтенант Перельман вытаскивал ее из котлована перед полетом сюда.

Поблагодарив святого отца, Эрин оперлась на его руку. Он отпустил ее в тот самый момент, когда подошвы ее кедров ступили на известняк. Ветер сдул с его головы капюшон, открыв бледное лицо с высокими скулами и густыми черными волосами. Симпатичный мужчина для священника.

– Tot ago attero... – пробормотал он, снова натягивая капюшон на голову и скрывая под ним лицо. «Какая большая потеря», – быстро перевела с латыни Эрин.

Преподобный поклонился ей перед тем, как уйти с целеустремленным видом, словно ему как минимум было известно, зачем он здесь.

Прикрыв рукой глаза, Эрин посмотрела на солнце, стоявшее уже не так высоко. Примерно через час солнце сядет. Если к этому времени они не погрузят тела, наверняка нагрянут шакалы. При этой мысли ее всю передернуло, несмотря на жару.

Она заставила себя смотреть на картину разрушений, на то, что происходило позади трупных мешков, на людей, извлекающих трупы из-под развалин. Люди эти были одеты в небесно-голубые биозащитные костюмы.

Биозащитные костюмы при землетрясении?

Прежде чем Эрин успела осознать причину такой предосторожности, к ней приблизился высокий солдат. На нем не было биозащитного костюма. Это уже хорошо.

Солдат шел прямо к ней. Даже не имея он на предплечье своей куртки цвета хаки вышитого флага, она бы безошибочно признала в нем американца. Все в нем говорило: «яблочный пирог»¹² от белокурых волос, подстриженных и уложенных по армейскому уставу, до лица с квадратным подбородком и широких плеч. Его ясные голубые глаза смотрели прямо на нее, показывая, что он готов к любой реакции с ее стороны. Солдат ей понравился. Он производил впечатление умелого и дельного человека, не привыкшего отступать в трагических ситуациях, в которые он наверняка попадал. Но что американские военные делают здесь, на вершине израильской горы?

– Доктор Эрин Грейнджер?

Так вот оно что, он ждал ее. А что ей сулит эта встреча – успокоение или дополнительные тревоги и волнения?

– Да, я доктор Грейнджер.

Солдат посмотрел на священника, который за ее спиной шел в сторону от них по площадке, усыпанной бутовым камнем. Подняв одну бровь, он негромко сказал, обращаясь к лейтенанту Перельману:

– А вот падре мое присутствие здесь не обрадовало.

Лейтенант подал знак двум своим солдатам, а потом, прежде чем ответить, кивнул в сторону священника.

– Падре Корца присутствует здесь по просьбе Ватикана. Во время землетрясения в Масаде находилась группа туристов-католиков. В ее составе был племянник кардинала.

Так вот почему здесь падре, подумала Эрин. Одна тайна раскрыта. Солдат, казалось, согласился с ее умозаключением и снова посмотрел на нее.

– Спасибо вам, доктор Грейнджер, за то, что вы приехали. Нам надо спешить.

Он пошел в сторону от вертолета, туда, где были наиболее значительные разрушения.

Эрин пошла за ним, стараясь не отставать, так как он на своих длинных ногах двигался вперед намного быстрее, чем она. Идя рядом с ним, женщина смотрела на него и под ноги, стараясь не замечать трупные мешки и не молчать, чтобы хоть как-то отвлечься от тяжких дум.

¹² «Яблочный пирог» – намек на известную поговорку «американский, как яблочный пирог» (*as American as apple pie*).

– Меня буквально вытащили с места раскопок, причем без всяких объяснений. Что вообще здесь происходит?

– Со мной произошло почти то же самое. – Его губы скривились в усталой улыбке. – Еще вчера я был в Афганистане. Всего несколько часов назад прилетел в Иерусалим. – Он остановился, вытер ладонь о свою футболку песочного цвета и протянул ей руку. – Для начала позвольте представиться: сержант Джордан Стоун. Девятый батальон рейнджеров. Израильяне обратились к нам за помощью.

Его рукопожатие было теплым и твердым, без намека на агрессивность; Эрин сразу заметила белую полоску на его левой руке там, где должно было быть обручальное кольцо. Почувствовав неловкость оттого, что ей бросилась в глаза эта деталь, она быстро отпустила его руку и представилась:

– Доктор Эрин Грейнджер.

Они пошли дальше.

– Не считите это за грубость, доктор, но, если вы хотите продолжить ваши археологические изыскания, нам надо спешить. Ожидаются последующие толчки.

Эрин прибавила шаг.

– А зачем на них биозащитные костюмы? Тут что, произошло нападение с применением химических или биологических средств?

– Не совсем так.

Прежде чем Эрин успела попросить его объяснить более подробно и внятно, что здесь произошло, сержант остановился у края известняковой глыбы, преграждающей путь, повернулся к ней и сказал:

– Доктор, вы должны собраться с духом и набраться мужества.

16 часов 03 минуты

Джордан сомневался в том, что Грейнджер когда-либо видела нечто подобное. Тропа была сплошь завалена камнями и усеяна раздавленными изуродованными телами: некоторые были засыпаны, другие смотрели широко открытыми невидящими глазами на безжалостное солнце; здесь были и старики, и дети. Вот если бы у нее были шоры, которые надевают на лошадей, Джордан мог бы уберечь ее от такого зрелища. Но шор у него не было, поэтому ей пришлось идти через весь этот ужас до временного лагеря, разбитого на краю пропасти, образовавшейся после землетрясения.

Джордан обошел тело, накрытое куском голубого брезента. Сержант не позволял себе отвлекаться на мертвых; он достаточно насмотрелся на них в Афганистане. Возможно, прошлым вечером он, в одиночестве, выпил слишком много виски «Джек Дэниелс» с единственной целью – отвлечь себя от постоянных мрачных дум. А до этого он должен был держать под контролем и свою команду, и собственные чувства.

Встреча с археологом вызвала у него некоторое удивление. Но не тем, что перед ним оказалась женщина. Стоун не имел ничего против работы с женщинами. Некоторые из них были вполне дееспособными, другие – нет; этим они не отличались от мужчин. Но для начала неплохо бы выяснить, зачем сюда был направлен археолог...

Джордан тыльной стороной ладони отер пот со лба. Все вокруг было под слоем пыли, а температура как будто застыла на отметке девяносто градусов¹³. Он глубоко вдохнул, чувствуя в жарком воздухе пустыни медный привкус крови. И тут он заметил, что доктора Грейнджер нет за его спиной.

¹³ 32 градуса по Цельсию.

Стоун ожидал, пока она поравняется с ним, и, глядя на нее, заметил в ее глазах выражение сочувствия и сострадания; она не отрывала взгляда от руин и развалин, озирая мертвые тела, скорбные позы мертвых. Сегодняшний день она забудет не скоро.

– Вы в порядке? – спросил он.

– Пока я иду, все нормально. Но если придется на некоторое время остановиться, вам придется весь оставшийся путь нести меня на руках.

Говоря, Эрин смотрела на него с вымученной улыбкой, которая, казалось, стоила ей нечеловеческих усилий.

Джордан снова пошел вперед, но более медленным шагом, чем раньше, пытаясь держаться подальше от разбросанных по земле тел.

– Большинство жертв умерли мгновенно. К счастью, они ничего не почувствовали.

Но это была неправда. Для того чтобы убедиться в этом, ей достаточно было посмотреть на мертвые тела.

Эрин скептически подняла бровь, но не стала разубеждать его, что он, конечно же, оценил.

Она пристально смотрела на тело молодой женщины. Ее лицо было покрыто волдырями, кровь запеклась вокруг глаз и рта. Совсем не типичная жертва землетрясения.

– Ведь не все эти тела были раздавлены, сержант. Отчего умерли те, кто не попал под камни?

– Зовите меня Джордан. – Стоун заколебался, он готов был держать пари на то, что, соври он и на этот раз, она поймала бы его на лжи. Уж лучше сказать ей самую малость из того, что дозволено, чем вынуждать ее делать предположения. – Мы пока только берем пробы, но, по данным предварительного анализа на газовом хроматографе, мы предполагаем, что они подверглись воздействию какой-то субстанции, сходной с зарин¹⁴.

Эрин споткнулась о кусок обтесанного камня, но продолжала идти. Джордан восхищался ее мужеством.

– Нервно-паралитический газ? Так вот почему привлекли американских военных...

– Израильяне обратились к нам за помощью, потому что у нас есть опыт в подобных делах. Но пока мы еще не дали точного ответа о природе этого газа. Наиболее вероятно, что это зарин. Быстрое воздействие, мгновенное распространение. Но к тому времени, когда первые специалисты подразделения оперативного реагирования прибыли в Масаду, газ уже превратился в инертный.

Хотя бы здесь немного повезло, подумал Джордан, а то число жертв могло бы быть значительно большим. Израильяне считают землетрясение главной причиной произошедшего. Первые специалисты подразделения оперативного реагирования надели защитные костюмы только после обнаружения первых трупов.

– Кто мог это сделать?

В голосе Эрин слышались шоковые интонации человека, не привыкшего ежедневно собственными глазами видеть подобное. Он невольно позавидовал ей.

– К сожалению, у меня нет ответа на этот вопрос.

Даже газ был окутан тайной. У него не было никаких параметров, по которым можно было бы определить современное средство, используемое в военных целях. При разложении основных составляющих этого газа парни Джордана выявили странные аномалии. Например, присутствие корицы. Ну кто, черт возьми, сдобривает специями нервно-паралитический газ? Его группа все еще пытается определить природу нескольких столь же странных и трудно уловимых при анализе ингредиентов.

¹⁴ Зарин – боевое отравляющее вещество нервно-паралитического действия.

Поэтому Джордан до сих пор и не выяснил точного состава газа. В этом и заключалась его работа, и он был большим специалистом в данной области. Он старался отогнать от себя даже мысль о том, что обнаружил ранее не известный нервно-паралитический газ с такой высокой поражающей способностью, в особенности здесь, на Ближнем Востоке. Ни его руководство, ни израильтяне явно не придут в восторг, узнав об этом.

Перед ним лежал трупный мешок, обойти который было невозможно. Джордан протянул руку доктору Грейнджер, намереваясь поддержать ее и в то же время по возможности приободрить. Она сжала его руку крепче, чем он ожидал. Ее сил хватит на то, чтобы работать не только карандашом.

– А может, это была террористическая атака?

Голос Эрин звучал по-прежнему уверенно, но рука чуть-чуть дрожала. Надо поддержать разговор, решил Джордан, дабы успокоить ее.

– Именно об этом израильтяне сразу и подумали. – Он отпустил ее руку. – Но токсичный газ распространился одновременно с землетрясением. Мы подозреваем, что старые емкости с ядовитым веществом могли быть закопаны где-то здесь, и под воздействием земных толчков они раскрылись.

Она нахмурила брови.

– Масада – это ведь святое археологическое место. Я не могу допустить и мысли о том, чтобы израильтяне могли захоронить здесь нечто подобное.

Джордан пожал плечами.

– Как раз для того, чтобы выяснить это, я и мои ребята прибыли сюда.

Так вот что ему приказано сделать: найти источник и, соблюдая все меры предосторожности, извлечь или взорвать оставшиеся емкости.

Некоторое время они шли молча. До уха Джордана долетел звук, похожий на падение трупного мешка на железный пол вертолета. Им надо поспешить. Приближается ночь, а ему не хотелось выделять ни одного из своих парней для отпугивания шакалов. Он заметил, что глаза Эрин остекленели и расширились, а дыхание стало хриплым. Надо отвлечь ее разговором, решил он.

– Мы уже почти дошли до лагеря.

– Кто-нибудь остался в живых?

– Только один. Мальчик.

Стоун жестом указал вперед на передвижную лабораторию, размещенную в герметизированной пластиковой палатке, в которой находился сейчас подросток.

– Он был здесь один? – спросила Эрин.

– С родителями.

Предположительно мальчик несколько раз глубоко вдохнул это химическое отравляющее вещество, но выжил. По его описаниям газ выглядел как горячее красновато-оранжевое облако со сладким специфическим запахом. Ни один из современных нервно-паралитических газов не подходит под это описание.

Джордан, посмотрев на нее, сказал:

– Его родителям не повезло.

– Да, – вздохнув, согласилась Эрин.

Стоун пристально смотрел на пластиковую палатку, стоящую на краю засыпанной камнями площадки. Сквозь прозрачные пластиковые стены он рассмотрел священника, стоявшего на коленях рядом с мальчиком. Его порадовало, что мальчик не один и возле него присутствуют люди. Но какие слова духовного отца могут успокоить его?

Неожиданно даже его собственная работа показалась ему не такой трудной.

– Так это ваш лагерь? – Эрин показала на стоящую перед ними потрепанную односкатную парусиновую палатку, стоящую на краю провала.

Лагерь – слишком пышно сказано.

– Ну и убожество.

Стоун снова посмотрел на провал. Тот словно гигантский шрам прорезал землю, пять ярдов в ширину и не меньше ста ярдов в длину. Даже если поверить в то, что он возник в результате обычного землетрясения, провал все равно казался неестественным.

– Это и есть ваш масс-спектрометр? – спросила археолог, когда они дошли до места.

Глядя на ее удивленное лицо, Джордан не мог сдержать улыбку.

– Неужели вы думаете, что они доверят нам, мелким армейским сошкам, работать с такими дорогими игрушками?

– Да нет... просто... ну...

Ему нравилось наблюдать, как она заикается от смущения. Каждый считает, что, если на тебе форма, твои умственные способности проверили на призывном пункте.

– Мы слегка растрясли его на камнях, доктор, но он, кажется, работает.

– Простите, – сказала она. – Я не это имела в виду. И, прошу вас, называйте меня Эрин. Когда я слышу «доктор», то чувствую себя педиатром.

– С удовольствием. – Кивнув, Стоун указал ей на палатку. – Ну вот, Эрин, смотрите.

Двое из его парней что-то делали в этом убогом пристанище. Один, присосавшись к солдатской фляге, стоял перед компьютером. Другой сидел перед монитором, вертя координатные ручки на пульте дистанционного управления передвижным устройством, выделенным их группе. Примерно час назад они опустили на канате небольшого робота в расселину, образовавшуюся после землетрясения.

Как только сержант ввел ее в палатку, оба парня, повернув голову, быстро кивнули ему, но намного дольше задержали свои взгляды на симпатичном белокуром докторе.

Джордан представил Эрин, подчеркнув ее ученое звание.

Молодой веснушчатый парень снова занялся рукоятками управления роботом.

Джордан, указав на него, сказал:

– Доктор Грейнджер, это наш виртуозный компьютерщик, капрал Сэндерсон, а вот тот джентльмен, уничтожающий наши запасы питьевой воды, – это младший сержант Купер.

Хорошо сложенный чернокожий парень натянул на руки латексные перчатки. Не меньше чем дюжина пар таких испачканных кровью перчаток уже лежали в стоящем возле него мусорном контейнере.

– Я бы с удовольствием сделал перерыв, чтобы поговорить, но мне надо заканчивать уборку, – сказал Купер и перевел взгляд на Джордана. – Куда ты засунул запасные батареи? Цифровая камера Маккея еле дышит, а нам надо фотографировать каждое тело, перед тем как укладывать его в мешок.

Эрин вздрогнула и снова побледнела. За время своего долгого пребывания в воюющей стране Джордан осознал, как легко и быстро привыкаешь к постоянному ужасу, в окружении которого находишься почти ежедневно. Сейчас он практически ничего не мог для нее сделать. Так же как и для тел, лежащих вокруг палатки.

– В голубой сумке, в правом кармане.

Купер, расстегнув молнию на кармане сумки, извлек из него ионно-литиевую аккумуляторную батарею.

– Вот черт! – выругался Сэндерсон, и все повернули голову в его сторону.

– В чем дело? – спросил Джордан.

– Да этот ровер¹⁵ снова остановился.

Купер, закатив глаза, вышел из палатки.

¹⁵ Ровер – исследовательский мобильный аппарат.

Капрал, нахмурившись, смотрел на экран монитора с таким видом, словно, играя в компьютерную игру, должен был сдаться.

Эрин, склонившись над его плечом, смотрела на четыре монитора, каждый из которых показывал материал, снятый камерами, установленными на ровере.

– Это изображения из той самой расселины?

– Ну да. Вот только ровер, кажется, завяз намертво...

Глядя на экран, легко можно было понять, из-за чего Сэндерсон впал в такое отчаяние. Ровер угодил в трещину, в которой его заклинило. Упавший на него крупный песок и мелкие камни затемняли изображения, передаваемые двумя камерами. Сэндерсон нажимал на рычаги, звенья гусениц перемещались, поднимая пыль и песок, но само устройство оставалось на месте.

– Кусок армейского дерьма! – выругался он, имея в виду ровер.

Проблема заключалась отнюдь не в оборудовании. Ровер был вполне современным устройством, оснащенным датчиками и радаром, способными зафиксировать то, как пукнет мышь, хозяйничающая на складе. Проблема была в том, что Сэндерсон еще не освоил искусства манипулирования парой рычагов. Джордан также не освоил этого.

Эрин посмотрела на него любопытным взглядом.

– Это, кажется, устройство ST-20? Я прокорпела за таким пультом не одну сотню часов. Можно мне попробовать?

Возможно, стоит дать ей такую возможность... Сэндерсон, похоже, не сможет ничего сделать с роботом. К тому же Роджер с уважением относился к тем, кто готов был действовать быстро и энергично, чтобы помочь справиться с затруднением.

– Конечно.

Сэндерсон с видимым разочарованием убрал руки с пульта и отъехал на своем стуле, освобождая проход.

– Будьте моей гостьей. Единственное, что я еще не пытался предпринять, – это спуститься в эту щель и дать пинка этому роботу.

Эрин встала на то место, где только что стоял стул Сэндерсона, и взялась за оба рычага с таким видом, будто знала, что следует делать. Она попеременно включала рычаги заднего и переднего хода, пытаясь двинуть ровер то вперед, то назад, – действовала так, словно пыталась припарковать автомобиль на малом пространстве впритык с другими автомобилями.

– Я уже пытался это делать, – сказал Сэндерсон. – Ничего из этого...

Внезапно ровер выбрался из щели. Джордан заметил, как на лице Эрин появилось едва заметное выражение человека, одержавшего победу, и проникся к ней еще большим уважением, в том числе и за то, что она пощадила самолюбие Сэндерсона. А он стоял, уперев руки в бока.

– Леди! Вы же опозорили меня в глазах моего непосредственного командира.

После этого он улыбнулся и подкатил стул, поставив его позади нее, словно трон. Устроившись на стуле, Эрин посмотрела на Джордана.

– А что вы ищете?

– Наша команда была откомандирована сюда с заданием найти источник газа.

– Позвольте мне сообщить вам кое-что, – сказала она с бесхитростной улыбкой. – Я здесь для того, чтобы по просьбе правительства Израиля проследить за тем, чтобы вы в процессе своей работы не повредили ни одного из тысячелетних артефактов.

На лице Джордана тоже появилась улыбка.

– Значит, мы занимаемся похожими делами.

Он не пошел в своих объяснениях дальше того, что сказал, но о ее присутствии здесь просили израильские спецслужбы, а не управление по охране памятников старины. Однако он еще в этом не убедился. А невыясненные секреты просто приводили его в бешенство.

Все глаза были прикованы к мониторам, когда Эрин направила ровер на груды камней.

- А кстати, чем вы занимаетесь в Израиле? – поинтересовался Сэндерсон.
- Веду раскопки в Кесарии, – ответила она. – Рутинная работа.

По тону, каким она сказала это, Джордан понял, что для нее эта работа вовсе не рутинная. Интересная.

Ровер заскользил по обнаженной поверхности каменной породы и, съехав с нее, оказался в странного вида прямом проходе.

– Обратите внимание на стены. – Она поворачивала камеры ровера. – Их поверхности не гладкие. А покрыты остроугольными сколами.

– Значит? – нетерпеливо спросил Роджер.

– Этот туннель пробит людьми. Руками и зубилом.

– Так это спуск вниз? К центру горы? – Он подошел ближе к ней. – И кто же, по-вашему, мог его пробить? Мятые иудеи, которые погибли в крепости?

– Возможно. – Эрин отклонилась подальше от него – из соображений сохранения личного пространства. – А может быть, византийские монахи, жившие на этой горе спустя несколько столетий... Без подробного исследования нельзя сказать что-либо определенное. Я полагаю, что этот малыш, возможно, является первым, кто после столь длительного периода времени прошел по этому переходу.

Ровер снова вскарабкался на груды камней; в свете галогеновой лампы, укрепленной поверх его лицевой поверхности, смоляно-черная трещина приобретала странный беловатый оттенок.

– Проклятие, – вырвалось у Эрин.

– В чем дело? – спросил Джордан.

Она полностью развернула ровер вправо, чтобы показать груды разбитых камней.

– И что это?

Для Джордана эта груды мало чем отличалась от других подобных груд камней.

– Посмотрите наверх. – Эрин обвела пальцем ту часть изображения на мониторе, которая привлекла ее внимание. – Здесь был туннель, но он обрушился.

– Так тут немало подобных мест, – вступил в разговор Сэндерсон. – Почему вы считаете эту груды важной находкой?

– Посмотрите по сторонам, – ответила Эрин. – На них видны следы довольно-таки современных буровых инструментов.

Джордан в волнении подался вперед.

– И что это значит?

– Это значит, что кто-то пробивал проход в этот туннель – возможно, в прошлом столетии или что-то около того. – Эрин вздохнула. – И, вероятно, украл что-то ценное.

– Так, может, это *они* и оставили газ.

Предположив это, Джордан почувствовал облегчение, однако не был уверен, из-за чего: возможно, потому, что этот газ был современным нервно-паралитическим, а не каким-либо отравляющим газом, применявшимся в древности. Но облегчение он все-таки почувствовал.

Эрин снова развернула ровер и пустила его вперед вниз по тропе. Вдруг он выехал на открытое место.

– Остановитесь здесь, – сказал Роджер. – Что это за место?

– Похоже на подземное хранилище.

Эрин повернула ровер, для того чтобы осмотреть это пустое помещение. Никаких разбитых емкостей в нем не было.

Джордан, повернувшись в сторону капрала, спросил:

– Что показывают приборы?

Сэндерсон согнулся над монитором. У него могли возникнуть проблемы с управлением ровером, но свои приборы этот парень знал хорошо.

– Большое количество продуктов вторичного распада. Никаких активных субстанций. Однако здесь присутствуют самые горячие точки во всей этой области. Я бы сказал, что это хранилище и есть источник газа.

Одна из камер повернулась под углом вверх, и на мониторе появилась картина сводчатого потолка.

– Похоже на церковь, – сказал Сэндерсон.

Эрин покачала головой.

– Больше похоже на подземный храм или гробницу. Да и стиль постройки древний.

Она провела рукой по экрану, как будто это помогало ей ощутить сам камень.

– А что это за ящик? – спросил Джордан.

– Я думаю, саркофаг, но не могу категорически утверждать это, пока не осмотрю его вблизи. Этот свет не дает ясной картины.

Эрин направила ровер вперед, но он остановился. Она нажала на оба рычага и нетерпеливо вздохнула.

– Опять застрял? – спросил Джордан.

Они находились сейчас совсем близко друг от друга.

– Конец связи, – объявила Эрин. – А если говорить точно, то это максимальная длина каната, на которую может удалиться ровер.

Она стала рассматривать изображение, посылаемое камерой, направленной на саркофаг.

– Это почти наверняка погребальное вместилище. И если это так, то здесь, должно быть, погребен кто-то из важных персон.

– Достаточно важный для того, чтобы в его склеп ставили мины-ловушки?

Если так, то вот оно, объяснение.

– Такое возможно, но у египтян, не у иудеев – первые были известными придумщиками и изготовителями коварных капканов. – Потерев подбородок, она закончила: – Но это бессмысленно.

– Здесь все сделано со смыслом, – возразил Сэндерсон и хмыкнул, словно подтверждая свои слова. – Хотя бы этот нервно-паралитический газ, пахнущий корицей.

Эрин быстро повернулась к нему на вертящемся стуле:

– Что?

Джордан сердито посмотрел на Сэндersona, а затем рассказал, что они обнаружили.

– Одна из аномалий этого газа. Мы обнаружили следы присутствия в нем корицы.

– Тогда это дает *некоторую* возможность предположить, что внутри находится гробница.

– Каким образом? – спросил Джордан, не видящий в этом факте никакого смысла.

– В древности корица была очень редкой приправой, – объяснила Эрин. – При погребении богатых людей ее сжигали в процессе погребальных обрядов, считая, что ее запах приятен Богу. Об этом есть много упоминаний в Библии. Моисею было приказано использовать ее, когда он готовил масло для миропомазания.

– Так, значит, корица – это загрязняющая примесь?

Джордан был рад полученной информации. О корице он знал только то, что ему нравились посыпанные ею гренки.

– Концентрация корицы в остаточном газе слишком высока, чтобы считать ее просто загрязняющим веществом, – более уверенным голосом произнес Сэндерсон.

– А что еще вы можете рассказать мне о том, как древние использовали ее? – поинтересовался Джордан.

– Если бы я знала, что такой вопрос возникнет, я бы непременно подготовилась, – ответила Эрин с искренней улыбкой, которая сразу уредила его настороженность. – Возможно, они использовали ее для улучшения пищеварения. При простудах. Для борьбы с кровососущими насекомыми.

– Ищи ее! – приказал Джордан.

Он в одно мгновение оказался за спиной Сэндерсона, в таком возбужденном состоянии, словно только что выпил чашку тройного эспрессо. Пальцы капрала летали по клавиатуре.

– Нашел.

– В чем дело? – спросила Эрин. – Что я такого сказала?

– Возможно, вы частично решили мою проблему, – ответил Джордан. – Большинство средств, отпугивающих кровососущих насекомых, отличаются от нервно-паралитического газа всего на две химических связи. Первый нервно-паралитический газ...

Сильный подземный толчок не дал ему закончить. Стул Эрин откатился назад и едва не опрокинулся. Джордан успел задержать его; парусиновая палатка закачалась, а опорные металлические конструкции протестующе затрещали.

Эрин напряглась, будто готовясь соскочить со своего стула, но Стоун, положив руки ей на плечи, удержал на месте.

– Вы будете в большей безопасности, если во время толчков останетесь здесь, – сказал он.

Джордан не добавил к сказанному, что на всем разрушенном плато не было ни одного безопасного укрытия. На то, чтобы окончательно расколоть напополам эту столовую гору¹⁶, потребуется не так много подземных толчков. Подземный толчок сошел на нет.

– Все в порядке, хватит глазеть попусту. – Он повернулся к Сэндерсону: – Ты уверен, что в этом помещении нет активного газа?

Капрал согнулся над клавиатурой и почти сразу выпрямился.

– Нет, сэр. Ни одной молекулы.

– Отлично. Тащи сюда Купера и Маккея и предупреди Перельмана. Мы готовимся и спускаемся впятером.

Эрин встала, будто и она тоже была готова идти с ними, но Роджер покачал головой.

– Простите, но вам придется побыть наверху, пока мы не убедимся в безопасности камеры.

Она сердито нахмурилась.

– Вы для этого сдернули меня с места раскопок и притащили сюда? Я не собираюсь...

– Я отвечаю за четырех солдат своей команды. А это весьма нелегкая ответственность, доктор Грейнджер. Возможно, как раз там, внизу, и находится источник этого смертоносного нервно-паралитического газа. Я не вправе подвергать риску жизнь штатского человека.

– Опять я для вас доктор Грейнджер, да? – То, как Эрин произнесла эти слова, внезапно тронуло его. Она напомнила ему мать. – Скажите, а какую постоянно действующую инструкцию в отношении меня вы получили, сержант Стоун?

– Как я уже говорил вам, убедиться в целостности этого места.

Он старался сдерживать себя и говорить мягко, но убедительно. К тому же сейчас у него не было времени на то, чтобы вступать в спор с разгневанной ученой женщиной, желающей сунуться в самое пекло.

– Интересно, как я могу убедиться в целостности этого места, сидя здесь?

– Вы же сказали, что единственная вещь там – это саркофаг...

– Я сказала, что это единственное, что я могу видеть отсюда. Ну а что находится внутри саркофага, сержант Стоун?

Ее тон стал градуса на два холоднее, чем минуту назад. Но Джордан решил не сдаваться.

– Это меня мало заботит, доктор. Я...

– А как раз это и должно вас заботить. Потому что он открыт.

Стоун в удивлении отступил на шаг назад.

– Что?

¹⁶ Столовая гора – гора с плоской вершиной.

Эрин ногтем пальца постучала по экрану, показывая место на изображении, передаваемом камерой ровера.

– Смотрите. Это крышка. Она стоит на ребре рядом с саркофагом. Вероятно, кто-то вскрыл саркофаг и снял с него крышку.

Как жаль, что она это увидела. Насколько теперь усложнится его жизнь...

– Мы и представить себе не можем, что может оказаться внутри, – понизив голос, произнесла Эрин. – Тело иудейского царя. Одна из первых копий Торы. Масада – это бесценное историческое место для еврейского народа. Если что-то будет повреждено...

Джордан открыл рот, намереваясь возразить ей, но вместо этого сделал глубокий вдох, за которым последовал медленный выдох. Израильтяне получают его голову, если его команда допустит хотя бы малейшую ошибку. Да пропади все пропадом.

– Там же могли находиться и неповрежденные емкости с газом. И если так, то кто даст гарантию, что они не могут быть в любой момент повреждены очередным подземным толчком? И нас ждет такой же конец, как и тех людей, что вы видели наверху...

Эрин побледнела, а затем, выпрямившись, произнесла:

– Я понимаю, сержант, какие могут быть последствия.

Но в этом-то Джордан как раз и сомневался.

– Вам когда-нибудь доводилось спускаться вниз на веревке?

– Конечно, – ответила она. – Я давно потеряла счет таким спускам.

Он пристально посмотрел на нее.

– Я полагаю, что вы можете считать больше, чем до одного?

Она улыбнулась.

– Со счетом у меня все в порядке. Я даже могу сосчитать до ста.

Джордан почувствовал некоторое облегчение. По крайней мере, с тем, чтобы опустить ее вниз, проблем не будет.

– С этого момента вы подчиняетесь всем моим командам. Когда я скамандую прыгать...

Эрин сделала серьезное лицо.

– Я спрошу, на какую высоту. Мне все это известно.

Теребя себя за мочку уха, Джордан сказал:

– Сэндерсон, подбери доктору Грейнджер подходящие ремни. Она пойдет с нами.

Глава 6

26 октября, 16 часов 42 минуты по местному времени

Тридцать миль от Масады

Батория снова задернула занавеску, которая скрыла от нее голый пустынный пейзаж вокруг ангара аэропорта, и вдруг задумалась, а не в последний ли раз она видела сейчас солнце.

На несколько мгновений женщина закрыла глаза и погрузилась в себя. Она глубоко вдохнула и попыталась заглушить боль, которую кровь беспрерывно разносила по всему ее телу, эту тупую боль, которая всегда при ней и которую невозможно забыть, – напоминание об обете, который она дала, когда была намного моложе. Эта боль была так же неразлучна с ней, как черная ладонь, вытатуированная на ее шее и похожая на сдавливающую горло руку; боль и ладонь появились одновременно, связывая данную на крови клятву и готовность пойти на любые жертвы ради Него.

Протянув пальцы к горлу, Батория ощупала этот источник боли и символ, напоминающий об обете. Он служил и еще одной цели: *защита*. Это был знак того, что она является одной из избранных Им; он как бы возвышал ее над всеми. Никто не смел к ней прикоснуться, и все подчинялись ей.

Батория с усилием отвела руку назад, напомнив себе о том, что никогда не должна проявлять даже малейшей слабости, в особенности перед другими людьми.

Она повернулась, всматриваясь в черный провал ангара, чуть освещенный цепочкой светильников, свешивающихся с укрепленной к стропилам арматуры. Ее команда уже была на борту вертолета и дожидалась ее.

Кто-то из членов экипажа с лязгом закрыл задний грузовой люк. Что-то громко стукнуло в эту закрытую дверь, затем человек отошел на шаг назад, так, чтобы изнутри машины могли видеть его дрожащую фигуру, после чего дверь закрыли на замок.

Она позволила себе чуть улыбнуться, успокаивая и подбадривая себя. Черная метка на ее горле не только защищала ее.

Тсс, издала она звук, обращенный в темноту. Подожди немного, и ты станешь свободной.

Послание это содержало не слова – оно отгоняло прочь желания тепла и комфорта.

Батория почувствовала, как ей ответило эхо: *удовлетворение, голод и глубокий колодец, наполненный любовью*.

Греясь в этом свете, она подтянула кевлар¹⁷ и кожаные брюки так, чтобы они облегли ее формы, после чего пристегнула кобуру с «ЗИГ-Зауэром»¹⁸ к одному из плечевых ремней безопасности и пошла через широкий ангар к вертолету, чтобы присоединиться к своей команде. Винты уже вращались, и машина была готова подняться в воздух, шум, казалось, заполнял все ближнее пространство.

Пригнув голову под вращающимися лопастями, Батория взобралась в кабину специально спроектированного вертолета «Еврокоптер Пантер»¹⁹, и герметичная дверь захлопнулась за ней. Внутри было темно и холодно, в замкнутом пространстве салона, казалось, можно говорить только шепотом. Эта машина средней грузоподъемности была способна взять на борт десять человек и шестьсот фунтов груза, помещенного в хвостовой отсек.

¹⁷ Кевлар – обиходное название бронежилета, из ткани, выпускаемой фирмой «Кевлар», делают пуленепробиваемые жилеты.

¹⁸ «ЗИГ-Зауэр» – пистолет, выпускающийся одноименной швейцарско-немецкой компанией, состоит на вооружении армии США и многих стран Европы и Азии.

¹⁹ «Еврокоптер Пантер» – военная версия вертолета «Eurocopter AS365 Dauphin», многоцелевой двухмоторный вертолет среднего веса. «Пантера» используется для широкого круга военных целей.

Но это был не обычный вертолет. Модифицированный на основе технологии «стелс», он был практически невидимым, а звукопоглощающая изоляция двигателя делала его почти неслышным. К тому же он был окрашен в израильские камуфляжные цвета, принятые в данном регионе. Исключения составляли окна кабины – они были закраснены черным, что делало их невидимыми снаружи.

Когда Батория пробиравась к своему изолированному от других сиденью, все глаза следили за ней. Все девять человек в вертолете были сезонными охотниками, профессионалами. Она видела голодный блеск в их глазах, видела дикость, прикрытую их пустыми, ничего не выражающими взглядами.

Не обращая на них внимания, женщина села рядом со своим помощником Тарек. В сумраке кабины он казался тенью и был таким же холодным, как тень. Она вспомнила жар, исходивший от Фариды, прикосновение его горячей руки к своей спине. Сейчас это казалось ей воспоминаниями о чем-то очень давнем.

Надев наушники, Батория связалась по радио с пилотом. В затемненной машине он будет ориентироваться в полете только по приборам, показания которых будут корректироваться программами, моделирующими маршрут полета.

– Какой наш статус? – спросила она.

Ответ пилота был скорым и лаконичным:

– Я уже получил по радио соответствующие израильские коды безопасности, необходимые для посадки на вершине. Они ожидают грузовой вертолет. Мы будем готовы приземлиться на вершине через двадцать две минуты.

Батория проделала простые вычисления в уме. *Спустя семь минут после захода солнца.* Отлично.

По еле слышному шуму, доносившемуся снаружи, она поняла, что двигатели заработали быстрее. Батория представила себе двери ангара, раскрытые у нее над головой, и солнце, светившее через них. Вертолет накренился вперед, к солнцу, и она представила себе, как он летит над горячими песками – темная пылинка над огненно-красным морем.

– Сколько? – прорычал Тарек.

Батория поняла, о чем он спрашивает: *с какими силами им предстоит встретиться в Масаде?* Но, кроме этого, в этом слове ей послышалась жажда боя. Оно как будто наполнило салон вертолета сильным эмоциональным возбуждением, оно было спичкой, брошенной в бензиновую лужу.

Она ответила ему и на то, о чем он спросил, и на то, что не было сказано:

– Семнадцать.

Лицо Тарека оставалось в тени, но Батория почувствовала его суровую усмешку, представила себе, как встают дыбом короткие черные волосы на его шее – инстинктивная реакция на присутствие невидимого хищника.

В соответствии с данными, полученными от осведомителей, плоскую вершину горы сейчас охраняло только небольшое подразделение солдат. Девять ее мужчин и преимущество, обеспечиваемое внезапностью, – по ее прикидкам, это позволяло захватить вершину примерно за пару минут.

А после этого должна быть найдена Книга.

Рука Батории снова потянулась к горлу, но она, сцепив пальцы рук, прижала их к коленям.

Подвести Его она не может.

Но во всем этом деле присутствует один неизвестный элемент: у нее из головы не выходило предупреждение, содержавшееся в Его письме:

Один из рыцарей направлен туда для того, чтобы разыскать ее.

Не останавливайся ни перед чем.

Батория рассказала об этом Тареку.

– Будь готов. Один из рыцарей Христовых может оказаться там.

Тарек, напрягшись, застыл, его тень казалась ей скульптурой, высеченной из черного льда. Его голос, который больше походил на шипение, произнес древнее имя, каким называли таких людей, но в его устах оно звучало как проклятие.

Сангвинист.

Глава 7

27 октября, 16 часов 44 минуты по местному времени

Масада, Израиль

Эрин, оставшись одна в палатке, украдкой осмотрелась вокруг и прислушалась. Джордан велел ей дожидаться его возвращения и оставаться внутри. Это дало ей возможность несколько минут побыть в одиночестве. Вынув мобильный телефон, она посмотрела пришедшие сообщения.

Сообщение от Нейта: «НЕ МОГУ СВЯЗАТЬСЯ С ПОСОЛЬСТВОМ. ОНИ ПЕРЕГРУЖЕНЫ ДЕЛАМИ ИЗ-ЗА ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ. ВЫ В ПОРЯДКЕ?»

Боясь, что неожиданно может нагрянуть Перельман, Эрин торопливо набрала ответ: «Я В ПОРЯДКЕ. ВСЕ ДЕЙСТВИЯ ЗАКОННЫ. ЧТО С ХАЙНРИХОМ?»

Дисплей долго оставался черным, и она подумала, что Нейт отошел далеко от телефона.

«НЕЙТ?»

«МОЖЕТЕ ПОЗВОНИТЬ МНЕ?»

Звонить ему Эрин не могла. Ее бы услышали. В этом она не сомневалась. Перельман сломает ее телефон, если снова увидит, что она им пользуется.

«НЕТ». Она быстро набирала ответ. «ОТВЕТЬ МНЕ. НЕМЕДЛЕННО».

Еще одна долгая пауза.

«ХАЙНРИХА УЖЕ НЕТ».

Она рухнула на стул Сэндерсона. Хайнрих умер. Он умер в больнице в тысячах миль от своего дома, умер из-за нее. Ведь это она оставила его одного в котловане, чтобы пойти за щетками, которые и нужны-то ей не были – ей просто не хотелось продолжать спор. Что она скажет его родителям? Из мусорного контейнера, наполненного использованными резиновыми перчатками, невыносимо пахло кровью. Эрин с трудом подавила позывы к рвоте.

– Док? – Джордан, просунув голову в палатку, повел глазами вокруг. – Мы готовы вас снарядить, если... – Он вошел внутрь палатки. – Эрин, вы в порядке?

Подняв голову, она посмотрела на него. Его голос доносился до нее как будто издалека.

– Эрин? Что-нибудь случилось?

Стоун быстро подошел к ней. Она в ответ покачала головой. Если она скажет ему о смерти Хайнриха, то сорвется прямо здесь, в этой палатке, окруженной телами мертвецов.

Джордан с тревогой смотрел на нее.

Не в силах выдержать его взгляд, Эрин взялась снова за телефон и набрала очередное сообщение Нейту. Она не думала, что Джордан будет против этого.

«ПОНЯЛА. ПОЗВОНЮ, КОГДА СМОГУ».

Отправив сообщение, женщина спрятала телефон в карман.

– Это касается моих раскопок, – сказала она, стараясь заставить его поверить ее лжи. – Много лет ушло на планирование и подготовку, и вот на тебе – столько бед из-за этого землетрясения...

– Мы скоро доставим вас обратно.

– Я знаю.

Он, наверное, подумал, что она явно не в себе, если так переживает из-за каких-то древних костей, выкопанных из земли. Однако Эрин слегка успокоилась, и даже душевная боль из-за смерти Хайнриха стала немножко слабее. Эти мысли, а может быть, присутствие Джордана, подействовали на нее положительно. Только вот где взять силы на то, чтобы пройти мимо мертвецов, лежащих вокруг палатки? Эрин сделала последний глубокий вдох.

– Я готова, – объявила она, вставая.

– Тогда пошли. Мы наденем на вас страховочные ремни безопасности.

Она дошла с Джорданом до края расселины, где он вручил ей запутанный клубок из ремней и защелок. Армейское оснащение, не имеющее ничего общего с тем, к чему она привыкла. Эрин тупо смотрела на выданную ей путаницу ремней.

Джордан пришел на помощь:

– Ставьте одну ногу сюда. Вторую – туда.

Стоя за ее спиной, он помогал ей совладать с ремнями. Его уверенные руки скользили по ее телу, разглаживали ремни, закрепляли их зажимами и защелками. Наконец, когда страховочные ремни были надеты, Эрин почувствовала, что температура ее тела поднялась не меньше чем на десять градусов. Она проворно защелкнула замки ремня, охватывающего грудь.

Поднялся вертолет. Эрин обвела взглядом плоскую площадку на вершине. Спасшийся подросток улетел вместе с основной командой и трупными мешками. Сейчас, похоже, на площадке, над которой с каждой минутой сгущались тени, работало не больше дюжины людей.

Джордан, обойдя ее, встал с ней лицом к лицу. Нагнувшись, он подтянул ремни на ее бедрах, строго соблюдая все формальности этикета и не скрывая в то же время своей заботы о ней. Подтягивая ремень, закрепленный на ее талии, Стоун притянул ее к себе. Эрин смотрела в его голубые глаза, которые становились более темными при свете закатного солнца.

– Скажите, может, вам надо сообщить мне что-то перед тем, как мы отправимся туда? – спросил он. – Если да, то как раз сейчас для этого самое время.

– Нет, нет. Ничего. – Эрин считала, что лучше уж лезть в эту дыру, чем оставаться здесь, наверху, среди мертвецов. – Просто неудачный день.

– Кстати, Сэндерсон согрел для вас стул, – Стоун смотрел ей в лицо изучающим взглядом. – Посредством ровера вы сможете управлять нашим продвижением под землей прямо отсюда.

Собрав все силы, которые еще у нее оставались, Эрин с трудом улыбнулась.

– Вижу, вам очень хочется позабавиться?

Он еще раз посмотрел на нее встревоженным взглядом, прежде чем направиться к своим людям.

На другом краю парни перебрасывали веревки через край расселины. По краю расселины были расстелены голубые одеяла, чтобы уменьшить трение веревок об острые края камней. Казалось, парни знают, что и как надо делать. Однако Эрин дважды проверила крепость веревки.

Сэндерсон шел позади нее. Он не должен был спускаться и сейчас помогал своим товарищам готовиться к спуску. Капрал протянул ей что-то напоминающее карандаш – круглый предмет такой же длины и толщины.

– Сержант велел дать вам шприц с атропином, – пояснил он. – Лучше всего суньте его за носок.

– И что с ним делать?

– Если вы попадете в зону действия этого таинственного газа, снимите колпачок и ткните себя в бедро.

От одной мысли о том, что такое может случиться, у нее похолодело в груди.

– А я думала, что внизу уже нет активного газа...

– Это просто предосторожность, но все равно будьте внимательны. Вещество достаточно сильное. Не используйте его, пока не будете *точно знать*, что вы попали в атмосферу, где присутствует этот газ. Под воздействием атропина ваше сердце станет биться так, что выскочит из груди. Он настолько силен, что если вы не находитесь под воздействием газа, то ваше сердечко может не выдержать и разорваться. Причем достаточно быстро.

– А нам надо надеть биозащитные костюмы?

– В них было бы слишком тяжело спускаться. Да и ремни могут перетереть ткань. Только не волнуйтесь, при первых же симптомах – тошнота, кровотечение – сразу воспользуйтесь

шприцом. Вы должны оставаться живой столько времени, сколько нам потребуется для того, чтобы вытащить вас наверх.

Эрин пристально смотрела в его веснушчатое лицо, стараясь понять, говорит он серьезно или шутит, стараясь ее напугать.

Сэндерсон сжал ее плечи.

– У вас все будет хорошо.

Но чувствовала себя Эрин совсем *не хорошо*. Дыхание у нее было чуть учащенным, когда она поднимала штанину и засовывала шприц поглубже в носок.

Лейтенант Перельман в сопровождении двух солдат – молодого израильтянина и более старшего по возрасту американца – подошел к провалу. Американец с густыми каштановыми волосами нес на плече ранец. Эрин прочитала его имя, вышитое над карманом форменной куртки: *Маккей*. На его большом ранце были три выпуклые буквы: «АТС».

Поймав ее взгляд, он объяснил:

– «Артиллерийско-техническая служба». Я занимаюсь взрывными работами.

Они, должно быть, планируют взорвать все уцелевшие емкости, которые обнаружат там. Это причинит ей дополнительные волнения; к тому же, испытав шок, вызванный смертью Хайнриха, она теперь очень легко поддавалась панике.

Маккей протянул руку. Эрин пожалала ее. Он был крупным мужчиной, весьма расположенным к полноте и примерно лет на десять старше своих сослуживцев. На ее взгляд, ему было сорок с небольшим. Маккей широко улыбался, пожимая ей руку.

– Вы самый симпатичный спутник-скалолаз, которого я встретил за многие годы службы, – игриво подмигивая, признался он, она попыталась улыбнуться в ответ.

Маккей подошел к краю расселины, словно это был поребрик тротуара. Расселина была достаточно широкой, и спуск в нее не должен был вызывать никаких затруднений, да и на горе не было острых камней с безобразными, вызывающими страх зазубринами. Но женщину не переставая колотила дрожь.

Маккей и Купер прикрепили свои ремни к паре веревок. Эрин, отойдя на свободное место, проделала то же самое, дважды дернув веревки и проверяя надежность крепления.

Еще один человек из команды Джордана – женщина по имени Тисон, встав на колени возле расселины, опустила в нее длинный шланг. Возле ее колен, обтянутых камуфляжными брюками, примостился газовый хроматограф.

– Ну, что он показывает, Тисон? – спросил подошедший Джордан.

– Показывает наличие азота, кислорода, аргона, – ответила она, не отрывая пристального взгляда от экрана. – Следы всего, что в принципе можно ожидать. Но отравляющего газа нет, сержант.

– Продолжай следить за атмосферой в расселине, капрал. – Джордан повернулся к ним: – Всем держать шприцы с атропином наготове.

– Чего мы ждем, сержант? – Купер повис над пропастью. Веревка, на которой он висел, казалась тонкой для такого мощного тела, но в его глазах играл адреналин. Прирожденный скалолаз.

Роджер поднял руку и потряс ею в воздухе.

– Рейнджеры, вперед!

Купер в ответ издал призывный клич, а Маккей устало вздохнул, после чего эта пара попятилась к отвесному склону скалы: они перемещались так легко, словно их ноги ступали по ровной земле.

Следующими пристегнулись к веревкам израильтяне, после чего скрылись за краем расселины.

Тисон возилась с приборами. На ней не было спасательных ремней, потому что она должна была работать наверху.

Оставалось спуститься лишь Джордану и Эрин. Стоун выступил вперед с каким-то большим оружием за спиной и прикрепил к своим ремням веревку, лежавшую рядом с ее веревкой. Пристегнувшись, наклонился и, ухватив ее веревку, потянул ее к себе.

– Крепление хорошее.

– Можете не сомневаться.

На лице Джордана промелькнула улыбка, он наклонился вперед и сделал большой шаг в провал. Посмотрел вверх, лицо его было серьезным, слова – четкими и твердыми:

– Ну, давайте. А я сразу за вами.

Эрин наклонилась, чувствуя, как ее руки разжались и сжались, позволяя веревке скользить между ее прикрытыми перчатками пальцами, когда она опускалась вниз. Следующее, что она почувствовала, – что она стоит рядом с Джорданом на гладкой поверхности скалы.

16 часов 54 минуты. За три минуты до заката солнца

Едва ботинки Джордана коснулись земной тверди, он первым делом привычным способом проверил все свое вооружение. Похлопал по висящей у бедра кобуре с «Кольтом 1911», затем проверил нож «Ка-Бар» в чехле, закрепленный на лодыжке. Но его основное оружие – «Хеклер и Кох МП7» – висело на ремне, перекинутом за правое плечо. Этот пистолет-пулемет мог делать 950 выстрелов в минуту, а его пули из закаленной стали могли в момент изрешетить кевлар, превратив его в кусок швейцарского сыра.

Быстро проверив оружие, крепления и оптику, Стоун убедился, что все в порядке и ничего не повредилось при спуске. Эрин пристально следила за ним.

– Вы думаете, здесь вам потребуется вся эта огневая мощь? – спросила она, снимая с рук перчатки, а потом, сложив их вдвое, сунула в боковые карманы.

– Это обычное дело для всей моей группы, – ответил Джордан, пожимая плечами.

Он собирался дать ей более подробные объяснения, но в его наушниках сквозь треск раздался голос Сэндерсона:

– Сержант, мы наблюдаем приближающийся израильский грузовой вертолет. Как я предполагаю, они намерены вывезти остальные тела.

Вертолет, вывозивший тела, улетел до этого, и это было как раз кстати. Джордан хотел, чтобы все до одного убрались как можно быстрее с этой чертовой горы. Поправив наушник, он сказал:

– Понятно.

Они с Эрин присоединились к остальной группе, собравшейся возле тонкой расселины на поверхности скалы. Кабель ровера спускался вниз и пропадал в темноте.

Джордан взглянул на Эрин. Что же, черт возьми, случилось с ней в палатке? Поначалу он думал, что она, возможно, боялась высоты и не сомневалась в надежности веревок, но археолог справилась со спуском запросто, что называется, не моргнув глазом. По всему было видно, что раньше ей доводилось делать это не менее сотни раз. Выходит, за те несколько минут, когда Эрин оставалась одна в палатке, она могла увидеть или услышать что-то, что напрочь выбило ее из колеи. Джордан не рассчитывал, что она расскажет ему всю правду. Сейчас ей, кажется, полегчало, но он надеялся на то, что в любом случае ее состояние не повлияет на ход выполнения операции.

Купер вытащил голову из расселины шириной в два фута, в которой скрылся ровер, и бросил в нее зажженную осветительную пашку, чтобы рассмотреть, что ожидает их впереди.

– Это вход в пробитый людьми туннель.

Уперев руки в бока, Маккей смотрел на узкий проход.

– С трудом, но ты должен пройти через него.

Маккей покачал головой.

– И это говорит тощий человек, который только и может, что в жиме лежа поднять свой собственный вес...

Джордан не был тощим и наверняка в жиме лежа мог поднять вес гораздо больший, чем его собственный. Но пройти в проход он мог, а вот Маккею, да еще с полным снаряжением, придется через него буквально продираться.

Купер улыбнулся своей широченной улыбкой.

– Я бы на твоём месте надел всю эту сбрую на исподнее, да еще нанес бы на него густую смазку.

– И устроил бы для тебя бесплатное представление? Не дождешься.

Лейтенант Перельман стоял, скрестив руки на груди и нахмурив брови. Стоявший возле него солдат-израильтянин переминался с ноги на ногу.

Джордан не видел причин для задержки. Солнце уже садилось, и ему хотелось закончить здесь дела побыстрее. Он включил и отрегулировал фонарь, висевший у него на плече.

– Пошли.

16 часов 57 минут. Закат солнца

Стоя на коленях и затаив дыхание, Эрин наблюдала, как мужчины входят в проход. Она ожидала, что здесь их встретит запах какого-либо химического вещества, хотя Тисон и Сэндerson уверяли, что с атмосферой под землей все обстоит отлично. Здесь стоял неприятный запах плесени, смешанный с застоявшейся духотой, свойственной подолгу необитаемым помещениям. Знакомый и странно успокаивающий запах древних усыпальниц.

Нашупав шприц в носке, Эрин встала позади Джордана перед узким проходом. С трудом протиснув плечи между грубыми поверхностями стен прохода, она развернулась, надеясь, что Маккей последует ее примеру и не сильно обдерет при этом кожу.

Воздух здесь был намного прохладнее, чем на вершине горы. Под ногами шуршал песок, в котором вязли ее кеды. Пламя осветительной шашки покрывало стены туннеля зловещим желтым светом. Когда Эрин дошла до догоревшей осветительной шашки, то с трудом подавила в себе желание поднять ее и положить в карман. Ведь они попросту засорили археологическую площадку. Она решила забрать ее на обратном пути. Одной рукой Грейнджер непрерывно касалась потолка прохода, следя за тем, чтобы не удариться головой, когда высота прохода начнет вдруг уменьшаться; она буквально сгорала от нетерпения поскорее добраться до усыпальницы и начать ее осмотр.

Впереди нее Маккей, пробираясь по проходу, старался облегчить себе путь потоком проклятий и жалоб на сдавливающую его тесноту. Купер, слушая его, беззаботно смеялся.

Эрин тоже не могла не улыбаться. Она часто работала с солдатами, поскольку нередко места раскопок находились в зонах вооруженных конфликтов. В прошлом Грейнджер воспринимала присутствие военных как неизбежное зло, однако сейчас чувствовала, что какие-то непонятные узы возникли между ней и этой группой, причиной чего, по ее мнению, были ужас и кровопролитие наверху и напряженное ожидание того, что ожидало их внизу.

Наконец они с Джорданом достигли конца узкого прохода. Войдя в пробитый людьми туннель, Стоун помог ей войти в него. Стоя в проходе, он протянул ей руку, показывая этим, что земля под ногами твердая.

– Подождем, пока не выйдут остальные.

Сейчас Джордан командовал здесь всеми. Эрин остановилась и ошупала стену туннеля, ощущая пальцами острые края, оставленные долотом, и представляя себе покрытых потом людей, орудовавших здесь долотами и кувалдами. Встав на колени, она ошупала тропу, поднимая в пригоршнях землю и просеивая ее сквозь пальцы.

Тысячи лет назад кто-то прокопал этот проход. Кто? И зачем?

В нескольких футах крупные куски скальной породы закрывали вход в пробитый туннель – эту картину передавали наверх камеры ровера. Туннель, должно быть, обрушился. Эрин провела рукой по следу на камне, оставленному сверлом. Явно двадцатый век. Но когда именно?

Она потянула рукой за что-то похожее на эластичные ремешки и увидела, что из кучи мелких камней выглядывает современный противогаз. Эрин приблизилась к нему, таща за руку Джордана. Если это была официально разрешенная экспедиция, она должна была бы знать о ней. А если неофициальная, то как эти люди могли тайно выполнить столь объемные работы в таком известном месте? Ведь это должны были быть очень серьезные работы. Сравнимые с войной...

Прежде чем они успели что-либо рассмотреть, прозвучал сигнал радио Джордана. Связь была достаточно громкой, и она услышала металлический голос Купера, сообщавший: «Здесь все в безопасности, сержант. Ожидайте скорой встречи с гостями. Несколько каких-то сраных охламонов спускаются вниз».

– Ко мне. – Джордан, махнув рукой, подал ей знак идти рядом с ним. – Ближе ко мне, доктор.

Эрин послушно приблизилась к нему, обдумывая, что необходимо сделать в первую очередь: с помощью металлодетектора поискать инструменты; соскрести с потолка копать и определить, какими факелами пользовались рабочие; снять гипсовые слепки со стен и выяснить, какими инструментами велись здесь проходческие работы. В этих делах Хайнрих был настоящим докой...

Эрин споткнулась, и Джордан тут же подхватил ее; его рука была теплой и уверенной, а глаза – тревожными.

– Доктор?

Она покачала головой и жестом руки попросила его не волноваться.

Пройдя примерно десять ярдов, они подошли ко входу в подземное помещение, которое совсем недавно Эрин видела на мониторе, куда его передали камеры ровера. Древний, но хорошо выполненный дверной проем. Он оказался слишком узким для того, чтобы два человека могли пройти через него одновременно. Эрин отступила назад, предоставив Джордану войти первым. По ее предположениям, высота дверного проема была чуть больше шести футов; она, подняв руку, слегка коснулась арки проема, а потом следом за Джорданом переступила порог.

Ее руки моментально покрылись гусиной кожей. Здесь было намного холоднее. Расплывчатый желтый свет трех осветительных шашек, разбросанных в произвольном порядке по помещению, вырвал из темноты гладкий, аккуратно сложенный из известковых плит пол; потолок, местами покрытый пятнами копоти; стены, сложенные из плотно подогнанных каменных блоков. Эрин отдала бы сейчас все на свете за возможность сфотографировать слой пыли, покрывающий пол; возможно, она нашла бы на нем отпечатки подошв разорителей и грабителей могил, вскрывших этот саркофаг. Но Джордан и его парни уже набились в помещение и затоптали своими башмаками отпечатки подошв, оставленные теми, кто был здесь до них.

Парни разбрелись по помещению, а потом собрались возле дальнего края саркофага, прислонившись к стене. Должно быть, там было что-то очень интересное. Как только Эрин получит полное представление о помещении, в которое они попали, она сразу же присоединится к ним.

– Только, пожалуйста, ничего не трогайте, – попросила Грейнджер, будучи абсолютно уверенной, что эту ее просьбу они проигнорируют.

Оглядев помещение, Эрин пошла по следам ровера, которые привели ее к каменному саркофагу. Как она и ожидала, тот был накрыт цельной каменной плитой, все стороны которой были отлично обработаны, углы точно выдержаны, а все поверхности были идеально плоскими. Эрин в очередной раз подивилась мастерству этих древних камнетесов. Их инструменты были явно примитивными, однако результаты работы поражали. Археолог смотрела на полированную, без всяких видимых повреждений верхнюю крышку, лежащую на полу рядом с усыпальницей, которую она столько времени покрывала. Странно было видеть ее целой, поскольку грабители могил, снимая крышки саркофагов, обычно их разбивают.

Эрин снова обвела взглядом помещение, на этот раз ища блоки или веревки, которые, возможно, использовались ими, но грабители, по всей вероятности, уходя, прихватили их с собой. И это также было необычным.

Она сделала шаг вперед – но чья-то рука удержала ее.

– Я ведь просил, чтобы вы были все время возле меня, – сказал ей Джордан.

Они вместе приблизились к саркофагу. Когда Эрин наконец-то подошла к нему настолько близко, что можно было сделать несколько снимков, то, обшарив все карманы, обнаружила, что единственным устройством для фотографирования оказался ее мобильный телефон. Она сделала множество снимков саркофага с разных сторон и сфотографировала кучи золы в углах, страшно жалея, что при ней нет ее «Никона» – он остался в Кесарии.

Она рискнула быстро заглянуть внутрь саркофага. Ничего. Только голый камень, покрытый темно-бордовыми пятнами. Но что могло оставить такие пятна коричневого цвета? Пятна высохшей крови? Большинство смол становятся со временем черными.

Эрин также сделала несколько снимков пустых глиняных кувшинов, стоявших вокруг саркофага. Должно быть, в них хранилась та жидкость, засохшие пятна которой она видела на нижней плите. Обычно в таких кувшинах хранили вино. Но зачем наполнять вином саркофаг?

Как только Грейнджер выпрямилась, Джордан отошел от дальней стены. Даже при этом тусклом свете она видела, что он чем-то встревожен.

– Доктор, а как вы объясните вот это?

Эрин посмотрела вверх голов мужчин, раздвинувшихся в стороны.

На стене висела ужасающего вида скульптура, подобная богохульному распятию. Грейнджер, обойдя саркофаг, стала подходить ближе к ней, и с каждым шагом ужас в ней нарастал.

Это не была скульптура.

На стене висел высушенный труп маленькой девочки лет примерно восьми, одетой в разорванную грязную одежду. Несколько черных стрел пригвоздили ее к стене на высоте не меньше одного ярда от пола. Острия пронзили ее грудь, шею, плечо и бедро.

– Такими штуками стреляют из арбалетов, – сказал Джордан. – Посмотрите, вроде бы они сделаны из серебра.

– Из серебра?

Эрин стояла перед ребенком, пораженная сначала одним нарушением хронологической точности, а потом и другим. Темно-бордовая одежда девочки выглядела древней и по стилю, и по степени разрушения. Украшения и структура ткани соответствовали периоду падения Масады. Возможно, ткань была соткана в Самарии, может быть, в Иудее, но в любом случае по меньшей мере две тысячи лет назад.

Запавшее лицо девочки обрамляли пряди длинных черных волос. Глаза были закрыты, как будто она спала спокойным сном, подбородок опустился на грудь, губы чуть раскрыты, словно смерть пришла к ней на середине вдоха. Нетронутыми остались даже ее тонкие реснички. Судя по состоянию мягких тканей, все еще остающихся на костях скелета девочки, она пребывает в таком состоянии всего несколько десятилетий.

Несколько десятилетий... Как такое может быть?

Какой-то предмет лежал на полу под ногами девочки. Эрин опустилась на одно колено возле него.

Кукла...

У нее защемило сердце. Маленькая высохшая игрушка, сшитая из лоскутков затвердевшей от времени кожи, с остатками матерчатой кукольной одежды, покрытой такими же темно-бордовыми пятнами, как и платье девочки. Вытянутые руки девочки, казалось, тянулись к этой игрушке, до которой она уже никогда не могла дотронуться.

Вид этой поневоле разлученной с хозяйкой куклы возбудил в душе Эрин еще более сильное чувство боли и тоски, заставив вспомнить такую же самодельную куклу. Она положила ее

в гроб своей малютки-сестры. Эрин с трудом сглотнула слюну, изо всех сил стараясь удержать слезы и не показаться глупой окружающим ее мужчинам. Она еще не могла прийти в себя после смерти Хайнриха, а сейчас ей снова надо прилагать все силы, чтобы взять себя в руки и не показаться солдатам размазней.

Все еще стоя на коленях, Эрин посмотрела вверх, на другую руку девочки, наполовину заслоненную телом, и увидела что-то блестящее между ее сжатых в кулачок пальцев.

Странно.

Она провела ладонью по стене, чувствуя твердые полосы раствора, закрывающие щели между каменными блоками кладки. Хотя останки девочки свидетельствовали о том, что ее убийство произошло весьма недавно, а не в древние времена, Эрин все-таки обращалась с телом со всей осторожностью. Ведь этот ребенок был чьей-то любимой дочерью.

Она потянулась к руке девочки. Та задрожала и вдруг дернулась. Мумифицированное тело ударилось о стену, словно ребенок был еще живым.

Эрин, едва успев подавить крик, отпрянула назад. Сильная рука опустилась к ней на плечо, удерживая ее на месте.

– Еще один подземный толчок, – сказал Джордан.

Мелкая пыль сыпалась с каменного свода. Позади Эрин камень из стенной кладки с глухим стуком упал на пол. Женщина, затаив дыхание, ждала, когда толчок сойдет на нет.

– Они становятся все сильнее, – сказал Джордан. – Для нас здесь нет больше ничего интересного. Надо уходить.

Эрин сбросила с плеча его руку. Теперь это было ее место, и здесь еще оставались вещи, которые ей необходимо было осмотреть. Подойдя ближе к стене, она снова потянулась к ручке девочки.

Джордан, заметив выражение настороженного внимания на ее лице, встал рядом с ней.

– Что это?

– Похоже, перед смертью ребенок схватился за что-то рукой.

В соответствии с Археологическим протоколом ни до одного предмета нельзя дотрагиваться, прежде чем этот предмет не будет сфотографирован, но ведь эта девочка не была убита в древние времена, поэтому на этот раз Эрин решила нарушить требования Протокола.

Подойдя ближе, Грейнджер дотронулась до пальчиков девочки. Она ожидала, что те окажутся хрупкими, но, как ни странно, они были необычайно мягкими. Не переставая удивляться состоянию тела, она не успела схватить предмет, который сжимали пальчики, и, когда они разжались, он упал на покрытый пылью пол.

Для того чтобы определить, что это за артефакт, не требовалось иметь ученую степень доктора археологии.

Джордан чуть слышно выругался.

Ошеломленная, Эрин смотрела на эту медаль, на крест, на свастику.

Немецкая медаль. Времен Второй мировой войны²⁰.

²⁰ Здесь и далее автор допускает ошибку. На изображении мы видим медаль Креста военных заслуг, она же медаль «За военные заслуги» (*Kriegsverdienstmedaille*), учрежденную 19 августа 1940 года для награждения гражданских лиц за достижения на трудовом фронте. Вероятность награждения ею боевого офицера, да еще и эсэсовца, практически равна нулю. Кроме того, совершенно непонятно, зачем этому офицеру было надевать на себя медаль при выполнении секретного боевого задания. Ну и, наконец, никакого отношения к «Аненербе» она иметь не может. Специфическая гравировка на ее реверсе – чистая фантазия автора.

Это была ясная идентификация разорителей и грабителей захоронения, проникших сюда с помощью современных горнопроходческих орудий. Но почему эту медаль сжимали мумифицированные пальчики девочки, внутри этого древнего иудейского захоронения?

Джордан сжал кулаки.

– Нацисты, должно быть, проникли сюда первыми. Совершили налет и опустошили это место.

Его слова практически ничего не объясняли. Гитлер, как известно, был одержим оккультизмом, но что он надеялся найти в Масаде?

Эрин пристально и внимательно рассматривала одежду девочки. С чего нацистам вздумалось пускаться во все тяжкие, для того чтобы облачить ребенка в одежды, похожие на те, что носили в начале первого тысячелетия, прежде чем пригвоздить ее к стене арбалетными болтами?

Она представила себе, как девочка срывает эту медаль с формы своего мучителя, прячет ее, хранит, как доказательство того, кто были ее убийцы. И снова волна сочувствия и жалости к этой девочке – и за ее недетское мужество, проявленное в последние минуты жизни, – нахлынула на Эрин. И вновь глаза наполнились слезами.

– Вы в порядке? – Лицо Джордана приблизилось к ее лицу настолько, что она видела едва заметный шрам на его подбородке.

Чтобы скрыть слезы, Эрин подняла к глазам телефон и сделала несколько снимков медали. Эта девочка не остановилась ни перед чем ради того, чтобы сохранить улику, позволяющую безошибочно идентифицировать ее убийцу. Эрин должна зафиксировать эту улику.

Когда она опустила телефон, Джордан наклонился, поднял медаль с покрытого пылью пола и повернул ее обратной стороной.

– Может быть, мы узнаем, чьих рук это дело. Офицеры СС часто нацарапывали свои имена на оборотных сторонах своих медалей. Кем бы ни был этот сукин сын, я хочу знать его имя. А если он еще и жив...

В этот момент Джордан нравился Эрин больше, чем когда-либо. Стоя плечом к плечу, они рассматривали этот небольшой металлический диск. На обратной стороне не было нацарапано никакого имени, а только какой-то странный символ.

Эрин сфотографировала медаль, лежавшую на ладони Джордана, а затем прочитала вслух надпись, расположенную по окружности:

– «Дойчес «Аненербе».

– Все ясно, – мрачно сказал Джордан.

Она с недоумением посмотрела на него. Современная история Германии никогда не была предметом ее изучения.

– Что именно?

Джордан вертел медаль в руке, глядя то на одну, то на другую сторону.

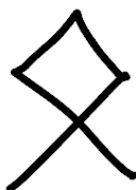
– Мой дед воевал во Вторую мировую войну. Он много рассказывал мне о ней. Это одна из причин, почему я вступил в армию. И я увлекся историей. «Аненербе» представляла собой тайную секту нацистских ученых, проявляющих интерес к оккультизму; они странствовали по всему миру в поисках сокровищ и доказательств существования древней арийской расы. Гитлеровская банда грабителей могил.

И они оказались здесь первыми. Эрин почувствовала нестерпимую горечь поражения. Она уже привыкла к разграбленным захоронениям, но такие грабители обычно действовали в древности. Мысль о том, что это место подверглось разграблению каких-то несколько десятков лет назад, казалась ей невыносимой.

Стоун коснулся пальцем центра медали.

– Это не их обычный символ. Обычный символ «Аненербе» – меч, обвитый лентой. А это что-то новое.

Эрин с любопытством дотронулась до символа в центре.

– Похоже на древнескандинавскую руну. Из Старшего Футарха²¹. А может быть, это руна Одал²².

Она нарисовала ее пальцем на пыльном полу.

– Эта руна обозначает букву О. – Эрин повернулась к Джордану: – Может быть, это инициал обладателя медали?

Но прежде, чем она успела рассказать об этой руне более подробно, раздался громкий лающий окрик Маккея:

– Стоять! Поднять руки!

Вздрагнув, Грейнджер обернулась.

Джордан, прижав к плечу приклад своего пистолета-пулемета, повернулся в сторону дверного проема. Снова дрогнула земля. Все заволочло каменной пылью, из которой возникла черная фигура.

²¹ *Старший Футарх* – старейшая форма рунического алфавита, использовавшегося германскими племенами в период со II по VIII столетие н. э. для нанесения надписей на артефактах, таких как драгоценности, амулеты, инструменты, оружие, а также для надписей на рунических камнях.

²² Руна Одал во времена нацизма в Германии символизировала родство, семью и объединяла людей по принципу крови. Эта руна была эмблемой многих дивизий СС, а также первой дивизии, укомплектованной добровольцами из числа фольксдойче.

Глава 8

26 октября, 17 часов 44 минуты по местному времени

Масада, Израиль

– Не открывать огня! – закричал Джордан, поднимая левую руку. – Это падре.

Опустив ствол своего пистолета-пулемета, он стал напряженно всматриваться в служителя церкви. То, что священник оказался здесь, казалось довольно странным, но Джордан заметил кое-что более тревожное.

На нем не было никакого альпинистского снаряжения.

Как только подземный толчок сошел на нет, Джордан приблизился к преподобному и остановился перед ним.

– Что вы здесь делаете, падре?

Тот внимательно посмотрел на него из-под капюшона своей сутаны, на что Джордан ответил таким же пристальным, оценивающим взглядом. Корца был на два дюйма выше Джордана, и под длинной распахнутой курткой его тело выглядело худощавым, мускулистым и гибким. Твердые черты его лица ясно говорили о славянском происхождении. Полные губы придавали лицу некоторую мягкость. Концы его длинных черных волос лежали на воротнике, хотя священнослужителю надлежало иметь более короткую стрижку. Но его глаза, внимательные и черные – *слишком* черные, – вот что заставляло сердце Джордана биться учащенно и тревожно, а его пальцы – непроизвольно сжимать оружие.

Он всего лишь священник, внушал себе Стоун.

Корца еще на мгновение задержал свой взгляд на Джордане, затем быстро отвел глаза и обвел ими помещение усыпальницы.

– Вы слышали меня, падре? Я ведь задал вам вопрос.

Слова, сказанные преподобным, были едва слышными, произнесенными на выдохе, ответа на поставленный вопрос в них не было:

– Церковь обладает преимущественным правом на все то, что находится внутри этой усыпальницы.

Корца сделал шаг, чтобы обойти Джордана. Тот схватил его за руку – но поймал лишь воздух. Падре каким-то образом увернулся и с достоинством подошел к раскрытому саркофагу.

Джордан последовал за ним, заметив, что взгляд преподобного остановился на девочке, пригвожденной к стене; при этом его лицо не выражало ничего. Корца заглянул внутрь пустого саркофага, заметно напрягся и застыл на месте.

Эрин, отойдя от стены, приблизилась к падре. Она держала в руках свой мобильник, надеясь услышать сигнал Сети и сбросить свои фотографии куда-нибудь, где они были бы в безопасности, – исследователь остается исследователем в любых обстоятельствах.

Как только она приблизилась к саркофагу, Джордан встал между ней и Корцей. Почему-то ему не хотелось, чтобы она находилась рядом с этим странным священником.

– Это уже запрещенная для посторонних зона, – предупредил он.

Перельман, держа руку на кобуре, поддержал его:

– Вам не следует находиться здесь, падре Корца. Израильское правительство установило строгие ограничения в отношении вашего посещения этого места.

Священнослужитель игнорировал слова и того, и другого – он пристально смотрел на Эрин.

– Вы нашли какую-нибудь книгу? Или каменный блок вот такого размера?

Он развел руки в стороны, показывая размер блока. Эрин покачала головой.

– Ничего подобного мы не нашли. Только эту девочку. Похоже, немцы опустошили эту усыпальницу во время войны.

Его единственной реакцией на ее слова было лишь то, что глаза его чуть сузились.

Да кто он, этот парень?

Джордан положил руку на приклад своего пистолета-пулемета и не спускал глаз со священнослужителя, ожидая его дальнейших действий. Падре, вероятно, считал, что молчаливость и быстрота движений являются основными аспектами поведения, вызывающими уважение людей, однако пока в его действиях не было заметно ничего угрожающего.

Периферийным зрением Джордан заметил, что рука Маккея потянулась к ножу.

– Спокойно, капрал, – приказал он. – Отставить.

Падре, не обративший внимания на движения Маккея, вдруг настороженно замер, не завершив поворота и направив ухо в сторону, откуда послышался какой-то звук. Он смотрел в глаза Джордана, но сказанные им слова относились ко всем:

– Вы все должны уйти отсюда. *Немедленно.*

В последнем слове слышалось явное предостережение.

О чем он вообще говорит?

Ответ на этот вопрос прозвучал из наушника Джордана – внезапно раздавшийся крик, крик крови и боли, столь неожиданный, отчаянный и резкий, что он, казалось, минуя уши, вонзился прямо в мозг.

Сэндерсон.

Сверху.

Крик резко оборвался, и наступило абсолютное молчание.

– Сэндерсон! Ответь! – кричал Джордан, теребя укрепленный на шее микрофон.

Ответа не было.

– Капрал, ответь!

Священник быстро пошел к дверному проему. Купер и молодой израильский солдат преградили ему путь отхода. Все, кто был в усыпальнице, подняли оружие.

Дойдя до порога, падре поднял лицо кверху, к потолочному своду; все его тело напряглось, он стал похож на большого кота, готового к драке. Слова, которые он затем произнес, напрочь смыли остатки еще теплившегося в них хладнокровия.

– Прижмитесь плотнее к стенам. – Он обернулся и посмотрел в глаза Джордану. – Делайте то, что я говорю, иначе вы все умрете.

Джордан взял оружие на изготовку.

– Вы что, падре, угрожаете нам?

– Не я. Те, кто *идет сюда.*

17 часов 07 минут

Эрин всеми силами стремилась понять, что происходит. Она и преподобный смотрели в глаза друг другу. На мгновение выражение страха появилось на его бледном лице, и этого было достаточно, чтобы ее сердце чуть не выпрыгнуло через горло. Эрин поняла, что его волнует их безопасность, а не его собственная. Его глаза наполняла жуткая тоска, когда он отвернулся в сторону, – словно уже оплакивал их.

Во рту у Эрин пересохло; она попыталась сглотнуть, но не смогла.

Однако Джордан явно не собирался сдаваться без боя:

– Что происходит? Я оставил своих людей наверху. Так же как и лейтенант Перельман.

Ответом был тот же скорбный взгляд священника, а потом он сказал:

– Сейчас они уже мертвы. Вы тоже будете мертвы, если не...

Вдруг Купер, стоявший возле дверного проема, издал громкий протяжный вздох. Все сразу повернулись в его сторону. Он открыл рот, но вместо слов из него хлынула кровь. Боец

рухнул на колени и тут же ткнулся лицом в пол. Из его шеи, под самым основанием черепа, торчала черная рукоять кинжала.

Эрин закричала. Солдаты, все как один, подняли оружие. Она отступила назад, за их спины – за линию огня.

Позади тела Купера появилось что-то черное, объемное, и из тени выступила фигура человека. Джордан дал по ней очередь, грохот выстрелов заполнил все замкнутое пространство усыпальницы. Тень снова превратилась в темноту – но перед этим она схватила молодого израильского солдата, все еще стоявшего перед дверным проемом. Эрин уловила взглядом, как сверкнула сталь, после чего солдат, сбитый с ног, исчез в черном туннеле.

Джордан не стрелял, опасаясь, что его пули могут попасть в солдата.

Раздался вопль, полный ужаса, – и наступила тишина.

Лейтенант Перельман, пошатываясь, сделал шаг вперед, держа оружие наготове.

– Марголис!

Рука священника в черной перчатке отодвинула израильтянина назад. Твердо и решительно.

– Оставайтесь здесь, – предупредил Корца.

Однако его собственные действия были прямо противоположными его словам. Он потрянул запястьем, и между его пальцами, словно материализовавшись из воздуха, появилось лезвие. Было видно только острие; в его рукаве скрывался посеребренный серповидный кинжал, похожий формой на коготь какого-то доисторического хищника.

Почти сразу же из темноты донесся дикий продолжительный вопль.

От страха Эрин почти парализовало и словно пригвоздило к месту, на котором она стояла.

Даже закаленные и немало повидавшие солдаты почувствовали то же самое. Джордан оттащил Эрин подальше от дверного проема. Маккей и Перельман, направив оружие на вход, прикрывали их с боков. Отступив и перегруппировавшись, они укрылись за саркофагом.

Из туннеля донесся одинокий пронзительный крик.

Джордан поднял Эрин без всяких усилий, словно ее кости сделались пустотелыми, а плоть перестала быть материальной. Она и сама чувствовала нечто похожее; ей казалось, будто она плывет куда-то.

Он опустил ее в открытый саркофаг.

– Оставайтесь здесь. Не высовывайтесь.

Сталь в его голосе и железная твердость во взгляде вернули Эрин в прежнее состояние – но оставаться в этом укрытии ей не хотелось. Джордан придавил ее рукой ко дну.

– Вы поняли, что я вам сказал?

– Да.

Эрин хотела прижаться к земле, накрыть голову руками, уйти от царящего в усыпальнице ужаса, но стоило ей принять эту позу, как темнота напугала ее еще сильнее. Она вцепилась пальцами во внутреннюю кромку саркофага. Как и все, кто был рядом, она неотрывно смотрела в смоляно-черный зев туннеля.

Слева от нее раздался резкий удар, и яркая световая вспышка ударила ей по глазам. Маккей держал в руке горящую световую шашку.

– Бросай! – закричал Джордан, указывая на черный вход.

Маккей размахнулся и бросил горящую шашку в сторону дверного проема. Упав, она несколько раз перевернулась с одной стороны на другую и сразу же дала яркий свет; из рассеявшейся тьмы возникли темные тени и движущиеся черные фигуры, которых Эрин насчитала четыре.

Среди них была и одинокая фигура в центре в разорванной сутане, освещенная светом шашки, горящей в дверном проеме. Одной рукой он прикрывал глаза от слепящего огня, дру-

гой сжимал кривой кинжал, с лезвия которого капала кровь – в падающих каплях отражался свет пламени.

– Падре, – закричал Джордан, поднимая пистолет-пулемет, – отойдите!

Предостережение оказалось запоздалым.

Фигуры, скрывавшиеся в тени, словно бешеные псы, бросились на падре. Они сбили его с ног. Он свалился на горящую шашку, загасив пламя своим телом. Эрин вздрогнула. В помещении снова воцарилась тьма, но за мгновение до этого фигура, налетевшая на преподобного, подскочила вверх и метнулась в усыпальницу. Отлетев от священника на значительное расстояние, она рухнула на камни пола и сразу с невообразимой быстротой бросилась вперед. Волк? Нет. Человек в помятой коричневой коже с широко разведенными в стороны мускулистыми руками; в одной из них был зажат крюк, на который мясники подвешивают туши.

Джордан опустил на одно колено и открыл огонь, прошив очередью грудь нападавшего. Часть пуль угодила в сводчатый потолок. Попавшие в цель пули свалили нападавшего на каменный пол; он застыл, словно тоже стал каменным.

Клубок теней через дверь вкатился в усыпальницу. Падре схватился с двумя фигурами в черном. Третья фигура проскочила мимо дерущихся.

Этот третий нападавший вдруг замедлил бег, а потом быстро ринулся на лейтенанта Перельмана. Сцепившись, они врезались в стену под распятой девочкой и пропали из поля зрения. Раздался резкий звук выстрела израильского автомата; пули из повернутого вверх ствола, попав в потолок, высекли сноп искр. Эрин распласталась в каменном коробе.

И вдруг одна из теней, словно материализовавшись, возникла над ней. Она заметила, как мелькнули оскаленные зубы – *зубов было слишком много*, – и пожалела, что в руках у нее нет ни пистолета, ни ножа. Скрестив руки, она закрыла ими лицо и затаила дыхание, ожидая, когда зубы вопьются в ее тело.

Однако очередь пуль прошла торс стоявшего над ней мужчины, и тот рухнул в саркофаг, придавив Эрин своим телом. Она изо всех сил старалась высвободиться из-под рухнувшего на нее тела, ее джинсы стали мокрыми от крови. Стиснув зубы, она шарила руками по лежащему на ней телу в поисках оружия. Но нашла не пистолет – в руках у нее оказался египетский *хоней*²³ с длинным кривым лезвием. Подобные сабли она видела на картинах и в виде иероглифов, но знала, что это оружие не использовалось в сражениях уже как минимум семь столетий.

– Вы в порядке? – перегнувшись через край саркофага, спросил Маккей.

Эрин не успела ему ответить – он пропал с ее глаз: над бортом саркофага была пустота. Она поднялась на колени, сжимая саблю.

А Маккей, перелетев через усыпальницу, уткнулся в стену головой, которая при этом треснула. Он упал на пол, начертив на стене толстую кровавую полосу. Черная фигура прыгнула на Маккея и вцепилась ему в горло.

17 часов 08 минут

Напавший на Джордана буквально пригвоздил его к полу – он был сильнее, чем кто-либо из тех, с кем сержанту раньше доводилось иметь дело. К тому же парень оказался на редкость проворным в борьбе, а Джордан выронил из рук свой пистолет-пулемет. Стоун извернулся и протянул руку к лодыжке, где в чехле притаился нож «Ка-Бар». Ему удалось вытащить его, поскольку костистые руки его противника были заняты: одной он вцепился Джордану в горло, другой прижимал его руку к каменному полу. Ногти нападавшего буквально вырывали из его тела куски плоти.

Рывком отведя свободную руку назад, Стоун всадил глубоко в горло противника лезвие ножа. Оно вошло по самую рукоятку, после чего Джордан двинул лезвие вбок.

²³ *Хоней* – разновидность холодного оружия, применявшаяся в Древнем Египте. Имеет внешнее сходство с ятаганом.

Кровь потоком залила ему руку.

Мужчина сразу обмяк. Джордан сбросил с себя безжизненное тело и сел на корточки. Он не отрывая глаз смотрел на Эрин, стоявшую в саркофаге с короткой кривой саблей в руке. Джордан понял, что она собирается выбраться из саркофага, чтобы помочь Маккею, лежащему в другом конце усыпальницы. Но помочь тому не мог уже никто. Так же как и Перельману, лежащему рядом с ним на полу с вырванным горлом.

Джордан, ударив изо всей силы ногой напавшего на Маккея, столкнул его с тела своего сослуживца. Заметив позади Эрин какое-то движение, он мгновенно повернулся в ее сторону.

Позади нее маячила какая-то тень.

Он бросился к Эрин, но чья-то рука удержала его, отодвинув в сторону. Это выглядело так, будто автомобиль, мчавшийся на недозволённой скорости, вдруг резко затормозил. Джордан, потеряв равновесие, ткнулся в стену.

С изумлением он увидел священника, буквально пролетевшего мимо него, сбившего Эрин вниз на дно саркофага и налетевшего на человека, приблизившегося к ней с вполне ясными намерениями. Он ударил его плечом и отбросил назад с такой силой, что тот врезался в мумифицированную девочку на стене. Высохшие кости с треском рассыпались, не выдержав такого удара, а самого Корца отбросило на шаг от стены.

Его противник, извиваясь в корчах, повис над землей, пригвожденный к стене. Тупые концы арбалетных стрел, вошедшие в его тело, удерживали его на весу. Наконечник одной стрелы торчал у него из горла. Он вцепился в него пальцами. Кровь пузырилась в ране, словно в кипящем котле.

Корца подошел к нему и одним мощным ударом перерубил ему шею.

Джордан, с трудом поднявшись с земли, встал на колени и осмотрелся вокруг. Преподобный стоял у стены, его спина под разорванной сутаной сгорбилась. Черная кровь, стекающая с кинжала на пальцы, капала на землю. Джордан не мог понять, сколько крови вытекает из ран, полученных самим священником.

Он поднял с земли свое оружие и, спотыкаясь, направился к Эрин. Не было никакого смысла подходить к кому-либо из его команды. Он узнавал смерть с первого взгляда и сейчас мог с уверенностью сказать, что в усыпальнице оставались живыми лишь три человека: Корца, Эрин и он сам.

Джордан держал падре под пристальным наблюдением, не будучи уверенным в том, что он на их стороне.

Распахнув свою длинную сутану, Корца опустился на колени и склонил голову, словно в молитве, – но сейчас эта поза была вызвана не молитвой. Он что-то искал на полу. Когда падре встал, то подобранный им предмет мгновенно исчез в складках его черной сутаны.

Кукла девочки исчезла.

Вместо того чтобы поинтересоваться, в каком состоянии Эрин, он поднял куклу? Джордан решил отказаться от дальнейших попыток определить, что за человек этот священник.

– Эрин? – произнес он, подойдя к ней.

Она, не выпуская из рук сабли, метнулась к нему.

– Да это же я, – успокоил ее Стоун, отводя в сторону оружие и поднимая обе руки с растопыренными ладонями.

Ее расширенные глаза сузились, взгляд сосредоточился на нем. Через секунду она опустила саблю. Джордан осторожно взял клинок у нее из рук и бросил его на пол. Эрин резко отступила в угол; лицо ее было белым, глаза, казалось, ничего не видели. Стоун поднял ее на руки и сел, опершись спиной о холодный камень и усадив ее на свои колени. Провел руками по ее телу, ища раны. Эрин казалась невредимой.

Священник подошел к ним. Рука Джордана инстинктивно потянулась к кобуре пистолета, вторая рука обвила Эрин. Какие у него намерения?

– Их больше нет, – прошептал Корца так, словно это были слова молитвы. – Но мы пока еще не в безопасности.

Джордан внимательно смотрел на этого человека в разорванной сутане.

– Они запрут нас здесь, – произнес преподобный с такой уверенностью в голосе, что Джордан поверил ему.

– Откуда вы знаете?..

– Потому что это как раз то, что должен был бы сделать я. – Он быстро пошел к дверному проему.

Джордан понял, зачем он туда идет. Ровер стоял на полу, одна камера направлена на них, и над ней светится зеленый индикатор. Падре каблуком ударил по объективу. Металл и стекло посыпались на землю и раскатились по камням.

Джордан все понял, вспомнив предсмертный крик Сэндерсона:

– *Они наблюдают за нами.*

Глава 9

26 октября, 17 часов 11 минут по местному времени

Масада, Израиль

Когда на плоской вершине горы затихли последние крики, Батория, припав в почерневшему экрану монитора, застыла в шоке, словно оказавшись в капкане между прошлым и настоящим.

Она следила за битвой, произошедшей в усыпальнице, и знала, что все, кого она послала вниз, убиты. Сумбурное сражение происходило в потемках, многое происходило вне зоны обзора камеры. Но Батория все-таки успела рассмотреть кое-что еще до того, как на поле битвы воцарился хаос.

Она видела солдата в шлеме, стоящего лицом к лицу с человеком в черном облачении; его спина была обращена в сторону камеры. Но она заметила на нем белый римский воротничок-колоратку, когда он единственный раз обвел взглядом усыпальницу.

Ее бурлящая в жилах кровь похолодела от этого мимолетного взгляда врага. Он и был тем самым рыцарем Христовым, о котором упоминалось в текстовом послании.

Сангвинист.

Эти двое мужчин стояли друг против друга, как бараны во время гона. Возможно, этот воин и решил бы ее проблему, но рыцарь, обойдя воина, остановился и стал внимательно смотреть на дальнюю от него стену – что он там увидел?

Как жаль, что камера не может показать дальнюю часть усыпальницы.

Среди этих теней вдруг возникла женщина в обычной одежде; еще один сюрприз. Она вошла, помахивая мобильным телефоном; по ней было ясно видно, что она проверяет, есть ли там сигнал.

Рыцарь повернулся к женщине и развел руки, чтобы показать ей размеры Книги.

Батория, вздохнув, оживилась.

Женщина покачала головой.

Рыцарь медленным шагом обошел комнату. Усыпальница казалась пустой; ничего, кроме саркофага, в ней не было. Никаких мест, куда можно спрятать книгу. Когда рыцарь пожал плечами, она с облегчением выдохнула.

Так, значит, книгу они *не* нашли.

Либо там ее никогда не было, либо ее похитили.

Затем до рыцаря дошло, что на присутствие в усыпальнице команды Батории необходимо быстро отреагировать. Он должен был потерпеть поражение, но она недооценила его способностей, а также поддержки, оказанной солдатами. Он в считанные секунды расправился с половиной ее команды.

По тому, как он себя вел, Батория поняла, что этот рыцарь, находившийся под землей, не просто человек, переодетый в другую одежду, что он много старше и что из него так же течет кровь, как и из ее людей.

А потом, когда этот рыцарь бросился крушить камеру ровера, она подробно рассмотрела его лицо: его подбородок с вертикальной складкой, его широкоскулое славянское лицо, его напряженные темные глаза. Она узнала его, и от этого у нее буквально отнялись конечности и земля ушла из-под ног.

Но ведь жизнь проходит не в безвоздушном пространстве.

В окружавшей ее пустоте Батория чувствовала, как ее снова наполняет безудержная ненависть, делая из нее орудие злости и мщения.

Наконец она встала с места, сжала руки в кулаки и стукнула по темному монитору своим древним кольцом с рубином. Как и многое из всего, чем она владела, это драгоценное кольцо было в течение долгого времени связано с ее семьей.

А также и с тем самым рыцарем.

Рун Корца.

Это имя внушало ей такой же страх, как черная ладонь на ее шее, – и причиняло ей такую же боль. Всю свою жизнь она постоянно слышала о том, как неудача, принесенная Корцей, ввергла ее когда-то славное семейство в бедность и бесчестье, тяготевшие над несколькими его поколениями. Батория коснулась пальцем края татуировки, этого источника постоянной агонии – и напоминания еще об одном долге крови, за который она должна рассчитаться с этим рыцарем.

Она снова вспомнила ту давнюю церемонию с преклонением коленей перед Ним, кому она посвятила всю себя. Его руку на своем горле, выжигающую этот знак, смысл которого был в том, что Его ладонь и пальцы навсегда связывали ее с Ним в форме рабской зависимости.

И все из-за этого рыцаря.

Батория видела его в тысячах снов и всегда надеялась, что когда-нибудь отыщет его живым, для того чтобы заставить расплатиться за все его деяния, которые обрекли несколько поколений женщин в ее семье на то, чтобы провести годы в мучениях – сделать их пленницами крови, свести их судьбу к тому, чтобы воспитывать, служить и ждать.

То, что она узнала, принесло с собой и другую правду, болезненное осознание.

Батория снова почувствовала Его руку на своем горле, ее удушающее сжатие, выжигающее из нее все связанное с ее прежней жизнью.

Ее хозяин, должно быть, знал, что Рун Корца и был тем рыцарем, посланным в Масаду, чтобы отыскать и вернуть Книгу. Но эту тайну он не открыл ей. Он послал ее на встречу с Корцей, не предупредив ее.

Почему? Ужели ради того, чтобы доставить себе это жестокое удовольствие, или в этом был какой-то более серьезный и значимый повод?

Знай Батория наперед, что Корца окажется в усыпальнице, она не послала бы вниз никого из своих людей. Она дождалась бы, пока он поднимется вверх с Книгой – или с пустыми руками, не найдя там ничего, – и пристрелила бы его в расселине, как муху на стене.

Эта бойня внизу показала Батории, что Корца слишком опасен, чтобы встречаться с ним в открытом бою, даже если бы она послала туда все оставшиеся у нее силы.

Но существовал и другой путь, более подходящий.

Злоба, кипевшая в ней, постепенно выкристаллизовалась в другой, новый замысел.

До того, как сгустилась тьма, Батория заметила одного из своих людей возле дверного проема усыпальницы; через одно плечо у него был переброшен ранец. Такая же шайка оставалась ждать наверху возле выхода из расселины.

Она обратилась к двум охотникам, все еще стоявшим на карауле.

Тарек, подобно многим другим, брил голову и разрисовывал свою кожу черными татуировками в форме библейских пассажей, написанных на латыни. Кожа, сшитая нитками из чело-веческих жил, прикрывала его мускулистое шестифутовое тело. Стальные кольца-пирсинги протыкали губы и ноздри. Его черные глаза сузились в щелки от бешенства, когда он узнал о потерях, вызванных встречами с теми, кто оказался в усыпальнице. Он жаждал мести. Причем собственноручной.

– Этот рыцарь слишком опасен, – предупредила Батория. – Особенно когда он приперт в угол. Мы понесли уже слишком большие потери, чтобы рисковать и посылать еще людей.

Тареку нечего было возразить. Они же оба наблюдали на экране монитора за происходившим внизу побоищем. Однако и у него тоже было свое мнение. Не такое оптимистическое, но приводящее к такому же результату.

– Надо нанести удар по расселине. – Батория подошла к своим людям, находившимся рядом. – Убейте их всех до единого.

Она намеревалась похоронить рыцаря и его спутников, а вместе с ними перезахоронить и тайну под многотонным слоем горного камня. Ну а если Корца уцелеет при обвале, тогда его судьбой будет медленная смерть под этими камнями.

На мгновение ей показалось, что Тарек не собирается исполнять ее приказ. Сейчас им руководило кипевшее в его крови бешенство. Внезапно его взгляд застыл на ее шее. На татуировке. Он отлично знал ее смысл и значение.

Не подчиниться ей означало не подчиниться *Ему*.

Тарек склонил голову – глядя на него, казалось, что он сгибает железный стержень, – а потом вдруг исчез в ночи.

Батория закрыла глаза, стараясь уйти в себя. Внезапно негромкий стон вывел ее из этого состояния, напомнив ей, что у нее еще много несделанных дел.

Стоявший на коленях в пыли капрал с веснушчатым лицом по имени Сэндерсон был единственным выжившим после резни на вершине горы. Он был голым до пояса; его откинутую назад голову удерживали в таком положении гвозди, глубоко вонзившиеся ему в череп, – это было дело рук уцелевшего бойца ее команды Рафика, брата Тарека. Он был тощим, казалось, состоявшим из костей и злобы, но в трудных ситуациях он часто оказывался незаменимым.

Батория подошла ближе, глаза солдата следили за ней.

– У меня есть кое-какие вопросы, – ласковым голосом произнесла она.

Капрал молча смотрел на нее неподвижными от ужаса глазами и дрожал, обливаясь потом; он выглядел совсем мальчишкой. Он был очень похож на ее брата, который очень любил розы и прохладное вино, но, после того как у нее на шее появилось это клеймо, ей запретили иметь какие-либо контакты с ним. Она должна была покончить со всеми земными привязанности и связать себя только с Ним.

Еще одна утрата, ответственность за которую она тоже возлагала на плечи Корцы.

Батория провела тыльной стороной ладони по гладкой щеке капрала. Он был еще молод для того, чтобы отращивать бороду. Однако, несмотря на ужас, который был в его глазах, она заметила в них и слабые искорки открытого неповиновения.

Батория вздохнула.

Похоже, он еще надеется оказать сопротивление.

Она, отклонившись назад, подняла руку, как бы отгоняя прочь возникшее в ней желание. *Фас*.

Эта пара – Батория назвала их Хунор и Магор в честь двух героев венгерской мифологии – была почти всегда рядом с нею, навсегда предана ей. Не видя их, она почувствовала, что они зашевелились в темноте, позади нее, где их кормили. Батория протянула ладонь – и сразу же почувствовала на ней горячий язык, мохнатую морду и услышала низкое урчание, подобное раскату грома, донесшегося из-за горизонта.

Батория опустила ладонь, всю мокрую от крови.

– Они еще голодные, – пояснила она, зная, что это правда, и чувствуя, как эхо охватившего их желания отдается внутри нее.

Глаза солдата расширились; он весь напрягся, не в силах представить себе то невообразимое, что ожидало его. Ужас, охвативший его при виде того, что стояло позади нее, погасил в его глазах все даже самые слабые искорки неповиновения.

Батория склонилась к нему совсем близко. Чувствуя его горячее дыхание, почти ощущая испытываемые им муки, приблизив губы к его уху, она зашептала:

– Скажи мне – пусть сначала будет простой вопрос, – кто эта женщина там внизу?

Но прежде, чем капрал смог ответить, ночь за ее спиной взорвалась. Свет, звук и жар изверглись из вершины Масады, сотрясая землю, превращая ночь в день. Языки пламени взметнулись из трещины, превратив все вокруг в жуткую смесь дыма и выброшенной из недр земли и закрыв все то, что Бог открыл для обозрения всего лишь несколько часов назад. А Батория намеревалась опустить вниз всю гору, дабы скрыть свои следы.

Этот взрыв вновь принес ей умиротворение и покой.

Батория посмотрела на капрала.

Она все еще ждала ответа.

Глава 10

26 октября, 17 часов 14 минут по местному времени

Масада, Израиль

Жар, горячий, как дыхание дракона, обжег спину Руна. Он представил себе пелену огня, перекатывающуюся через закрытый темный саркофаг. Но именно *звук* тревожил его сильнее всего. Он боялся, что эта сметающая все ударная волна могла расколоть его череп, вызвать обильное кровотечение из ушей и осквернить это считающееся священным пространство. За пределами усыпальницы, в которой они находились, камни дождем осыпались на пол у входа. В отличие от первого взрыва, который закупорил расселину сверху, этот, второй, старался разрушить само помещение.

И таким образом отрезать их от мира.

Когда огонь и неистовый грохот стихли и сменились глухим скрежетом, Рун изо всех сил схватился за стенки саркофага, высеченные из известкового камня. Получится так, будто он умер в саркофаге – попав в западню точно так же, как однажды в этой каменной западне закрыли другого человека. Что касается его самого, он был бы рад такому исходу. Но эта женщина и солдат не заслужили такой доли.

После первого взрыва Корце удалось силой заставить их укрыться внутри этого каменного гроба. Понимая, что древняя усыпальница может стать для них единственным убежищем, он напряг все силы и с помощью солдата накрыл их сверху каменной плитой. Если они выжили, он не знал, как сможет объяснить им, откуда у него такая сила. Кодекс, по которому он жил, требовал от него скорее дать им умереть, чем ответить на подобные вопросы.

Но Рун не мог позволить им умереть. И теперь они лежали, плотно прижавшись друг к другу, в крошечной темноте. Корца пробовал молиться, но то, что он чувствовал, по-прежнему переполняло его. Он чувствовал запах вина, которым сам когда-то наполнял это вместилище; чувствовал металлический запах крови, пропитавшей лохмотья, в которые превратилась его одежда; чувствовал запах дыма от сгоревшей бумаги и мела – компонентов использованной взрывчатки.

Ни один из этих запахов не перебивал простого аромата лаванды, которой пахли ее волосы.

Биение ее сердца, быстрое, как взмахи крылышек лесного жаворонка, отзывалось в его груди. Тепло ее трепещущего тела согревало все его тело. После Элисабеты он никогда так близко не соприкасался с женщиной. Он довольствовался малым – Эрин отвернулась от него, уткнувшись лицом в грудь солдата.

Корца считал удары ее сердца и в этом ритме обрел покой, о котором можно только молить Бога. Это продолжалось до той минуты, пока наконец тишина снова не вернулась в их сознание и в мир, лежащий за стенами их маленькой усыпальницы.

Эрин зашевелилась, но он, дотронувшись до ее плеча, попросил лежать спокойно. Он хотел подождать подольше, чтобы быть полностью уверенным, что помещение вновь не начнет трясти, когда они попытаются сдвинуть крышку саркофага. И лишь тогда, когда Корца будет знать, что они наверняка не будут погребены под новым камнепадом, он сможет решиться поднять крышку.

Ее дыхание замедлилось, сердце забилося спокойнее. Да и солдат тоже успокоился.

Наконец Рун уперся коленями в нижнюю часть каменного вместилища и надавил плечом на крышку. Та со скрипом двинулась вбок. Встав и немного передвинувшись, он снова налег на крышку. Массивная плита отодвинулась, образуя щель шириной в ладонь, потом в две ладони.

Наконец она наклонилась и с грохотом упала на пол. Узники были свободны, хотя Рун опасался, что они всего лишь поменяли тесную камеру на более свободную. Но храм, по край-

ней мере, устоял. Люди, которые пробили в камне это потайное помещение, укрепили его стены, чтобы те могли выстоять в любой ситуации, в которой может оказаться гора.

Корца поднялся на ноги и помог Эрин и Джордану выбраться из саркофага. Одна осветительная шашка уцелела при обвале и сейчас освещала помещение тусклым светом. Сошувшись, Рун сквозь пелену обжигающей пыли посмотрел на дверной проем, ведущий в усыпальницу.

Его больше не было. Земля и горная порода засыпали его от пола до потолка.

Оба его компаньона кашляли, прикрывая лицо частями одежды и фильтруя через них воздух. Долго им так не выдержать.

Солдат щелкнул выключателем фонаря и направил его луч на дверной проем. Встретившись глазами с Руном, он отступил на шаг; его и без того мрачное лицо стало подозрительным и настороженным.

Женщина провела лучом второго фонаря вокруг, осматривая разрушения в усыпальнице. Толстый слой пыли лежал на всем; мертвые тела, казавшиеся статуями, засыпанными порошком, напоминали о недавней резне.

Но под разбитыми кусками тяжелой каменной крышки саркофага не скрывалось ничего. Свет ее фонаря надолго задержался в этом месте. Множество пылинок, плавающих в световом луче, не могли запорошить правду о том невероятном, совершенном им деле: о том, как он поднял, а потом отодвинул этот камень, чтобы освободить их.

Солдат, кажется, не обратил на это внимания. Он стоял напротив засыпанного дверного проема с таким лицом, словно перед ним была какая-то неразрешимая тайна.

Луч фонаря женщины, стоявшей рядом с ним, был направлен на Руна, туда же смотрели и ее глаза.

– Благодарю вас, падре.

Он уловил в ее голосе нечто странное, когда она произносила слово «падре». Это привело его в легкое замешательство – он почувствовал, что она неверующая.

– Меня зовут Рун, – шепотом представился он. – Рун Корца.

Он не доверился своему другому вынужденному компаньону и не сообщил ему своего полного имени, хотя общался с ним дольше; но уж если им суждено умереть здесь вместе, то он хотел, чтобы они знали его имя.

– А я Эрин, а это Джордан. А как...

Солдат резко оборвал ее; в его тоне звучало холодное бешенство:

– А кем были они?

Под этим вопросом таился и другой вопрос. Рун понял это по голосу Джордана, прочитал это на его лице: «*Что* они делали здесь?»

Корца задумался над вторым, незадачным вопросом. Церковь запрещает раскрывать правду, это наиболее охраняемый секрет. Многие могут быть потеряны вследствие огласки. Но этот мужчина был воином – таким же, как и он сам. Он твердо стоял на земле, противостоял тьме, и он заплатил кровью за то, чтобы получить верный ответ.

Рун с почтением отнесся к такой жертве. Он посмотрел прямо в глаза своему второму компаньону и сказал ему правду, назвав тех, кто на них напал:

– Они *стригой*.

Его слова повисли в воздухе, словно плавающие пылинки; они скорее затуманили суть дела, нежели открыли правду. Солдат склонил голову к плечу – он был явно сконфужен. Женщина тоже смотрела на священника, и в ее взгляде было больше любопытства, чем злости. В отличие от солдата она, кажется, не ставила ему в вину то, что здесь погибло столько людей.

– Ну и что это значит?

Солдат не успокоится, пока не докопается до истины, да и после этого он, без сомнения, тоже не успокоится.

Рун сбросил камень, лежавший на теле одного из мертвецов, и смел песок с его лица. Женщина светила фонариком на его руки, а он повернул в их сторону покрытую пылью голову мертвеца. Свободной рукой в перчатке он раскрыл его холодные губы, раскрывая перед ними одну из древних тайн.

В луче фонарика блеснули длинные белые клыки.

Рука солдата машинально опустилась на приклад его пистолета-пулемета. Женщина затаила дыхание и непроизвольно прикрыла рукой горло. Животный инстинкт самозащиты. Но вместо того, чтобы окаменеть от страха, она опустила поднятую к горлу руку и, подойдя к Руну, опустилась возле него на колени. Мужчина же, оставаясь на месте, насторожился и готовился к схватке.

Для Руна это не было неожиданным, а вот женщина, проявив себя иначе, его удивила. Ее пальцы – поначалу они дрожали, но дрожь их быстро унялась – потянулись, чтобы ощупать длинный острый зуб; она действовала подобно святому Фоме²⁴, ощупывавшему раны Христовы, ища подтверждения сообщенной ему вести. Правда ее явно страшила, но докопаться до нее она тем не менее хотела.

Эрин смотрела на Руна скептическим взглядом, каким обладает только современный ученый-исследователь. И ждала.

Корца не сказал ничего. Она просила рассказать правду. Он ее рассказал. Но не мог заставить ее поверить рассказанному. Показав рукой на труп, она произнесла:

– Это могут быть колпачки типа коронок, надеваемые на зубы и удлиняющие их...

Даже сейчас Эрин отказывалась верить, ища какую-либо утешительную альтернативу реальности, как это делали многие до нее. Но в отличие от них, она пригнулась ближе, не ожидая получить ни подтверждения, ни утешения, и подняла верхнюю губу повыше.

Когда она ощупывала зубы, Рун ожидал, что ее глаза расширятся от страха, но увидел он совсем другое: ее брови взлетели вверх, а на лице появилось выражение интереса человека, занимающегося наукой.

В очередной раз удивившись, Корца смотрел на нее с таким же интересом, с каким она рассматривала зубы.

17 часов 21 минута

Стоя на коленях над телом, Эрин пыталась осмыслить то, что видела перед собой. Ей необходимо было понять, уяснить значение и смысл всей этой пролитой крови и смертей.

Она мысленно перелистала список этносов, в которых принято заострять зубы. В Суданской пустыне молодые мужчины оттачивают свои передние резцы до остроты бритвы при подготовке к переходному обряду²⁵. У древних майя спиленные зубы считались признаком знатности. На Бали спиливание зубов было частью обряда перехода во взрослый возраст и означало преобразование животного в человека. На всех континентах была распространена подобная практика. На всех без исключения.

Но здесь все было иначе.

Поскольку целью Эрин было добраться до правды, она должна была признать, что эти зубы не затачивались какими-либо инструментами.

– Док, скажите мне, – Джордан навис над ее плечом, а его напряженный голос забивал все маленькое пространство. – Скажите мне, что вы об этом думаете.

²⁴ *Святой Фома* – в Библии один из двенадцати апостолов, не поверивший в воскресение Христа. «Пока не увижу, не поверю», – сказал он. Христос пришел к нему, он увидел, проверил – и поверил.

²⁵ *Переходный обряд* – ритуал, связанный с изменением социального статуса субъекта, например, обрезание, женитьба, посвящение в рыцари и др.

Эрин старалась придать своему голосу спокойное звучание – и ради себя самой, и ради него. Потеряй она сейчас спокойствие и хладнокровие, неизвестно, обретет ли она их когда-нибудь вновь.

– Эти зубы, похожие на те, что мы видим у семейства собачьих, имеют крепкие корни в верхней челюсти. Посмотрите, какие утолщения имеются в основании клыков – там, где под ними расположены углубления в челюстной кости.

Джордан, перешагнув через груды камней, встал между ней и падре. Одна его рука так и застыла на прикладе.

– Я согласен с вами в этом вопросе.

Эрин бросила на него взгляд, в котором, как она надеялась, он заметит приободряющую улыбку. Но, похоже, это не сработало, потому что его лицо оставалось по-прежнему суровым, когда он спросил:

– Но все же что это значит?

Эрин, все еще стоя на коленях, откинулась назад, увеличивая расстояние между собой и зубом, который она только что ощупывала.

– Такие крепкие корни являются обычными у хищных животных.

Корца отошел в сторону. Ствол пистолета-пулемета в руках Джордана последовал за ним.

– Джордан? – Эрин встала рядом с ним.

– Рассказывайте дальше. – Его глаза были сосредоточены на падре, словно он ожидал, что тот прервет женщину; но священник спокойно стоял в стороне. – То, что вы сказали, интересно, ведь верно, падре?

Эрин внимательно рассматривала покрытое пылью лицо мужчины, голова которого лежала на груди камней. Оно имело вполне нормальные человеческие черты, такие же, как и ее собственное лицо.

– Челюсти льва развивают давление в шестьсот фунтов на один квадратный дюйм. Для того чтобы обеспечить такое усилие, альвеолы зубов должны быть прочными и толстым слоем облегать клыки – так, как мы видим сейчас.

– Из сказанного вами следует, – сказал Джордан, прочищая горло, – что эти клыки появились не в результате следования какому-то странному обычаю. Следовательно, они *естественные*?

Эрин вздохнула.

– Я не могу предложить иного объяснения тому, что мы видим.

Даже в тусклом свете своего фонарика, глядя на лицо и в глаза Джордана, она видела, какой шок и страх вызвали у него ее слова. Эрин и сама была в таком же состоянии, но не позволяла своим чувствам овладеть ее сознанием. Чтобы как-то отвлечься от них, она обратилась к преподобному с вопросом:

– Вы ведь называли их «стригой»?

На его лице моментально появилась непроницаемая маска из теней и секретов.

– Этих людей, над которыми тяготеет проклятие, называют по-разному: «вриколаки», «аземы», «даканавары». Они являются бедствием, известным во многих уголках света. Сегодня они называют себя вампирами.

Эрин отпрянула назад. Неужели память об этом ужасе связана с ритуальным подпиливанием зубов, со зловещим подражанием настоящему террору, забытому в настоящее время? Забытому, но еще существующему... Словно ледяной палец провел черту у нее на спине.

– И вы сражались с ними? – Скептицизм Джордана, казалось, заполнил всю усыпальницу.

– Да, – спокойно прозвучал мягкий голос священника.

– Тогда кто же вы сам, падре? – Джордан занял более удобное положение, словно ожидал, что вспыхнет драка. – Некий коммандо из Ватикана?

– Я бы не произносил такие слова. – Корца выставил перед собой руки в перчатках. – Я всего лишь пастырь, покорный слуга Господа. Но для того, чтобы служить папскому престолу, я и еще несколько моих братьев по вере были обучены борьбе с этой чумой, вот так-то.

У Эрин было не меньше сотни вопросов, которые ей не терпелось задать, но среди них был один, требующий немедленного ответа, – тот самый вопрос, который мучил ее с того момента, когда падре, войдя в усыпальницу, произнес свои первые слова.

Церковь обладает преимущественным правом на все то, что находится внутри этой усыпальницы.

Внезапно почувствовав радость от того, что между ними стоит солдат, Эрин наблюдала за этим загадочным человеком из-за плеча Джордана.

– Ранее вы упоминали о Книге, которая, возможно, спрятана здесь. Это из-за нее мы подверглись нападению? Почему мы оказались здесь в западне?

Лицо священника стало непроницаемым. Он вытянул шею к потолку, сложенному из каменных блоков, словно пытаясь получить указание свыше.

– Гора еще не успокоилась.

– Что...

Вопрос Джордана был прерван сильнейшим скрежетом камней, сопровождаемым грохотом сокрушающих взрывов. Земля затряслась – сначала несильно, а затем сильнее и сильнее.

Эрин уткнулась в спину Джордана, прежде чем твердо встать на ноги.

– Очередной толчок?

– Или очередная подвижка, вызванная ослаблением инфраструктуры горы. – Джордан посмотрел на потолок. – В любом случае он опустится. Причем скоро.

– Мы должны сначала найти, как выбраться отсюда, – сказал Корца. – А уж потом обсудим все остальное.

Джордан подошел к засыпанному дверному проему.

– Через него нам не добраться до прохода. – Корца, не сходя с места, медленно сделал полный оборот вокруг себя. – Но ведь говорят, что те, кто пришел сюда, чтобы спрятать эту Книгу во время падения Масады, воспользовались тропой, о которой знали всего несколько человек. И эту тропу они замуровали в каменной кладке, после того как вышли отсюда.

Джордан провел медленным взглядом по стенам.

– И где же она?

В глазах падре был тот же вопрос.

– Это секрет был утерян.

– А вы не скрываете его от нас? – спросил Джордан.

Корца провел пальцами по четкам, свисавшим у него с пояса.

– Эта тропа не входит в свод знаний, интересующих церковь. Поэтому никто о ней и не знает.

– Неправда.

Эрин быстро провела обеими руками по ближайшей к ней стене, втыкая гвоздь в швы между каменными блоками, заделанные раствором.

Все глаза смотрели в ее сторону. Она улыбнулась и сказала:

– Я знаю, где выход.

17 часов 25 минут

Джордан надеялся, что Эрин действительно знает то, о чем говорит.

– Покажите мне, где он.

Она поспешно двинулась в дальний конец усыпальницы, на ходу касаясь пальцами грубой поверхности кладки, как будто читая книгу, написанную шрифтом Брайля²⁶.

Стоун последовал за нею, похлопывая одной рукой по каменной кладке стен, а вторую руку держа на своем пистолете-пулемете. Корце он не доверял. Предупреди их падре с самого начала, его люди могли бы остаться в живых. По крайней мере, пока Джордан не намеревался становиться к нему спиной.

– Чувствуете, какая ровная кладка у этой стены? – спросила Эрин. – Блоки подогнаны так тщательно, что количество раствора, необходимого для их скрепления, было минимальным. Я думаю, они цементировали стыки только в качестве дополнительной меры, дабы обезопасить свод в случае землетрясения.

– Выходит, это единственная причина, почему мы еще живы, – сказал Джордан. – Будем считать это излишествами, допущенными при постройке.

На губах Эрин заиграла смущенная улыбка. Он надеялся увидеть эту улыбку снова, но при свете солнца и где-нибудь в безопасном месте.

У задней стены она опустилась на одно колено возле заколотых трупов. Плечи ее напряглись, а глаза, отвернувшись от мертвых, сосредоточились на стене. Она встала и пошла дальше. Джордан любовался ею. Она, положив ладонь на древние камни, вела его по стене вниз.

– Я еще раньше обратила на это внимание... – Земля снова дрогнула. – Еще до нападения. Когда мы рассматривали девочку. – Эрин взяла его руку и положила ее на каменный блок рядом со своими. – Чувствуете рубчики раствора между блоками?

Он ощутил рукой холодный твердый камень.

– Эта секция не такая, как остальные стены, – торопливо сказала она. – Квалифицированные каменщики – такие, как те, что выкладывали свод, – убрали бы выступающий наружу раствор, дабы придать стене надлежащий вид и защитить раствор от выбивания, если кто-либо коснется стены.

– Вы хотите сказать, что здесь они работали неряшливо?

– Вовсе нет. Тот, кто выкладывал эту секцию стены, работал на *другой* стороне. Вот поэтому-то раствор и выпучивается здесь, на *нашей* стороне.

– Заделанный дверной проход. – Стоун присвистнул. – Отлично, док.

Он внимательно смотрел на стену. Выложенная подобным образом, ее секция имела форму арочного прохода. Возможно, археолог права. Он ударил по стене кулаком. Стена не поддавалась.

– Она кажется мне чертовски прочной.

На то, чтобы прокопать в ней проход, потребуются многие часы, возможно дни. А Джордан был почти уверен в том, что в их распоряжении только лишь минуты. Эрин проделала хорошую работу, но этого совсем недостаточно для их спасения.

Секция сводчатого потолка вблизи дверного проема с треском отделилась от основной кладки и с оглушительным грохотом рухнула вниз. Эрин инстинктивно отскочила назад, а Стоун бросился к ней с намерением предохранить ее от возможного камнепада. Как бы для них все не кончилось погребением здесь, рядом с трупами монстров и людей.

Его людей, рядом с Купером и Маккеем.

– Маккей... – задумчиво произнес Джордан.

Священнослужитель нахмурился, а Эрин пристально смотрела на скрюченное тело Маккея. В ее глазах светились надежда на будущее и понимание того, что задумал Джордан.

– А времени у вас хватит? – спросила она.

– Когда я оказался в *таких* обстоятельствах? Надо решаться не раздумывая.

Пройдя по груде камней, Стоун опустился на колени рядом с телом Маккея.

²⁶ Шрифт (азбука) Брайля – система чтения и письма для слепых (по выпуклым точкам).

Прости меня, дружище.

Он осторожно перевернул его безжизненное тело на бок, стараясь не смотреть на вырван-ное горло, и положил руку ему на плечо. Джордан вспоминал, каким он был, его мертвый друг; вспоминал его лающий смех, его привычку отколупывать этикетки с пивных бутылок, его похотливые взгляды, бросаемые на встречаемых красивых женщин.

Все прошло.

Но никогда, мой друг, не будет забыто.

Стоун снял с его плеч ранец и вернулся к стене, где его ждала Эрин. Он не хотел оставлять ее наедине со Корцой. Кто знает, что у этого человека на уме. Этот священнослужитель весь набит тайнами, которые стоили жизни его людям. Интересно, как будет падре хранить свои тайны, если им удастся выбраться из этой западни?

Что бы он ни планировал, эта гора, вероятнее всего, раздавит их. Джордан быстрым движением расстегнул молнию и раскрыл рюкзак. Будучи подрывником группы, Маккей запасся взрывчаткой, которая, согласно первоначальному плану, предназначалась для взрыва емкостей с отравляющим газом и уничтожения все еще опасных его остатков. Ведь тогда они думали, что им предстоит нечто более простое, типа ликвидации террористов.

Джордан действовал быстро, вставляя взрыватели в блоки пластиковой взрывчатки С-4. Маккей мог бы справиться с этим намного быстрее... Джордан старался не думать сейчас о нем и не смотреть в его сторону, будучи не в силах подавить в себе боль и горечь от этой потери. Может быть, потом ему станет легче. Если, конечно, это «потом» для них наступит.

Он уложил и скрепил проволокой заряды, быстро делая в уме необходимые расчеты и бросая при этом частые взгляды на Эрин, разговаривающую с преподобным.

– Эта девочка, – сказала она, показывая рукой на тело пригвожденного к стене ребенка, – по вашим словам, умерла, когда ей было две тысячи лет?

Голос Корцы был настолько тихим, что Джордану пришлось напрячь слух, чтобы расслы-шать его ответ.

– Она была из стригоев. Замурованная здесь для того, чтобы охранять Книгу. И эту воз-ложенную на нее миссию она исполняла до того момента, пока эти серебряные стрелы, выпу-щенные из арбалетов, не прервали ее жизнь.

Работая руками, Джордан представил себе, как разворачивались эти леденящие кровь события: *нацисты открыли саркофаг, обнаружили девочку, которая еще живая лежала в этом распроклятом гробу, а затем пригвоздили ее к стене градом серебряных стрел.* Стоун вспомнил тот измятый потрепанный противогаз, валявшийся возле входа в усыпальницу. Должно быть, нацисты знали, что их может ожидать там. Они готовились к встрече и с девоч-кой, и с токсичным газом.

Эрин наседала на падре, стараясь найти путь к пониманию всего этого, стараясь вставить разрозненные куски информации в научное уравнение, дабы объединить их и придать смысл.

– Выходит, что церковь использовала эту бедную девочку? Насильно заставила ее быть сторожевой собакой целых две тысячи лет?

– Она не была *девочкой*, и она спала, оставаясь нетленной в этом святом вине. – Корца перешел на шепот, в котором слышались нотки обиды. – Вообще-то вы правы. Не все одобряли столь жестокое решение. И были против этого проклятого места. Говорят, что апостол Петр указал на эту гору в то трагическое время, дабы связать кровавую жертву иудейских мучеников с этой усыпальницей, воспользоваться этой мрачной завесой ужаса в качестве дополнительной защиты сокровища.

– Постойте, – с насмешливой издевкой возразила Эрин. – Вы говорите, *апостол Петр...* святой Петр? Вы говорите, что он приказал кому-то доставить эту Книгу сюда во время осады Масады?

– Нет. Петр сам принес сюда Книгу. – Руки священника перебирали четки. – Вместе с теми, в ком он был абсолютно уверен.

Джордану показалось, что падре вовсе не расположен рассказывать им об этом.

– Да этого не может быть, – в запале возразила Эрин. – Петр был распят во времена царствования Нерона. Примерно за три года *до того*, как пала Масада.

Корца, повернув голову в сторону, ответил ей тихим голосом:

– При описании исторических событий точность соблюдается не всегда.

Как раз в тот момент, когда преподобный произнес эту загадочную фразу, Джордан закончил свои приготовления. Он встал и поднял беспроводной детонатор. Эрин вопросительно посмотрела на него.

Жаль, что Стоун не мог придумать более успокоительных слов.

– Или это сработает... или мне придется нас всех убить.

Глава 11

26 октября, 18 часов 01 минута по местному времени

Месторасположение не определено, Израиль

Сидя на больничной койке, Томми потрогал трубку внутривенной капельницы, торчащей у него из груди. Он делал это скорее машинально, чем из любопытства. Он знал, зачем медсестра поставила ему капельницу. Это была уже вторая капельница. После столь частого забора крови они опасались, что вена может не выдержать и лопнуть.

Его лечащий врач – худенькая скуластая женщина в оливково-зеленой форменной одежде и с мрачным лицом – не удосужилась назвать ему свое имя, что показалось ему странным. Обычно врачи представлялись, надеясь на то, что пациент запомнит их имя. А эта женщина-врач вела себя так, словно хотела быть забытой, и как можно скорее.

Томми потянул на себя тонкое фланелевое одеяло и огляделся вокруг. Палата, в которой он лежал, казалось, была обычной больничной палатой: регулируемая кровать, внутривенные линии вливания бог знает чего ему в кровь, столик с оливково-зеленым пластмассовым кувшином и чашкой.

Ему было скучно без закрепленного на стене телевизора, хотя он и не понял бы ничего из передач израильских каналов. Но за многие месяцы, проведенные им до этого в больницах, он привык к тому, что привычное мелькание картин на мерцающих экранах оказывало на него успокаивающее действие.

От нечего делать Томми слез с кровати и, направившись к окну, потащил за собой стойку со всем, что было укреплено на ней; его голым ступням было холодно на полу, выложенном плитками из линолеума. Из окна открывался вид на освещенную луной пустыню, нескончаемые скалы и купы низкорослого кустарника. За автомобильной парковкой он увидел какое-то нерукотворное свечение. Израильтяне, вывезя его из зоны бедствия, переместили неизвестно куда.

Зачем?

Больницы, в которых он лежал, находились в городах, в людных местах, где были огни и автомобили. Но ничего этого он не увидел, когда вертолет сел на парковку, – лишь группу зданий, большинство окон в которых были темными.

В вертолете Томми был пристегнут ремнями к среднему сиденью между двумя израильскими коммандос, которые, насколько это было возможно, отстранялись от него, боясь соприкоснуться с его телом. Он мог предположить, чем это было вызвано. Еще перед полетом Томми слышал, как один американский солдат упомянул, что на его одежде и на коже в открытых местах могут сохраниться составляющие компоненты токсичного газа. Никто не осмелился прикоснуться к нему до тех пор, пока он не прошел процедуру дегазификации.

Там, в Масаде, его раздели догола и поместили в дегазификационную палатку, и его одежду тоже. Когда он был в палатке, его заставили пройти через систему химических душей и, казалось, соскребли с его кожи каждую отмершую клетку. Даже использованная при мытье вода собиралась в особые герметичные бочки.

Томми готов был держать пари на то, что именно по этой причине он и оказался в этой глухомани: стал подопытной морской свинкой, наблюдая за которой, они смогут выяснить, почему он перенес воздействие этого газа и остался живым, в то время как все остальные умерли.

В конце концов, пройдя через все это, Томми был рад тому, что больше никто и никогда не будет вспоминать о поражении кожи, вызванном меланомой, исчезнувшем с его запястья. Он рассеянно поскреб пальцем это место, все еще пытаясь выяснить, что это могло значить.

Его секрет было легко сохранить. С ним практически никто и не говорил – они говорили *при нем*, говорили *о нем*, но редко говорили *с ним*.

И только один человек смотрел ему в глаза.

Падре Корца.

Томми помнил эти черные глаза на добром лице. Его слова были добрыми и тогда, когда он расспрашивал о его отце и матери, об ужасах того дня. Томми не был католиком, но, несмотря на это, ценил доброту преподобного.

Стоило ему подумать о родителях, на глаза тут же наворачивались слезы – но он прятал их в коробочку. Томми сам придумал эту коробочку, куда складывал свои лекарства от рака. Когда что-то причиняло ему нестерпимую боль, он откладывал это на потом. При его ухудшающемся здоровье и терминальном диагнозе²⁷, Томми и представить себе не мог, что будет жить долго и вряд ли ему потребуется открывать эту коробочку.

Опустив глаза, он внимательно рассматривал свое запястье.

Теперь казалось, что так оно и будет.

²⁷ Терминальный диагноз – диагноз опасных для жизни заболеваний, учитывающий динамику протекания болезни, физическую боль, положение в семье и прочие индивидуальные особенности больного и его жизненные обстоятельства.

Глава 12

26 октября, 18 часов 03 минуты по местному времени

Масада, Израиль

Эрин опустилась на колени за саркофагом, закрыв уши руками, сразу, как только Джордан включил спусковой механизм взрывателя устройства С-4, закрепленного на стене. Взрыв буквально встряхнул все ее внутренности. Каменная пыль заполнила помещение. Посыпавшийся с потолка песок скользил по ее не прикрытой одеждой коже, словно тысячи мелких шустрых паучков.

После взрыва Джордан довольно сильно потрянул ее и прокричал:

– Передвиньтесь отсюда!

Эрин не поняла, к чему такая поспешность, – ведь эхо от взрыва еще отдавалось у нее в ушах, мало того, оно становилось все сильнее. Она в изумлении смотрела на землю, качавшуюся под ней.

Еще один толчок.

Падре взял ее за другую руку и потянул к еще дымившейся стене. В ней зияло небольшое отверстие. Но оно было *слишком* маленьким.

– Помогите мне! – закричал Джордан.

Взявшись втроем, они выдернули сдвинутые, отделившиеся друг от друга блоки вдоль кромки стены. За образовавшимся в стене отверстием неясно маячил вырубленный в скале темный проход. Давным-давно люди пробили его, чтобы он выводил их куда-то, а сейчас для них переместиться хоть *куда-либо* было намного лучше, чем оставаться здесь.

Толчки становились все более угрожающими. Неустойчивая земля уходила из-под ног у Эрин и отбрасывала ее на стену.

– Скорее! – заорал Джордан, вытаскивая последний блок, после чего узкий лаз стал проходным, хотя бы с трудом и впритык. – Всем уходить!

Прежде чем они смогли что-то начать, громоподобный раскат швырнул всех на пол.

Арочный потолок над их головами прорезала трещина.

Джордан вскочил на ноги, схватил Эрин и протолкнул ее в отверстие в стене. Пробираясь через него, она в кровь ободрала локти. Протащив через лаз ноги, посветила фонариком на Джордана.

– Сейчас вы, падре, – велел Джордан. – Вы тоньше, чем я.

Согласно кивнув, преподобный просунул голову в узкий проем, затем протащил свое тело; вкатившись в проход за стеной, стал на колени рядом с Эрин и сразу же обвел проход быстрым взглядом. Что он ожидал там увидеть?

Эрин снова повернулась к Джордану. Он приветствовал ее торопливой улыбкой. За его спиной весь потолок рухнул вниз одним большим куском, раскрошив на куски саркофаг.

Джордан бросился в проем. Просунув в него одно плечо, стал быстро протискиваться дальше. Лицо его побагровело от натуги. Усыпальница позади него продолжала рушиться, просядая под массой горы. Голубые глаза Стоуна встретились с ее глазами. Эрин поняла то, что они выражали. Он не сможет пролезть. Джордан кивком указал вперед в сторону темного прохода, давая понять, что она должна оставить его.

Внезапно до невозможности сильные пальцы Корцы ухватились за свободную руку Джордана и дернули ее с такой силой, что блоки по обеим сторонам лаза слетели со своих мест, освободив проход для тела. Джордан свалился на священника, задыхающийся, с лицом, выражающим что-то среднее между агонией и облегчением.

Корца поднялся и помог встать Джордану.

– Спасибо, падре, – Стоун учтиво пожал ему руку. – Хорошая работа, я даже и не пускал в ход второе плечо.

Священник жестом руки указал на темный, ведущий вниз проход. Перед ними был крутой спуск – лестница из грубо вырубленных ступеней. Гора продолжала сотрясаться, и им было ясно, что опасность еще не миновала.

– Пошли! – сказал он.

Эрин сейчас было не до возражений. Она бросилась вниз по туннелю, перепрыгивая через ступеньки, в слабеющем луче своего фонарика с трудом различая, куда поставить ногу. Гора продолжала сотрясаться. Эрин уже не ориентировалась, где право и где лево, где верх, а где низ. Она стремилась только вперед.

Оступившись, она подвернула правую лодыжку и упала бы, если бы падре не подтолкнул ее вперед и не взвалил ее тело себе на плечи, как это делают пожарные, когда переносят травмированных людей в безопасное место. Рука, обхватившая ее тело, была железной, перекачивание его мышц во время бега походило на поток расплавленной каменной массы.

Спустившись на один ступенчатый пролет перехода и оказавшись в более-менее безопасном месте, Корца внезапно остановился и поставил ее на ноги.

Переведя дыхание, Эрин ощупала лодыжку. Больно, но терпимо. Она направила вперед слабый луч своего фонарика. Луч уперся в стену, выложенную из известняковых плит и преграждающую дальнейший путь.

Джордан, догнавший их, прохрипел:

– Тупик.

18 часов 33 минуты

Рун провел рукой по плоской стене, преграждающей им дорогу, ощупал ее поверхность в поисках возможного выхода из этого смертельного тупика. Была уже ночь, но каменная кладка еще сохраняла остатки солнечного тепла.

Закрыв глаза, Рун представил себе крупный камень, который, будучи установленным в каком-то месте в стене, преграждал выход из туннеля. Он уже чувствовал, что в углах нижнего ряда кладки между блоками имеются зазоры.

Затем Корца, приложив ухо к грубой поверхности камня, прислушался к тому, что происходит в мире, расположенном по ту сторону каменной кладки. Затаив дыхание, он вслушивался в звуки, доносившиеся оттуда: мягкая поступь когтистой лапы по песку, еле слышное биение сердца шакала...

– Может, пойдем назад, падре? – спросил Джордан, его голос сопровождался гулким эхом. – Поищем другой проход?

Но этот американец, конечно же, знал, что никакого другого прохода не существует.

– Мы почти на свободе, – объявил Рун, выпрямляясь и поворачиваясь лицом к своим спутникам. – Это последнее препятствие.

Но время неумолимо текло, как песок в песочных часах.

В данном случае это соответствовало тому, что было на самом деле.

Гора над их головами не прекращала сотрясаться. И сейчас песок сыпался сверху на крутые ступени прохода, сыпался через расселины и трещины, образовавшиеся выше, и скапливался в этой, самой нижней, части туннеля. И для того, чтобы заполнить его полностью, требовалось не так много времени.

Джордан, присоединившись к Руну, тоже приложил ладонь к каменной кладке.

– Будем толкать?

Другого выбора не было.

Эрин, закинув за уши пряди своих белокурых волос, присоединилась к ним.

Рун налег всем телом на ближайший к ним каменный блок, сразу же осознал тщетность своих усилий, но продолжал давить вместе с ними на стену, пока по звуку биения их сердец не понял, что они выдохлись; кроме того, он почувствовал запах крови из их расцарапанных о камень ладоней. Этих общих усилий было явно недостаточно.

А Масада тем временем сотрясалась. Песок уже доходил до середины икр.

Его спутники, стоя по обе стороны от него, облокотились спинами на недвижные камни.

– А как насчет гранаты, висящей у вас на поясе? – Женщина кивком указала на нее. – Может, она, взорвавшись, сделает пролом в стене?

– Гранатой эту стену не разрушить, – вялым голосом ответил Стоун. – Осколки полетят прямо в нас. Даже если бы у меня еще оставалась взрывчатка из запасов Маккея, сомневаюсь, что нам удалось бы взорвать эту стену и не превратиться при этом в котлеты для гамбургеров.

Сильный толчок потряс гору. Лицо Эрин побелело. Джордан пристально смотрел на камень, словно решил попытаться сдвинуть его с места усилием воли. Grimаса отчаяния перекосила его лицо, неодолимое желание жить, хотя бы еще один час, еще один день.

Стоун, обхватив рукой женщину, привлек ее ближе к себе. Она всем своим обмякшим телом прильнула к нему, пряча лицо у него на груди. А он нежно поцеловал ее в макушку, возможно, так нежно и осторожно, что она даже и не почувствовала его поцелуя. Как легко они перешли к объятиям... Священник задумчиво смотрел на естественное успокоение и поддержку, которые обеспечивают контакт, прикосновение, утешение, обретаемое лишь при взаимном сближении.

Его пронзила сильная душевная боль, желание быть такими, как они.

Но это была не его роль. Он отвернулся и стал рассматривать большой валун, решив не мешать им своим присутствием.

Песок сыпался ему на брови и ресницы. Он, не поворачиваясь в их сторону, закрыл глаза и застыл в молитвенной позе.

*Слово Твое – светильник ноге моей и свет стезе моей*²⁸.

Строки Священного Писания всплывали в его памяти, когда надо было найти ответы на поставленные вопросы и когда надо было на чем-то сосредоточиться. Он подчинился воле Господа, отдал себя в Его руки.

Песок медленно покрывал его ноги, а он ждал – но ответа не было.

Пусть будет так.

Он обретет свой конец здесь.

Рун взял в руку нагрудный крест, и вдруг строка из Священного Писания вспыхнула золотым сиянием перед его мысленным взором: *Иосиф, купив плащаницу и сняв Его, обвил плащаницею и положил Его во гробе, который был высечен в скале; и привалил камень к двери гроба...*²⁹

Ну конечно же!..

Глаза его широко раскрылись, и он стал внимательно рассматривать один из камней. Корча ощупал его поверхность, представил себе точно такую же поверхность этого камня с другой, наружной, стороны. Он припомнил зазоры между блоками в углах нижнего ряда кладки, припомнил, что края одного из камней были *закругленными*. Он представил себе, что это закругление тянется по всему периметру камня, образуя окружность.

Мысленно он видел это.

Плоский каменный диск.

Его губы шевелились в молчаливой благодарной молитве; он встретился глазами со своими спутниками.

²⁸ Псал. 118:105.

²⁹ Мк. 15:146.

Эрин встала и сделала шаг к нему.

– Ну, что?

Она, должно быть, заметила что-то на его лице. Вероятней всего, то, что говорило о его собственном отчаянии, которое так легко могли увидеть другие. Глаза женщины светились надеждой.

Когда к ним подошел Стоун, Рун отцепил с его пояса гранату.

– Да это не сработает, – махнул рукой солдат. – Я же только что объяснял...

– Помогайте мне.

Корца, пройдя через кучу насыпавшегося сверху песка, подошел к валуну и стал разрывать песок в углу, образованном каменной кладкой и полом. Он копал быстро и споро, но песок постоянно осыпался, сводя его усилия на нет. Одному ему было не справиться.

– Помогите мне.

Спутники стали по обе стороны.

– Докапывайтесь до пола, – приказал он.

Они дружно работали до тех пор, пока не обнажилась от песка нижняя кромка и они не увидели своими глазами небольшой закругленный и заполненный раствором зазор между каменным диском и полом туннеля. Рун нагнулся и, протянув руку вниз, задохнул гранату глубоко в расселину, закрепив ее под кромкой диска. После этого он просунул палец в кольцо и, повернув голову, произнес:

– Отойдите, насколько это возможно, назад по туннелю.

– А вы? – спросил Стоун.

Никто уже не выгребал песок, и он сыпался и сыпался, покрыв запястье преподобного, а затем поднялся до половины локтевой кости.

– Я последую за вами.

Солдат поколебался, но в конце концов кивнул и повел женщину с собой. Эрин, обернувшись, спросила:

– А вы уверены, что это сработает?

Рун не был в этом уверен. Но он должен был довериться Господу – и поверить стиху Библии, в котором сказано, что камень закрывает доступ ко гробу.

От Марка святое благовествование, 15:46.

Корца шепотом произносил его сейчас, как ответ на поставленный вопрос и как молитву.

Иосиф, купив плащаницу и сняв Его, обвил плащаницею и положил Его во гробе, который был высечен в скале; и привалил камень к двери гроба.

С этими словами он дернул кольцо на гранате, освободил руку и начал лихорадочно разгребать насыпавшийся песок.

Он сделал всего три шага.

Позади него рванула граната; раздался сильнейший, какой-то лающий хрип, вместе с которым в воздух взлетел огненный шар, окутанный облаком пыли. Когда Рун упал на пол, его голова уперлась в край стены.

В полубессознательном состоянии, не видя ничего перед собой, он перекатился на спину.

Послышался звук шагов – его спутники подошли к нему.

Он неподвижно лежал плашмя на спине.

В воздухе пахло песком и дымом – но вскоре бриз освежил воздух в проходе. Сладкая, чистая струя воздуха пустыни.

– Я потащу его.

Джордан, подхватив Руна под мышки, поволок его по засыпанному песком полу.

Женщина бежала впереди.

– Смотрите! Силой взрыва гранаты камень *откатило* на два фута в сторону. Как мне это не пришло в голову... Они закрыли вход сюда, как в усыпальницу Христа!

– ... и привалил камень к двери гроба, – с трудом произнес Рун; его голос то звучал четко, то сходил на нет.

Конечно же, Эрин поняла теперь то, что он проделал.

Корца пролез мимо закопченного взрывом камня на воздух. Посмотрел вверх. Звезды были яркими, сияние их было пронзительным, как острие бритвы, и вечным. Эти звезды наблюдали за тем, как возводилась Масада, они же были свидетелями ее разрушения.

Мощное крещендо скрежещущего камня и грохот падающих скал слились воедино – казалось, что гора развалилась окончательно. А потом наконец-то наступила долгожданная тишина.

Эрин и Джордан все еще продолжали тащить священника дальше в пустыню, не желая больше подвергаться риску. Но в конце концов они остановились.

Теплая рука сжала плечо Руна. Он заметил блеск ее янтарных глаз.

– Спасибо вам, падре, вы спасли наши жизни.

Такие простые слова. Слова, которые ему редко доводилось слышать. Как солдату Господа, ему часто доводилось по многу дней не говорить ни с кем. Та прежняя боль – он наблюдал, как эта пара обнимается под звездами, – вернулась, только сейчас она вонзалась глубже, причиняя почти непереносимые муки. Рун пристально смотрел в эти глаза.

Чувствовал бы я что-то подобное, не будь она такой красивой?

Когда тьма скрыла его, Эрин, склонившись ближе, спросила:

– Падре Корца, а какую Книгу вы здесь искали?

Она и этот солдат сражались, убивали, теряли своих друзей – и все из-за этой Книги. Так разве они не заслужили ответа на этот вопрос? Даже по одной этой причине он должен ей сказать.

– Это Евангелие. Написанное кровью его создателя.

Ее лицо предстало перед ним в обрамлении звезд, сиявших на небосклоне за ее спиной.

– Что вы имеете в виду? Вы говорите о каком-то утраченном апокрифическом тексте?³⁰

Рун слышал в ее голосе страстное стремление к знанию, но она, казалось, не поняла смысла его слов. Он повернул свою еще тяжелую голову и встретился с ней глазами. Она должна видеть, что он говорит искренне.

– Это Евангелие, – повторил он; в эту минуту над миром опустилась тьма, – собственно-ручно написанное Христом. Его собственной кровью.

³⁰ *Апокрифический текст* – сочинение, предполагаемое авторство которого не подтверждено и маловероятно или недостаточно.

Часть II

*Много сотворил Иисус пред учениками Своими чудес, о которых не
написано в книге сей.*

Ин. 20:30

Глава 13

26 октября, 16 часов 48 минут по местному времени

Борт вертолета над Масадой

Вертолет «Еврокоптер» набирал по спирали высоту над дымящимся вулканическим кратером, образовавшимся на том месте, где прежде возвышалась Масада. Пилот с трудом преодолевал тепловые потоки, поднимающиеся от пустыни и возникшие после того, как темная песчаная завеса песка постепенно осела, давая свободу палящему солнечному жару. Лопасти перемешивали каменную пыль, двигатели надрывно завывали, всасывая засоренный воздух.

Внезапно вертолет сильно тряхнуло, и он завалился на правый борт, едва не выбросив за борт Баторию, стоявшую перед открытой дверью отсека. Она, вцепившись в поручни ограждения, напряженно всматривалась вниз. Над разрушенной вершиной горы все еще бушевало пламя. Она лицом чувствовала его жар, словно смотрела не вниз, а вверх, на солнце. На мгновение закрыв глаза, Батория мысленно перенеслась в один из летних дней своей юности, в загородный дом на берегу реки Дравы в Венгрии; представила себя сидящей в саду, наблюдающей за младшим братом Иштваном, который своим маленьким сачком пытался ловить бабочек.

Какой-то странный гул вернул ее обратно в вертолет; воспоминания отлетели прочь, и это вызвало ее раздражение. Она повернулась к лежащему на полу молодому капралу; его бледное лицо и узкие зрачки ясно свидетельствовали о том, что он пребывает в состоянии глубокого шока.

Тарек стоял на коленях на его плечах, а его брат Рафик рисовал что-то на груди парня острием своего кинжала; по его скучному лицу было видно, что занимается он этим от скуки, вызванной бездельем. Когда ему надоело и это, он, как бы в рассеянности, облизал лезвие, как будто послуныявил карандаш, готовясь писать дальше.

– Прекрати, – приказала Батория.

Тарек посмотрел на нее тяжелым злобным взглядом, одна половина его верхней губы приподнялась, обнажив длинный клык. Рафик опустил вниз руку, державшую кинжал. Взгляд его проворных, как у хорька, глаз метался между Баторией и братом, лицо его сияло в предвкушении того, что может произойти.

– У меня есть к нему один последний вопрос, – сказала она, пристально глядя на Тарека.

Взгляд, устремленный на нее, был взглядом животного. Впрочем, для нее Тарек и Рафик во всех смыслах и были животными.

Наконец Тарек откинулся назад и дал знак брату уйти.

Батория, заняв место Рафика, положила ладонь на щеку солдату. Как он был похож на Иштвана... Именно поэтому она запретила им уродовать его лицо. А он в упор смотрел на нее, жалкий, почти ослепленный болью, едва ли понимающий, что с ним и где он.

– Я даю тебе обещание, – сказала она, опускаясь так близко к его лицу, словно желая поцеловать его в губы. – Один последний вопрос. Ответ на него – и ты свободен.

Их взгляды встретились.

– Эрин Грейнджер, археолог.

Батория решила сделать паузу, чтобы это имя проникло сквозь ступор в его сознание. Ранее он уже выболтал практически все, что знал: о том, как они избежали гибели под обвалом на охваченной огнем вершине Масады. Батории следовало бы оставить умирать его там вместе с товарищами по оружию, но ей необходимо было выжать из него все, что возможно, невзирая на жестокость, с которой это будет сопряжено. Она уже давно овладела всеми практическими аспектами использования жестокости.

– Ты говорил, что доктор Грейнджер работает вместе с группой студентов.

Батория помнила женщину, которую камера, установленная на ровере, выводила на монитор. Эта женщина-археолог не выпускала из рук мобильный телефон, было ясно, что она пытается связаться с внешним миром. Но зачем? Снимала ли она что-либо на камеру в телефоне? Нашла ли какие-либо ключевые факты? По всей вероятности, нет, но перед тем, как покинуть это место, Батория должна абсолютно удостовериться в этом.

В зрачках глаз капрала, застывших на ней, была агония – он знал, что она задумала.

– И где же они? – спросила Батория. – Где доктор Грейнджер проводит раскопки?

Слеза, вытекшая из глаза капрала, коснулась ее ладони, лежавшей на его щеке. Какое-то мгновение – мимолетное, как вдох, – она надеялась, что он все-таки промолчит.

Но он не промолчал. Его губы зашевелились. Батория склонила к ним ухо, чтобы слышать одно-единственное слово.

Кесария.

Она выпрямилась, и в ее голове сразу начали возникать планы. Рафик сосредоточенно смотрел на нее, его глаза выражали готовность исполнить ее приказ. Он обожал такие дела. Его пальцы сжимали рукоять кинжала.

Батория, не обращая на него внимания, отвела волосы с бледного лба капрала.

Как он похож на Иштвана...

Снова нагнувшись, она поцеловала его в щеку и чиркнула зажатой в руке бритвой по его горлу. Струей хлынула темная кровь. Слабый стон донесся до ее уха.

Когда Батория выпрямилась, глаза капрала были уже пустыми и безжизненными.

*Наконец-то свободен*³¹.

– Никому не дотрагиваться до тела, – приказала она, вставая на ноги.

Рафик и Тарек удивленно пялились на нее, не понимая, как можно упустить шанс доставить себе удовольствие.

Не обращая на них внимания, Батория, опустившись на сиденье, откинула назад голову. Она не считала для себя нужным пускаться в какие-либо объяснения с ними и им подобными. Прислонившись спиной к переборке грузового отсека, она чувствовала, что там происходит какое-то движение и перемещение чего-то тяжелого. Вытянув руку, положила ладонь на переборку. *Успокойся, –*

³¹ «Наконец-то свободен» – слова из известной песни американских негров; они же высечены на могильной плите Мартина Лютера Кинга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.